

Литературно-художественный
православный альманах
«Арина НН»
Современная русская поэзия и проза

Выпуск № 20

Издатель:
Селезнёв Борис Анатольевич.
Адрес издателя:
603146, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 54-12.

Альманах зарегистрирован Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
по Нижегородской области.

Свидетельство о регистрации издания
ПИ № ТУ 52-0425 от 24 февраля 2011 года.
Учредитель: Б.А. Селезнёв.

Адрес редакции: 603146, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 54-12.

Контактные телефоны: 417-17-80;
8-910-395-23-12; 8-960-184- 21-50.

E-mail: basnn53@mail.ru

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов.
При перепечатке материалов ссылка на «Арину НН» обяза-
тельна.

Подписано в печать.12.2012 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 726. Тираж 500 экз.
Цена свободная.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «Пламя»
Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, 3, ИНН 5257037107.

АРИНА НН

Современная русская поэзия и проза

Нижний Новгород
2012

А 79
УДК Рс
ББК 83.3 (2=Рус) 6

«Арина НН». Литературно-художественный православный альманах, вып. двадцатый. – Нижний Новгород: ООО «Издательство «Пламя», 2012 г. – 232 с.

Главный редактор Борис Селезнёв.
Зам. главного редактора Марина Зубова.

Редакционный совет:

Валерий Сдобняков
Александр Ломтев
Диана Кан
Любовь Ковшова
Олег Захаров
Геннадий Ёмкин
Александр Высоцкий
Владимир Дорошев
Алексей Лосяков

На обложке — поэтесса Анастасия Устинова.

Ответственный редактор выпуска (№ 20)
Татьяна Антипова
Корректор Светлана Высоцкая

УДК Рс
ББК 83.3 (2=Рус) 6

© «Арина», 2012
© Оформление ООО «Издательство «Пламя», 2012

Новинки

То, что таких здоровых сил у нас много, подтверждают самобытные, красивые, талантливые герои книги «Душа живая»! Не оскудела земля Русская верными сынами, а также истинными художниками, без коих «был бы сер и убог мир» - «без их жертвенности, без их «высшей справедливости», без их способности радоваться милости Божией, дарованной всем нам через талантливые поэтические строки, через прозаические художественные образы, через горячее поэтическое слово» (очерк «Я был в душе осенним человеком»).

Вышла книга в Нижнем Новгороде недавно (издательство «Вертикаль. XXI век»). Тираж небольшой, всего 500 экземпляров, но найти и прочитать книгу надо!

Сергей СКАТОВ

Автор, хочется ему того или нет, - согерой книги. Не менее яркий! Но как иначе, если сам же и является непосредственным участником многих описываемых событий?

Мгновение за мгновением сливаются в портреты, пейзажи, панорамы, и вот уже перед нами деревенская глубинка, Н.Новгород, Москва, Россия во всех красотах и без прикрас.

Посреди неизменно - фигура художника, писателя, поэта, как правило, неприкаянная, одинокая. Может быть, оттого, что теряется у величественного пьедестала России? «Сколько же неизреченной, тонкой, одухотворенной красоты содержится в себе русская земля! - восклицает Валерий Сдобняков. - Сколько в ней простора и воли. Ни на словах об этом не рассказать, не передать в красках. Лишь самую ее малость улавливает писатель или художник».

Или, может быть, потому, что «...поэт, если свыше награжден неким даром, всегда одинок, томим сопереживанием и предчувствием. Одинок по-настоящему, глубоко. И именно этих своих певцов Россия-мать обрекает на какое-то немислимое, житейски не объяснимое, зачастую с неким мистическим оттенком гибельное служение» (очерк «Память сердца»).

Чему сопереживает, что предчувствует душа поэта, следовательно, автора?

Одно из сопереживаний: «...наша главная национальная черта - совесть, нетерпимость... к несправедливости. Притом, чем эта несправедливость меньше касается лично и непосредственно нас и чем больше имеет общенациональный или некий глубокий характер, - тем нам больнее и невыносимее» (очерк «Друг»).

Одно из предчувствий: «...складывается такое впечатление, что тело России сознательно, без всяких войн и национальных конфликтов, без политического шума социальных потрясений начинают разрываться на части и готовить для враждебного заселения... В самых центральных областях, на Волге уже во многие места просто невозможно добраться. Перестали работать переправы, ходить по реке «Метеоры»... И теперь зарастают березняком поля, рушатся выстроенные когда-то фермы, распадаются в прах покинутые дома. Но брошенная земля не может долго быть ничейной» (очерк «И просто - жить...»).

И, конечно, неизбывная боль и любовь, величайшая радость для Валерия Сдобнякова - это родная литература, которой автор, как и писатели - герои его книги, отдает себя без остатка. А если шире - русская культура вообще.

«Художественная культура переживает сейчас тяжелую пору, ибо вседозволенность беспредельно царствует в так называемом художественном творчестве. Сама правда изображается вкось, ложь без малейшего стеснения играет на подмостках жизни роль правды; грязная аморальность с наглой смелостью надевает на себя чистые одежды морали; пошлый натурализм, скабрёзность, бессовестная порнография властвуют на телевидении, в кинематографе, на книжном рынке, выдавая себя за современную культуру» (Юрий Бондарев в интервью «В предчувствии апокалипсиса»).

При всем при этом автор «относительно дальнейшей судьбы России полный оптимист. У нас много здоровых нравственных сил, и мы перебором свалившуюся на нас болезнь. Россия не только воспрянет, но и сиять будет на весь мир» (из интервью Валерия Сдобнякова газете «Русь Державная»).

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора. «Приумножать любовь»	4
Марина Зубова «Ангел с огненным мечом»	5
Евгений Семичев (Новокуйбышевск) «Божья слеза»	13
Диана Кан (Новокуйбышевск) «Высшая мера»	33
Геннадий Ёмкин (Саров) «Китеж»	52
Наталья Кожевникова (Оренбург) «Польнь-звезда»	75
Марина Зубова (Саров) «Благословение»	85
Александр Паксиваткин (Сан-Донато) «Три святых»	93
Ольга Горнова (Нижний Новгород) «Россия направляет взор»	97
Алексей Лосяков (Кстово) «Истина в духе...»	99
Татьяна Антипова (Нижний Новгород) «Женское счастье»	101
Наталья Иванова (Москва) «К воротам ноосферы»	108
Владимир Хохлев (Санкт-Петербург) «Я шёл по небу...»	116
Юрий Герасимов (Кулебаки.) «Спрятать цветок на груди»	129
Валентина Пономарёва (Нарышкино) «Русские Иваны»	149
Владимир Губин (Нижний Новгород) «Любовью побеждай...»	158
Надежда Ефремова (Костромская обл.) «Укради меня!!!»	164
Борис Селезнёв (Нижний Новгород) «Смертный грех»	171
Эмма Сорокина (Ветлуга)	191
Татьяна Панченко (Нижний Новгород)	197
Любовь Ковшова (Саров) «Берлянд» Сказка	207
Нам пишут	213
В Нижегородской организации СП России	217
Информационные письма	221
Новинки	229

ПРИУМНОЖАТЬ ЛЮБОВЬ

Когда заканчивался подбор авторов и произведений для этой, в прямом значении слова *юбилейной* «Арины», сердце моё постепенно охватывало сначала предчувствие, а потом уже уверенное, крепкое радостное чувство, — чувство не только родившегося, но и сложившегося, окрепшего, и уже сильного «духом и телом» живого организма. Сказать лучше — создания, а ещё лучше — человеческого создания, по большому счёту. Не зря же и сам альманах называется «Арина». А *Арина*, Арина Родионовна (совсем уж конкретизируя), по определению и есть русский человек с большой буквы!

Но довольно о чувствах... Пора уже поговорить и о *юбилеях*. В этом году выдающемуся поэту современности, постоянному автору нашего издания Евгению Семичеву исполняется 60 лет! Честь ему и хвала! И наши самые сердечные поздравления, пожелания и объятия!!! Евгений! Не бойся объятий! Настоящие друзья не смогут задушить тебя в порыве счастья и любви! Дорогой наш *поэт*! Будь здоров, а талант и жену (и какую!!!) не отнимешь! Потому как это *дары Божии*! Мы же будем поднимать тосты за *тебя родного* весь этот твой юбилейный год!..

И ещё немного о двух ариновских юбилеях. В этом году «Арине» исполнилось ровно десять лет (по нашим временам зрелый возраст), а данный выпуск «Арины» ровно *двадцатый*. Тоже *юбилей*!

И, конечно же, чувство радости только усиливается от прочтения поэтических имён, которые собрались под двадцатой ариновской обложкой. Хочется читать-читать и перечитывать! Но и читателю очень хочется доставить это удовольствие! Ведь и читатель (судя по письмам) не разлюбил нас, а мы его любим всё больше!

Так давайте приумножать любовь, — любовь к Богу, Родине и друг к другу! И пусть это состояние длится вечно! *Аминь-Аминь!!!*

Борис СЕЛЕЗНЁВ

ОСТАНОВИТЬ МГНОВЕНЬЕ (О новой книге нижегородского писателя Валерия Сдобнякова «Душа живая»)

Книга «Душа живая», хотя в названии имеет подзаголовок «Очерки обретений и расставаний», к одному жанру не сводится. Здесь, помимо материалов собственно очеркового плана, заметки, рецензии, интервью, опубликованные автором в различных местных и центральных изданиях с начала 80-х по нынешнее время.

Три десятилетия — период в творчестве, согласитесь, немалый, в связи с чем стилистически книга тоже неоднородна: из года в год крепнет перо автора, меняется ракурс его зрения.

Следовательно, не в литературных аналогиях дело. А в том, чего ради, во имя какой задачи-цели собраны в один переплет разножанровые публикации многих лет, что нам, читателям, автор хочет сказать.

«Душа живая» - книга, прежде всего, о людях, которых Валерию Сдобнякову посчастливилось встретить на жизненном пути.

Его герои представляют, опять-таки, разные поколения и профессиональные поприща («Иных уж нет, а те далече...»). Одни малоизвестны широкой публике, имена других гремят на всю Россию и даже мир. Но есть в их судьбах, характерах объединяющее начало, которое дает право полагать, что автору именно ПОСЧАСТЛИВИЛИОСЬ. Герои Валерия Сдобнякова - люди неизменно талантливые, творческие, и творчество для них, у каждого в своей сфере, не просто ремесло, профессия, но смысл жизни.

Вот лишь некоторые действующие лица книги.

Академик-экономист Дмитрий Львов, пожалуй, единственный в академической среде говоривший правду о сути гайдари-чубайсовских «демо-реформ». И актер, певец Владимир Трошин (помните в его первом и непревзойденном исполнении «Подмосковные вечера»?). Скульптор Вячеслав Клыков и художник Евгений Расторгуев. Писатели Валентин Распутин, Юрий Бондарев, Виктор Астафьев, Олег Шестинский, Семен Шуртаков (Семен Иванович, как известно, наш земляк, давно обитающий в Москве, но с родиной духовных связей не прервал)...

На этом «звездно-столичном» фоне нижегородцы отнюдь не теряются, но его дополняют. Скульптор Виктор Пурихов и живописец Владимир Занога. Поэты Юрий Андрианов, Виктор Кумакшев, Сергей Карасев. Писатели Александр Костин, Василий Осипов, Александр Цветнов, Константин Проймин, Валентин Николаев...

Да, личности этих наших соотечественников, равно как их труды, уникальны, интересны сами по себе, а потому о большинстве писали ранее. Однако автор не повторяет кого-либо, поскольку говорит исключительно от себя, опираясь на личный, а значит, неповторимый опыт. И очень внимателен, даже шепетилен в деталях. Он как бы ловит мгновение, стремится тут же, по горячим следам, остановить, запечатлеть его, а если по каким-то причинам не удается, корит себя.

В этом смысле Валерий Сдобняков - летописец. Но летописец неравнодушный! Мгновения автор не просто фиксирует, а пропускает через сердце: часто любуется своим героем, восхищен им, но можно в повествовании встретить и нотки недоумения, огорчения, досады.

12 августа В. В. Сдобняков принял участие в открытии памятника А. М. Горькому и Ф. И. Шалайпину на Моховых Горах Борского округа. Торжественный акт совершил губернатор области В. П. Шанцев. Присутствовали: директор департамента культуры Нижнего Новгорода С. А. Горин.

23 августа поэтесса Светлана Леонтьева выступила с приветственным словом и своими стихами на открытии нового спортивного сезона на стадионе «Торпедо» Автозавода.

31 августа решением городской Комиссии по литературе (А. В. Попов, Н. М. Фортунатов и В. А. Шамшурич) из семи соискателей премии города Нижнего Новгорода её лауреатом по... публицистике (!!) стал поэт А. В. Фигарев за новый сборник стихов. Премия в номинации «литература» не присуждалась.

К сожалению, очень странное решение Комиссии отличается тенденциозностью и явной необъективностью, так как совершенно не отражает реальной литературной жизни крупнейшего культурного центра, каким является Нижний Новгород, и не стимулирует авторов к участию в конкурсе.

3 сентября исполнилось 75 лет Александру Марковичу ЦИРУЛЬНИКОВУ, личность которого не нуждается в представлении. Правление организации искренне поздравляет писателя и тележурналиста с большим жизненным юбилеем и желает ему здоровья и творческих успехов.

5 сентября в Богородске состоялось представление новых поэтических сборников местного самодеятельного поэта Ивана Ламалова «Русский дух» и «По ту сторону тишины». С поздравлением автора выступила известная нижегородская поэтесса Светлана Леонтьева, специально прибывшая на этот скромный праздник.

6 сентября исполнилось 50 лет со дня рождения нашего прозаика Сергея Геннадьевича ДОЛЖЕНКО. Правление организации искренне поздравляет юбиляра с полувекowym юбилеем и желает ему крепкого здоровья, благополучия и долголетия в личной жизни и интересной творческой судьбы.

9 сентября, в День города Нижнего Новгорода, на площади Минина и Пожарского выступили со своими стихами поэты Светлана Леонтьева, Александр Фигарев и Юрий Хромов.

18 сентября в Центральной районной библиотеке имени А. С. Пушкина Большого Болдина с участием руководителей местного самоуправления, отдела культуры и общественности села состоялось представление нового поэтического сборника нижегородского поэта Н. А. Бондаренко «Болдинский листопад».

20 сентября в Доме актёра Нижнего Новгорода прошла презентация нового издания книги Н. И. Кочина «Нижегородский откос», вышедшей на личные средства недавно почившей дочери писателя Екатерины Кочиной-Каланчевской. В качестве почётных гостей на ней присутствовали внуки Николая Ивановича Валентина и Владимир Кочины.

В Нижнем Новгороде увидел свет новый сборник стихов талантливой поэтессы из г. Кстово Маргариты Шуваловой «Точка сближения».

29 сентября в помещении Нижегородской областной писательской организации СП России на улице Рождественская, 19 состоялся творческий вечер старейшего поэта Н. А. Бондаренко в связи с недавним выходом в Санкт-Петербурге его нового сборника стихов «Болдинский листопад». В нём приняли участие В. В. Сдобняков, Б. А. Селезнёв, А.В. Фигарев, Е.Р. Эрастов, С.Г. Леонтьева, Л.Ф. Калинина, В.П. Киселёв, В.Г. Цветков, М.А. Сухорукова и члены литературного клуба «Арена», тепло поздравившие автора.

Правление писательской организации

АНГЕЛ С ОГНЕННЫМ МЕЧОМ

«И пока живут поэты, не проигран вечный бой»

Лет десять назад в каком-то центральном журнале я прочла потрясающее стихотворение:

Лопатино — сельцо родное бати...
Бывало, в детстве хлипкого меня
На хлебосольной струганой лопате
Сажала в печку бабушка моя,

Чтобы в моём мальчишьем теле хвором
Последний уголёчек не затух.
И обдавала квашеным рассолом,
Из тела изгоняя хворый дух.

И тёрла мыльной пеною солёной
Так, что душа пылала горячо...
Я выходил из печки раскалённой
Поджаристым и тёртым калачом.

Меня снимала с огненной лопаты
И выносила бабка на руке
С поклоном, словно в царские палаты,
В мир Божий на расшитом рушнике.

Я жадно сказки бабушкины слушал
И бабушкины кушал пироги.
И понял — не совсем был прав Ванюша,
Что не полез в печь бабушки Яги.

О детство, ты льняной рушник крылатый!..
Пока на свете белом я живу,
Лопатино и хлебную лопату
Не даром милой Отчиной зову.

Пуškai ты знаменитостью не стало,
Сельцо моё, но, волею судеб,
Не на метле по небу ты летало,
А на земле лопатило свой хлеб.

От этих строк повеяло сказкой, детством и такой жизненной правдой, что я невольно поверила каждому слову поэта. Да, есть в России такое село, где детей лечат рассолом и калят в печке. От этого они становятся здоровыми, крепкими и необыкновенно талантливыми. Видимо, там, в горячем печном жерле, на истёртом чугунками шестке, и получают они первые уроки поэзии, когда бабушка, с пестушками и приговорками, заворачивает их в расшитый рушник, узоры которого тоже сказка.

Я здорово позавидовала автору. Конечно, у меня тоже было замечательное детство со сказками и бабушками, но на лопате в печку меня не сажали, рассолом не мыли...

Образ незнакомой бабушки двоился в моём сознании. Да, посадить в печку ребёнка может только Баба-Яга. А вынести в Божий мир с поклоном на расшитом рушнике? Тут бабушка представляла величавой и строгой, как Пресвятая Богородица.

Таких сёл, как Лопатино, думала я, сотни, тысячи по великой Руси, и в каждом живут труженики, лопатающие свой нелёгкий хлеб, но далеко не в каждом рождаются такие гениальные поэты.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»

603001, г. Нижний Новгород,
ул. Рождественская, д. 19
29 сентября 2012 года

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

8 июля группа нижегородских писателей в составе В. В. Сдобнякова, М. А. Сухоруковой, С. Г. Леонтьевой и В. Г. Цветкова участвовала в закладке часовни в селе Жайске Вачского района в честь праведных князей Муромских Петра и Февронии, святых покровителей семьи. Освящение закладки часовни провёл епископ Выксунский и Павловский Варнава.

10-12 июля В. Г. Цветков участвовал в «Царских днях» в Сызрани. Это пятая поездка туда нижегородского публициста. Ранее аналогичные поездки и выступления его по приглашению организаторов состоялись в Санкт-Петербурге, Москве, Сергиевом Посаде, Иваново-Вознесенске, Липецке, Арзамасе, Семёнове и Выксе.

12 июля в Центральной городской библиотеке Нижнего Новгорода состоялось представление нового сборника стихов поэтессы Ирины Дементьевой «Любовные записки». С приветственным словом и поздравлением автора выступил руководитель Нижегородской писательской организации СП России В. В. Сдобняков.

13 июля в Нижегородскую областную писательскую организацию СП России поступила Правительственная телеграмма №001288 от председателя Законодательного Собрания Нижегородской области Е. В. ЛЕБЕДЕВА с поздравлением руководителя писателей Валерия Викторовича СДОБНЯКОВА с 55-летним юбилеем со дня рождения.

14 июля руководителя нижегородских писателей СП России Валерия Викторовича СДОБНЯКОВА поздравил с 55-летним юбилеем со дня рождения министр культуры Нижегородского областного Правительства М. М. Грошев.

14 июля Отдел культуры Больше-Болдинского района Нижегородской области поздравил Валерия Викторовича СДОБНЯКОВА с 55-летним юбилеем. В связи со знаменательным жизненным юбилеем писателя в издательстве «Вертикаль: XXI век» в серии «ВРЕМЕНА и МНЕНИЯ» вышла иллюстрированная новая книга В. В. Сдобнякова «СРОКИ. И наступит время правды».

15 июля в районном центре Дальнее Константиново и деревне Гремячая Поляна состоялось празднование 110-й годовщины со дня рождения известного нижегородского прозаика Николая Ивановича Кочина, автора автобиографических романов «Парни», «Девки», «Гремячая Поляна» и других произведений, увидевших свет ещё в 30-х годах минувшего столетия.

16 июля РПО «Отчизна» провело круглый стол по проблемам русской государственности XVI и начала XVII веков. В обсуждении приняли участие Н. А. Бенедиктов и В. Г. Цветков.

29 июля группа нижегородских писателей в составе В. В. Сдобнякова, Н. А. Бондаренко, Л. Ф. Калининой, М. В. Шуваловой, В. Г. Цветкова и других приняла участие в праздновании 105-й годовщины со дня рождения крупного русского советского поэта Бориса Петровича КОРНИЛОВА на его родине - в г. Семёнове Нижегородской области.

В нижегородском издательстве «Пламя» вышел новый сборник стихов руководителя поэтической секции писательской организации поэта Бориса Селезнёва «Русский цейтнот».

торское чтение и выступление Уренского народного хора «Душенька», исполнившего песни на стихи М. А. Сухоруковой. Последнюю тепло поздравили В.В. Сдобняков и В.Г. Цветков, выступившие на вечере.

1 июня министр культуры области М. Грошев провёл совещание по поручению зам. губернатора Г. Суворова, на котором В. Сдобняков предложил перечень конкретных мер по поддержке нижегородских писателей.

2-3 июня делегация писателей в составе: В.В. Сдобнякова, Л.Ф. Калининой, Б.А. Селезнёва, Г.Б. Талановой, Я.В. Каурова, М.В. Шуваловой, Н.И. Стручковой, В.И. Решетникова, а также главных редакторов журналов «Бийский Вестник» В.В. Буланичева, «Новая Немига литературная» А.Ю. Аврутина из Минска, «Родная Ладога» А.Б. Реброва из Санкт-Петербурга, «Форум» В.И. Масалитина из Москвы и «Гостиный Двор» Н.Ю. Кожевниковой из Оренбурга приняла участие в ежегодном 46-м Всероссийском Пушкинском празднике поэзии в Большом Болдине.

Вечером первого дня пребывания в ДК губернатор области В.П. Шанцев открыл праздник и вручил премии «Болдинская осень» В.И. Решетникову, Г.Б. Талановой и В.А. Шамшурину.

Здесь же представитель Алтая В.В. Буланичев по поручению Союза писателей России вручил Всероссийскую премию «Белуха» имени Г.Д. Гребенщикова и серебряную медаль Демидовского фонда главе нижегородских писателей В.В. Сдобнякову. Этой награды он был удостоен «За большой вклад в русскую литературу». На следующий день многочисленные мероприятия состоялись в музее-усадьбе великого поэта, барском доме во Львовке и в роше Лучинник, где под традиционным дождём выступили гости праздника.

7-8 июня В.В. Сдобняков, Ю.А. Курдин, Е.П. Титков и В.А. Чугунов приняли участие в работе выездного Пленума СП России в Саранске.

7 июня в Львовке и селе Красный Оселок отмечалось 90-летие со дня рождения крупного русского поэта, уроженца этих мест Ф.Г. Сухова с участием Л.Ф. Калининой, С.Г. Леонтьевой, Б.А. Селезнёва, Е.Р. Эрастова, М.А. Сухоруковой и дочери поэта Е. Ф. Фаррах (Суховой).

В бывшей школе села открыта музейная экспозиция знатного земляка, рассказывающая о его жизни и творчестве.

8 июня в гостиной «Городская родня» Дома учёных прошёл творческий вечер Я.В. Каурова. Поэт-романтик и исполнитель своих песен, доктор медицинских наук, он предстал ещё и как крупный учёный с мировой известностью благодаря открытию в области стволовых клеток, удостоенному международной награды - «медали Нобеля». Кроме того, Ярослав Валерьевич ещё и автор 31 изобретения, имеющего большое практическое значение в медицине. Прибывшая на вечер С.Г. Леонтьева тепло поздравила его с днём рождения (был накануне, 7 июня), вручила букет цветов и прочитала стихи имениннику.

12 июня В.В. Сдобняков, Я.В. Кауров и С.Г. Леонтьева участвовали в Дне России на родине декабриста М.П. Бестужева-Рюмина в д. Кудрёшки Богородского района области.

23 июня в Кстовском Центре писателей имени П.П. Штатнова выступил поэт, прозаик и художник П.А. Климешов. В этой встрече, кроме местного литературного актива, приняла участие поэтесса С.Г. Леонтьева.

Правление писательской организации

Фамилия автора ничего не сказала мне на тот момент: Семичев. Евгений Семичев.

Впервые я увидела его на сцене саровского Дома учёных в марте 2007 года.

Дом ученых – это особое учреждение, куда приходит эрудированная публика, городская интеллектуальная элита. Здесь свои заветы, свои правила поведения, установленные бомондом.

И вот перед этой, весьма взыскательной публикой появился невысокий человек и громким уверенным голосом начал читать стихи. Вёл он себя не то чтобы вызывающе, но как-то сразу провёл границу между собой и залом: я – ПОЭТ, а вы — толпа. На многих лицах читалось явное возмущение: как же так! Да как он смеет!

А он смел!

Я, читавшая его простые, душевные, берущие за сердце стихи, вначале была немного удивлена такой подачей поэтом себя, но затем вспомнила, как в детстве, гордо вскинув голову, проходила мимо своих истинных и мнимых врагов, делая вид, что не слышу их злое шипение за спиной. Мама ругала меня за эту манеру, говорила, что надо быть проще, но проще я быть не могла, это была моя форма защиты от пошлости, мещанства недоброжелателей.

Поэт, стоящий на сцене, как Хома Брут, заранее очертил себя священным кругом превосходства, защищаясь от всяческих недоброжелательных выпадов. Моей защитой в детстве была напускная гордость и равнодушие, его – высокомерное превосходство над другими. Многие зрители, к счастью, как и я, догадались об этом, но многие ушли возмущёнными, раздражённо шепча: «Похоже, он не понял, куда попал!»

После выступления Евгения Николаевича поэты нашего литературного объединения «Радуга» собра-

лись для неформального общения с гостем, говорили, читали стихи по кругу.

После того, как я прочла своё стихотворение «Евдокия Весновка», которое принесло мне победу на I Турнире поэтов в Выксе в 2005 году, Семичев строго глянул на окружающих и спросил: «Почему до сих пор не в Союзе писателей? За одно это стихотворение принять можно. Даю рекомендацию!»

И дал. С его благословения, с помощью Любви Петровны Ковшовой и Александра Ивановича Плотникова в 2007 году я была рекомендована, а в 2008 году принята в Союз писателей.

Простой, свой и понятный. Таким был Семичев в нашем поэтическом кругу. Куда пропала его мина маститого, Богом избранного поэта? Шла душевная искренняя беседа. Равный общался с равными, без рисовки и надменности.

Однако мне было известно, что Евгений Николаевич и его жена Диана Кан – ученики почитаемого мною Юрия Поликарповича Кузнецова. Одно это делало их существами высшего порядка, которые могли не только видеть великого мэтра, общаться с ним, но и учиться у него.

Впрочем, для себя я давно поняла, что истинные величины не задаются, не выпячивают своё «я». Таки при близком общении оказались Станислав Куняев, Владимир Костров, Николай Зиновьев, Александр Нестругин.

Диану Кан и Евгения Семичева тоже можно отнести к этой когорте, но о них сегодня особая речь. Они относятся к числу ПОДВИЖНИКОВ, их силами живёт и здравствует русская литература. Они не устают строить устойчивые связи между поэтами и очагами культуры нашей страны, открывают и пестуют новые

**НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»**

603001, г. Нижний Новгород,
ул. Рождественская, д. 19 (5 июля 2012 год)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

12 апреля председатель Правления организации В.В. Сдобняков вместе с Л.Ф. Калининой посетил вдову писателя В.Ф. Осипова, взял у неё на хранение архив покойного и оказал некоторую материальную помощь семье.

22 апреля в ДК Лукоянова состоялся вечер памяти митрополита Николая (Кутепова), где М. А. Сухорукова представила свою книгу о нём «Радуга над снегом» и прочитала стихи, посвященные Владыке. Её выступление органично дополнил народный хор Уренского района «Душенька», исполнивший песни на стихи М.А. Сухоруковой и из своего репертуара.

26 апреля в ДК Автозавода прошёл творческий вечер С.Г. Леонтьевой, представившей на нём свой новый, уже 30-й поэтический сборник «Волны, вытканые из Потопа», совпавший с 15-летием её пребывания в СП России. С поздравлением поэтессе со сцены ДК выступили В.В. Сдобняков, В.Г. Цветков. На вечере работала группа программы ННТВ «Парк культуры», сюжет которой о поэтессе был показан 20, 21 и 22 июня по местному телевидению.

9 мая, в День Победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., на площади Минина поэты С.Г. Леонтьева, А.В. Фигарев и Ю.И. Хромов читали свои стихи, посвященные этому немеркнущему подвигу русского народа.

17 мая на очередном заседании Правления организации принято Положение о творческом совете и рассмотрен его персональный состав. Были рассмотрены творческие заявки на вступление в СП восьми человек.

20 мая в Толмачёвской библиотеке Кстовского района С.Г. Леонтьева представила последний сборник стихов «Волны, вытканые из Потопа», тепло встреченный собравшимися.

22 мая В.В. Сдобняков встретился с заместителем губернатора области Г.А. Суворовым. В совещании принял участие министр культуры М.М. Грошев. Во время встречи присутствующим было рассказано о бедственном положении Нижегородской организации Союза писателей России, особенно в сравнении с коллегами в Саратовской, Ульяновской, Белгородской и других областях России. Г.А. Суворов поручил М.М. Грошеву в пятидневный срок продумать меры помощи писателям.

21—23 мая руководитель поэтической секции Б.А. Селезнёв с активистами «Арены» побывал в Ветлуге, где познакомился с городом и районом, провёл встречу с местным литературным объединением «Инерия» во главе с Надеждой Полозовой.

22 мая в Доме актёра вдова поэта Н.А. Адрианова представила новую книгу «Воспоминания о Юрии Адрианове». Присутствовали: В.В. Сдобняков, А.Г. Высоцкий, Я.В. Кауров, П.А. Климешов, В.А. Чугунов и другие.

28 мая в ДК Лысково с большим успехом представлена новая книга М.А. Сухоруковой «Горький мёд», посвященная 90-летию поэта Ф.Г. Сухова, уроженца Лысковского района. Слушатели громкими овациями встретили ав-

Арзамасскому Николаю (Кутепову). В нём принял участие Уренский самодеятельный народный хор «Душенька» под руководством А.П. Данилиной.

26 марта в литературно-поэтическом клубе «Радуга» Московского района Нижнего Новгорода состоялось выступление известной нижегородской поэтессы С.Г. Леонтьевой, тепло встреченное участниками встречи.

28 марта, в день открытия XXXV Международной научной конференции Горьковские чтения - 2012 «М. Горький и Россия», состоявшегося в Белом зале областной библиотеки, министр культуры областного правительства М.М. Грошев по представлению Государственного литературного музея А.М. Горького вручил дипломы литературной премии имени великого земляка.

28 марта в городе Княгинино Нижегородской области, на малой родине известного нижегородского поэта Александра Люкина, состоялся праздник поэзии, посвященный его памяти. В нём от Правления Нижегородской писательской организации принял участие член СП России с 1978 года, поэтесса Л.Ф. Калинина, которая вручила устройелю праздника, большому почитателю творчества А. Люкина, ректору местного Государственного инженерно-экономического института А.Е. Шамину прижизненное издание стихов поэта и ксерокопию его авторской рукописи.

31 марта Нижегородская писательская организация СП России понесла тяжёлую утрату: на 93-м году жизни скончался известный нижегородский поэт, член Союза писателей России с 1971 года, участник Великой Отечественной войны, кавалер боевых наград Александр Иванович Плотников. В прощании с покойным приняли участие члены Правления писательской организации А.А. Ломтев и Ю.А. Кудрин.

12 марта в Москве состоялась встреча Валерия Сдобнякова с Председателем Союза писателей России В.Н. Ганичевым. Валерий Николаевич выразил удовлетворение секретариата Союза писателей по поводу избрания В.В. Сдобнякова руководителем Нижегородской писательской организации и заверил, что окажет нижегородцам всю необходимую административную и творческую поддержку.

За истекший период состоялось пять заседаний Правления, решавших различные вопросы жизни и деятельности Нижегородской писательской организации СП России.

Правление Нижегородской писательской организации СП России
17 апреля 2012 года

таланты, помогают им обрести имя и известность. Будучи в Сарове, они не пожалели времени для встречи с начинающими литераторами.

Никогда не забуду дату – 20 марта 2007 года. Именно в этот день Евгений Николаевич Семичев дал моим воспитанникам из литературного объединения школьников «ЛИТОШКА» мастер-класс.

Я уже видела Семичева-поэта на сцене, беседовала с Семичевым — человеком, но Семичев-учитель потряс меня до глубины души: чуткий, внимательный, говорил о недочётах не обидно, но подмечал каждую мелочь.

Когда мастер-класс закончился, я подошла к нему со словами благодарности, поблагодарила, в частности, и за бережное отношение к детям. Он удивлённо вскинул бровь: «Господь с тобой, как можно ребёнка обидеть!»

Непостижимым образом понял, как порой мне бывает тяжело доказывать начальству очевидные истины, как трудно учить детей сочинять стихи и прозу, как часто на этом тернистом пути терзают сомнения...

До сих пор храню книгу с автографом: «Марине Зубовой. Бог на вашей стороне! Удачи!!! Е. Семичев».

Этот подарок стал для меня путеводной звездой, не дал бросить своё дело, смалодушничать или спастись.

В 2011 году на Пушкинских днях в Болдине я вновь встретилась с Евгением Семичевым и Дианой Кан. Я и мой попутчик, наш саровский поэт Геннадий Ёмкин, искренне радовались встрече с нашими старыми друзьями из Самары.

Много литераторов приехало в гости к Пушкину, но очень скоро эпицентр нашей литературной жизни собрался вокруг Дианы Елисеевны и Евгения Николаевича. Их слушали, ими восхищались, а они были, как всегда, просты и гениальны.

Семичев вновь поразил меня своей разноликостью. То колкий и едкий, то ироничный, то бесшабашно весёлый, то доверительно-исповедальный. Он очень похож на свои потрясающие стихи. Тогда же я заметила, что даже в минуты ликования и радости его глубокие тёмные глаза остаются печальными.

Много литераторов приехало в гости к Пушкину, но никого из них болдинцы не принимали так хорошо и дружелюбно, как Семичева. В последний день праздника мы выступали на площади у ДК. После того, как Евгений Николаевич артистично и вдохновенно прочёл свои стихи, такие жизненные, правдивые, уходящие вглубь русской души, толпа почитателей подхватила его и потащила в свою гущу, брататься.

Много литераторов приехало в гости к Пушкину, но только ему удалось так сильно тронуть потаённые струны сердец.

В тот раз Болдино не порадовало хорошей погодой. Я, Диана Кан и молодой поэт из Самары Сергей Бударин искали Семичева. Наконец, его белая капитанская фуражка мелькнула среди толпы почитателей. Нам буквально пришлось спасти Евгения Николаевича, который замёрз и устал от назойливых поклонников. Впрочем, для него они таковыми не были. В народной гуще народный поэт чувствовал себя как рыба в воде.

По дороге в гостиницу Евгений Николаевич вдруг заговорил о своих учениках. Я с удовольствием слушала его «акающий» самарский говор, сдобренный шутками-прибаутками. И вдруг он спросил совершенно серьёзно:

— Знаешь, какой грех самый тяжкий?

Я начала заученно перечислять семь смертных грехов, но он прервал меня:

— Самый страшный грех – забвение. Грех забывать своих учителей!

нуж его надуманное требование о переголосовании избрания главой организации В. В. Сдобнякова. Но после этого М. П. Чижов продолжал делать всё возможное, чтобы сорвать проведение собрания, прямо игнорируя решение его большинства об отказе в повторном голосовании.

Таким же подавляющим большинством при одном воздержавшемся, то есть практически единогласно, оно утвердило состав Правления организации, предложенный В. В. Сдобняковым. Одновременно собрание поручило Правлению вопрос о создании творческого совета организации по количеству и составу решить в рабочем порядке. На этом отчётно-выборное собрание Нижегородской писательской организации завершило свою работу.

Настоящее Информационное письмо разослано творческим Союзам, в СМИ и в местные органы власти. Правление предполагает сделать практику таких писем с обзором важнейших и значимых событий в жизни организации постоянной.

**Правление Нижегородской областной организации
Союза писателей России**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

(членам Нижегородской писательской организации СП России)

19 марта в Доме актёра Нижнего Новгорода совместно с книгой Заслуженного артиста России А.В. Мюрисепа «Венец» состоялось представление новой книги В.В. Сдобнякова «Душа живая».

22 марта в Нижегородском Кремле под председательством заместителя губернатора Нижегородской области Г.А. Суворова состоялось заседание областной Комиссии по патриотическому воспитанию, рассмотревшей вопрос «О молодежных проектах, направленных на пропаганду читающего образа жизни». На нём среди других участников выступил председатель Правления Нижегородской писательской организации СП России В.В. Сдобняков, который отметил, что в настоящее время местная писательская организация находится в одном из худших положений в стране в плане материального обеспечения и возможности издательской деятельности. В Нижнем Новгороде, в отличие от других областей Российской Федерации, не говоря уж о национальных республиках типа Татарстана или Чувашии, где писателям оказывается всяческое внимание и поддержка, не издают за счёт бюджетных средств своих нижегородских авторов и не финансируют выпуск местных литературно-художественных журналов, как это делается в Саратове, Самаре, Волгограде, Белгороде, Бийске, Санкт-Петербурге, Архангельске, Красноярске и других областных и краевых центрах России.

Сразу же после выступления В.В. Сдобнякова Г.А. Суворов отдал распоряжение присутствующим на заседании сотрудникам своего аппарата срочно подготовить на ближайшее время специальное совещание по проблемам нижегородских писателей. О времени и результатах его будет сообщено дополнительно.

22 марта в Доме актёра Нижнего Новгорода состоялось представление новой книги публицистики А.М. Цирюльников «Слово с орбиты».

25 марта в рабочем посёлке Шаранга на севере Нижегородской области состоялось представление новой книги М.А. Сухоруковой «Радуга над снегом», посвящённой приснопамятному митрополиту Нижегородскому и

выборов было отдано на суд собравшихся. В итоге подавляющее большинство участников собрания высказалось за открытое голосование.

В результате его проведения за первого кандидата - В. В. Сдобнякова - проголосовало 29 (двадцать девять) писателей, в том числе 5 (пять) по доверенностям. За В. Ф. Карпенко - 27 (двадцать семь), в том числе 7 (семь) по доверенностям. Таким образом, по результатам открытого голосования, при одном воздержавшемся, утверждённым Счётной комиссией собрания, с преимуществом в два голоса победил В. В. Сдобняков, который и был объявлен в качестве нового руководителя Нижегородской областной организации Союза писателей России.

К великому стыду, из-за крайне несдержанного, развязного поведения отдельных участников высокого форума, таких как В. В. Карташов (г. Балахна), О. В. Захаров (г. Кстово), В. М. Панкратов (г. Арзамас), А. В. Попов (г. Нижний Новгород), направленного на нездоровую поддержку В. Ф. Карпенко за рамками всякой пристойности и элементарного приличия, сопровождавшегося криками, вскакиванием с мест и непозволительной беготнёй по залу, крупное собрание нижегородских писателей грозило превратиться в неуправляемое сборище. Не докатиться до такой дикости и позора, довести чрезвычайно ответственное мероприятие писателей до логического конца позволили только твёрдые и решительные действия Л. П. Ковшовой (г. Саров), С. Г. Леонтьевой, Б. А. Селезнёва, В. Г. Цветкова (г. Нижний Новгород), В. А. Чугунова (г. Городец) и других участников собрания, осознающих свою личную ответственность за происходящее на нём.

Отдельно следует сказать о недопустимом поведении писателя М. П. Чижова (г. Нижний Новгород), который при председательствующем А. А. Ломтеве по поручению Правления вёл собрание. К сожалению, забыв о необходимых для ведущего личной непредвзятости и объективности, он во время работы высокого форума своими заведомо неправильными, умышленными действиями постоянно мешал нормальному ходу собрания. Более того, провоцировал инциденты, разжигая ненужные страсти собравшихся.

Так, являясь участником заседания Правления организации, повторим, единогласно, включая и самого М. П. Чижова, принявшим по предложению В. А. Шамшурина решение об открытом голосовании, он беспринципно требовал тайных выборов. Причём упорно настаивал на них даже после того, как собрание большинством голосов решило проводить избрание председателя открытым голосованием.

Это повторилось и после избрания главой организации В. В. Сдобнякова: М. П. Чижов, несмотря на очевидность и неоспоримость результатов голосования, проверенных и утверждённых Счётной комиссией и высоким собранием, вновь, при поддержке А. М. Цирюльникова, стал требовать «переголосования» состоявшегося решения собрания, пытаясь во что бы то ни стало дезавуировать его. Мало того, он пошёл при этом даже на откровенный подлог, огласив собравшимся вместо 27 (двадцати семи) голосов за В. Ф. Карпенко несуществующие 37 (тридцать семь!), требуя от секретаря собрания Л. Ф. Калининой записать в протокол именно эту подложную цифру. Естественно, что подобные действия М. П. Чижова вызвали взрыв возмущения в зале и требования о немедленном переизбрании ведущего собрания.

Собрание же наглядно показало абсолютную несостоятельность лукавой позиции М. П. Чижова, фактически подавляющим большинством отверг-

Я опешила. Самый известный поэт России говорил о забвении! Говорил после того, как был восторженно принят толпой почитателей!

Мне было что ответить. Я начала говорить то, о чём рассказала вам в этой незатейливой статье. Воспоминания мои самые простые, но написаны они о великом человеке и гениальном поэте, которому скоро исполняется 60 лет.

Евгений Николаевич! От всей души поздравляем Вас! Живите долго, творите! Будьте здоровы! Продолжайте делать добрые дела, которые прорастут в сердцах добрыми всходами! Уверяю, что Вам забвение не грозит, имя Ваше начертано в тысячах душ золотыми письменами Ваших стихов и поступков! С юбилеем, НАСТАВНИК и УЧИТЕЛЬ!

Я долго думала, как назвать свои воспоминания, решила, что лучше всего строчкой из стихотворения Семичева. Хотелось бы процитировать его целиком:

У руки моей одесной,
За моим стоит плечом
Неусыпный страж небесный –
Ангел с огненным мечом.

Он твердит: «Подумай здраво,
Неразумный человек:
Шаг налево, шаг направо –
В бездны адские побег.

Самому себе не волен,
Ты ступил на белый свет,
Как небесный Божий воин,
Потому что ты – поэт.

И твоё стихосложение,
Неразумный свете мой,
Поле Божьего служенья,
Отраженье битвы с тьмой.

Бог сакральные заветы
Возложил на нас с тобой,
И пока живут поэты,
Не проигран вечный бой.

И с тебя Господь сурово
Взыщет именем Христа
То Отческое слово,
Что вложил в твои уста.

Потому с руки одесной
За твоим стоит плечом
Неустанный страж небесный –
Ангел с огненным мечом... »

Все нижегородские литераторы и читатели желают любимому поэту Ангела-хранителя за плечом! Знайте, Евгений Николаевич, что на поле битвы добра со злом Вы не одиноки, мы рядом!

Марина ЗУБОВА,
поэт, зам. главного редактора,
член СП России

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

(всем членам Нижегородской организации СП России)

17 марта 2012 года в Нижнем Новгороде в музее-усадьбе купцов Рукавишниковых на Верхне-Волжской набережной состоялось отчётно-выборное собрание Нижегородской областной организации Общероссийской общественной организации «Союз писателей России». В нём из 85 членов списочного состава приняло участие 56 человек (плюс 12 доверенностей) из городов Арзамаса, Выксы, Городца, Сарова, Семёнова и областного центра, то есть более половины членов организации, что в соответствии с действующим Уставом сделало собрание легитимным.

Утверждённая им повестка дня включила в себя отчёт председателя Правления организации А. А. Ломтева (г. Саров); избрание её руководителя на новый срок и состава Правления.

Выступая по первому вопросу, А. А. Ломтев рассказал о проделанной работе организации за истекшие два года с момента избрания главой нижегородских писателей. В заключение он попросил собрание освободить его от обязанностей председателя Правления в связи с ухудшением состояния здоровья и невозможностью частого посещения Нижнего Новгорода. Одновременно А. А. Ломтев в соответствии с решением последнего заседания Правления, где по инициативе его сопредседателя В. А. Шамшурина единогласно было принято решение проводить избрание нового председателя открытым голосованием, и рекомендовал на этот пост своего заместителя В. В. Сдобнякова, фактически возглавлявшего Правление всё последнее время.

В свою очередь О. В. Захаров (г. Кстово) выдвинул в качестве альтернативной кандидатуры В. Ф. Карпенко (г. Нижний Новгород).

Выступивший после А. А. Ломтева В. В. Сдобняков предложил собранию своё видение будущего организации и развёрнутую программу активизации её работы и повышения авторитета, зачитав ряд мероприятий собравшимся писателям.

Второй кандидат В. Ф. Карпенко заявил, что, «прослушав всё сказанное В. В. Сдобняковым, готов подписаться под каждым его словом». После чего он признался, что дал согласие баллотироваться на должность главы нижегородских писателей всего два дня назад и поэтому свою программу подготовить не успел. «Но я довольно долгое время, - продолжил В. Ф. Карпенко, - был членом Правления при В. А. Шамшурине и теперь понял, что я созрел».

Кроме этого, кандидат добавил, что у него большой опыт работы руководителем (заместитель министра культуры и начальник областного управления культуры, где В. Ф. Карпенко, в частности, на просьбы писателей об оказании помощи из госбюджета без обиняков заявлял: «Никакого финансирования вам не будет. Для нас Союз писателей что партия любителей пива - такая же общественная организация»). А возглавляя в недавнее время Нижегородское областное отделение Литературного фонда России, всё тот же В. Ф. Карпенко добровольно оставил должность председателя, во-первых, из-за отсутствия бюджетного финансирования организации и, во-вторых, потому, что слишком далеко ездить из дома, в 7-м микрорайоне Сормова, до центра города, затрачивая на дорогу более двух часов).

Перед избранием нового руководителя организации в связи с возражениями некоторых участников против открытого голосования решение о форме

руб., финансируют издание альманаха «Литературный Брянск»...

Писательская организация столицы Приволжья за последние годы для поддержки своей деятельности не получила ни копейки. И тем не менее мы выживаем. На крохотные деньги, которые удаётся собрать, издаём один из лучших в России (это оценка не моя, а председателя Союза писателей России Валерия Ганичева) региональных литературных журналов «Вертикаль», проводим встречи с читателями (их проведено более трёхсот), участвуем в общекультурных и патриотических акциях.

Финансирование организации для нас не самоцель. Организационная упорядоченность поможет более полно и полезно использовать творческий потенциал организации на пользу всего нашего общества, и в первую очередь поможет раскрыть творческий потенциал многих молодых людей. Пусть они не станут писателями, но это им поможет открыть новое дыхание в осуществлении своих жизненных замыслов, стать полноценными и образованными гражданами своей страны.

Я считаю, что необходимо решить три главных задачи, если мы хотим, чтобы у нас полноценно и с пользой работала местная писательская организация.

1. Нужно решить вопрос с оплатой труда председателя Союза, литературного консультанта, бухгалтера.

2. У нас, как я говорил, уже есть авторитетный литературный журнал. Необходимо его финансово поддержать. Эти деньги не пропадут. Библиотеки получают его в свои фонды. Его издание в новом виде послужит авторитету нашей области.

3. Необходимо решить вопрос с изданием книг нижегородских авторов. За качество подготовленных рукописей будет отвечать созданный недавно в нашем Союзе творческий совет, куда вошли наиболее известные и профессиональные литераторы.

Если третий пункт пока решить сложно, то здесь, опять же, главную нагрузку на себя может взять журнал. На его страницах можно будет публиковать произведения многих литераторов, и это «снимет голод» публикаций, снимет состояние раздражения в местной литературной среде.

Я понимаю, что проблемы копились годами и все их сразу решить невозможно. Более того – в их существовании во многом повинны сами писатели. Но теперь времена изменились. Мы навели порядок в своей организации, отремонтировали помещения, навели порядок в документации и отчётности, наладили хорошие взаимоотношения с другими региональными отделениями. Теперь просто необходимо нас поддержать, чтобы область могла гордиться местной организацией Союза писателей России.

«БОЖЬЯ СЛЕЗА»

* * *

Окошка сумрачный квадратик
Небесный преломляет свет...
Я был отчаянный лунатик
В свои пятнадцать юных лет.

Об этом знали все соседи
Из нашенского курмышья.
Я по ночам о звёздах бредил.
Блуждала в небесах душа.

Пока ровесники метались
В снах эротических своих,
Я не испытывал к ним зависть
И был для них – «кошмарный псих».

Мои ночные похождения
Меня прославили сполна.
Ко мне имела снисхожденье
Вся наша местная шпана.

Я был на сирых не в обиде,
Но замечал издалека,
Когда они, меня завидев,
Крутили пальцем у виска.

...Я стал седым и сплю нормально,
В ночной не странствую глуши.
Из всех явлений аномальных
Я признаю – полёт души.

Небесным светом облучённый,
Я понял через много лет,
Что был с рожденья обречённый
На кличку звонкую – «Поэт!».

КРЕМЛЁВСКИЙ ОБЕД

Я вспомнил полустанок свой,
Затерянный в степи.
Бачок вокзальный питьевой
И кружку на цепи.

Такие были времена –
Душой не покривлю –
Была прикована страна
К Московскому Кремлю.

Переживала моя степь
Наследие войны...
Потом и с кружки сняли цепь,
И сняли со страны.

Я вспомнил детство, дурачок,
С печалью на челе,
Когда увидел тот бачок
На празднике в Кремле.

Чем он меня затронуть смог
Весенним ясным днём?
Ведь в нём всё тот же кипятилок,
Заваренный Кремлём!

Хотя и теперь в нашей организации достаточно по-настоящему профессионально работающих писателей. Здесь я могу назвать Елену Крюкову, Владимира Чугунова, Александра Ломтева, Евгения Эрастова, Людмилу Калинин, Евгения Титкова, Владимира Половинкина, Любовь Ковшову, Алексея Коломийца, Валерия Киселёва, Бориса Селезнёва и других. Всё это достойные поэты, прозаики, публицисты, лауреаты самых престижных литературных наград и премий. Их произведения публикуют многие литературные журналы в разных городах России. Поэтому нельзя сказать, что руководство региона не обращает внимания на нашу писательскую организацию лишь потому, что она плохо работает или слаба в творческом плане. Нет, несмотря на то что вот уже многие годы мы не имеем финансовой поддержки, нижегородская организация по-прежнему в своём творческом потенциале одна из сильнейших в России. И всё это благодаря тому, что мы продолжаем работать – писать произведения, проводить творческие семинары с молодыми литераторами, выступать в школах, библиотеках, в студенческих аудиториях, совместно с министерством культуры и местными администрациями подготавливать литературные праздники. И всё это мы делаем, подчёркиваю, на добровольческих началах, не имея ни одной копейки поддержки из местного бюджета или из каких-то иных фондов.

Но, может быть, так обстоят дела во всей Российской Федерации и везде местные Союзы писателей России (а это основной Союз из двух Союзов писателей, признанных профессиональными и являющихся преемниками бывшего Союза писателей СССР) не получают финансовой поддержки местных властей? Нет, это совсем не так. И чтобы не быть голословным, я приведу примеры.

Готовясь к этому совещанию, я обзвонил многие писательские организации Поволжья, центра России, Урала... Практически во всех есть штатные единицы (эти вопросы решаются через местные министерства культуры). Издаются книги местных авторов по особым программам для местных же библиотек. Издаются за счёт местных бюджетов литературные журналы и альманахи.

Мне сказали, что нечего нас сравнивать с писательскими организациями национальных республик. Мне это не совсем понятно (может быть, они живут не в Российской Федерации – не знаю), но материальное обеспечение их Союзов писателей – это для нас, нижегородцев, недостижимый коммунизм.

Тогда я взял области, по промышленному потенциалу, как мне кажется, намного слабее Нижегородской. Это Белгородскую, Орловскую, Брянскую...

В Белгородской области финансирование идёт через управление культуры – оплата коммунальных услуг, штатное расписание – шесть человек. К двум «Волгам» местному Союзу писателей купили иномарку. Ежегодно выделяется на издательскую деятельность около трёх млн. руб. Премия «Прохоровское поле» даётся писателям по десяти номинациям в размере 75 тыс. руб. каждая. Ежемесячная стипендия писателям: Засл. работникам – 3000 руб., лауреатам премий – 2000 руб., неработающим пенсионерам – 6000 руб. в год. Издаётся свой альманах.

В Орловской области кроме всего финансирования (не буду утомлять подробностями) каждый член Союза писателей России ежемесячно получает по 10 000 руб.

Брянская область – даже там местному Союзу выделяют в год 400 тыс.

и в банке, и в отчётности перед госструктурами. Ряд очень важных дел сейчас в стадии разрешения, но о них пока говорить рано. Подождём результатов. На прошедшем в Саранске очередном пленуме Союза писателей России наша писательская организация выглядела солидно, секретариат одобрил нашу деятельность за последнее время. Сейчас мы восстанавливаем несколько утраченные контакты с другими писательскими организациями России, с нижегородскими творческими союзами. На осень этого года намечен новый большой план действий, который, вне всякого сомнения, будет выполнен. Так что впереди нас ждёт много интересной, творческой работы.

- Валерий Викторович, примите наши поздравления с присуждением вам «За большой вклад в российскую литературу» всероссийской литературной премии «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова и вручением серебряной медали Демидовского фонда. Нижегородцы должны знать, что этой высокой наградой были отмечены ваши книги прозы и публицистики последних лет. Желаем вам дальнейших творческих успехов.

- Спасибо и за поздравление, и за интерес к работе Нижегородской организации Союза писателей России.

Вёл беседу Валерий Киселёв
(«Нижегородская правда» № 67 (25531), 30 июня 2012 г.)

Нижегородские власти не поддерживают писателей

(Выступление В.В. Сдобнякова на совещании
у заместителя губернатора Г. Суворова)

Нижегородская писательская организация – одна из старейших писательских организаций России. Она была создана сразу после учредительного съезда Союза писателей СССР по инициативе Алексея Максимовича Горького. За время своего существования многие литераторы нашего города, благодаря своим произведениям, приобрели всеююзную и всероссийскую известность. Тут можно вспомнить и романы Николая Ивановича Кочина и Валентина Ивановича Костылёва, за которые они были удостоены государственных премий СССР и РСФСР, и стихи наших замечательных поэтов Фёдора Сухова, Михаила Шестерикова, Александра Люкина, Юрия Адрианова, и военные книги Героя Советского Союза Антона Петровича Бринского, и рассказы Ивана Денисова, Михаила Лисина, и повести Валентина Николаева, и детские книги Вадима Рыжакова, и критические работы Вячеслава Харчева, и литературоведческие труды Ивана Кирилловича Кузьмичёва. Тут можно перечислять и перечислять. Во всех поколениях в среде нижегородских писателей талантливых людей хватало. Мы по праву можем гордиться тем, что нижегородская земля внесла значительный вклад в развитие отечественной литературы.

Конечно, тогда были другие условия существования организации. Была государственная поддержка писательской деятельности. Труд писателя был востребован. За изданные книги писатели получали гонорары, а сами книги у издательств закупались библиотеками, продавались в книжных магазинах. Сейчас всего этого нет – всё разрушено. Вернее, только в той степени, что касается местного Союза писателей. Наши книги местными библиотеками не закупаются, в книготорговые сети пробиться с ними практически невозможно.

И только не было цепи,
Как будто с детством связь
В послевоенной той степи
Навек оборвалась.

Официантов стройный ряд,
Застывший вдоль стены.
У этих праздничных ребят
Лицо моей страны.

И одноразовый стакан
Дрожит в моей руке.
И пролетарии всех стран
Глядят на Кремль в тоске.

Кремлёвский праздничный обед
В глазах моих застыл,
Как белый вольный Божий свет,
Что в детстве красным был.

И я своей душе сказал,
Что это торжество
Напоминает мне вокзал
Из детства моего.

* * *

Привет вам, цветы полевые,
В мой отчий влюблённый край.
Когда вас увидел впервые,
Проснулся в душе моей рай.

Я понял, что рай ещё помню.
И поля шатровый овал,
Как щедрюю руку Господню,
Создавшую вас, целовал.

Простите, анютины глазки,
Татарник, шалфей, иван-чай,
Что прежде без дружеской ласки
Я вас оставлял невзначай.

Поклон вам мой самый сердечный.
В родимой моей стороне
Своей красотой безупречной
Вы сердце утешили мне.

Я вас заключаю в объятия,
Когда на коленях стою.
Мои молчаливые братья,
Мы встретимся в Божьем раю.

Небесной согретые дланью,
Цветущие каждой весной,
Не вы ли земное признание
Всем сущим в любви неземной?

«В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СП РОССИИ»

ДЕЛА И СТРОЧКИ

Прошло последнее перед летними отпусками заседание правления Нижегородской организации Союза писателей России, где были подведены итоги трёх месяцев работы, которые прошли после избрания нового председателя организации – Валерия Сдобнякова.

- **Валерий Викторович, что, на ваш взгляд, удалось сделать главного за эти три месяца?**

- Впервые за всю историю организации с момента её основания в 1934 году мы зарегистрировали свой собственный устав. До этого мы жили по уставу центральной организации Союза писателей России. Было много юридических тонкостей и сложностей, но мы их успешно преодолели. Второе – создали творческий совет, разработали и утвердили положение, по которому он должен работать. Совет необходим, чтобы разгрести тот завал из заявлений желающих быть принятыми в наш Союз писателей, который образовался за последние годы. Совет провёл своё первое заседание, на котором были рассмотрены творческие заявки сразу восьми претендентов. Отдельная тема – материальное обеспечение работы нашего Союза писателей. За прошедшее время я неоднократно выступал по этому вопросу на совещаниях у заместителя губернатора Геннадия Суворова и министра культуры регионального правительства Михаила Грошева. Кажется, компромисс найден. Нами решена и такая важная проблема, как информирование о происходящих в регионе событиях, относящихся к жизни нашего Союза, всех членов СП. Этот участок работы взял на себя известный публицист Владимир Цветков.

- **По административной части работы сделано немало. А что с творчеством?**

- Самое важное событие прошедших трёх месяцев – это выход 36-го номера литературно-художественного журнала «Вертикаль. XXI век», который полностью посвящён творчеству нижегородских литераторов. Всероссийскому читателю (а я напомню, что благодаря фонду «Родное пепелище» журнал рассылается в центральные областные, городские, районные библиотеки от Камчатки до Калининграда) представлены лучшие наши авторы – прозаики, поэты, публицисты. Конечно, в одном номере охватить весь спектр профессиональной нижегородской литературы было невозможно, и поэтому мы продолжим начатое в следующих номерах. Кроме того, мы приняли участие в подготовке и проведении традиционного праздника поэзии в Большом Болдине. На этот раз там была очень представительная делегация, прекрасные поэты и писатели из Белоруссии, Алтайского края, Мордовии, Татарстана, Оренбурга, Вятки, Санкт-Петербурга, Москвы. Было несколько главных редакторов толстых литературных журналов, они подготовят в своих изданиях подборки стихов нижегородских поэтов, расскажут о прошедшем празднике, который на них произвёл очень сильное впечатление. В Болдине мы провели и круглый стол с главными редакторами журналов, где обсудили много важных творческих проблем. Кроме этого, за эти же три месяца мы провели несколько представлений для читателей вновь изданных книг, праздничные мероприятия в честь 90-летия Фёдора Сухова и многое другое.

- **Проделанная за столь короткий срок работа впечатляет...**

- Я далеко не обо всём рассказал. Мы навели порядок с документами

Скоро конец испытаньям,
Вместе прорвемся, держитесь!
Лед разогреем дыханьем!
Верьте! Надеемся! Молитесь!

**С любовью о Господе,
Надежда ЕФРЕМОВА (Пузанкова).**

Здравствуй, Борис!

Еще раз благодарю за то, что выслал «Арину» и книгу своих стихов! В августе мы ездили на Азовское море в Ейск через Нижний, могли бы забрать книги, но мы очень торопились: с Настей младшей сидела старшая дочь (16 лет). Но надеюсь, в скором времени мы снова поедem в Нижний, тогда точно встретимся!

Хочу сказать о ваших стихах. Я под впечатлением! Здорово!!! Хорошо показана вся нижегородская грязь, убожество, язва настоящего времени! И боль думающего, тонко чувствующего человека, вынужденного жить в этой среде. Я не была в Нижнем шесть лет, и мне показалось, что город стал еще грязнее, пошлее, развратнее. Такое ощущение, что население (не в обиду!) – наглецы, бандиты и несчастные, душевно искалеченные, люди. Но это мое субъективное мнение. Представляю, как трудно живется там сейчас поэтам!.. Хорошо представлена лирика! Все очень близко мне!!! Очень понравился стих: “...Да что же ты не пишешь, не звонишь...” Про попа в женской колонии — сильно тоже! Не все стихи мне понятны. Но многие созвучны моим мыслям, чувствам!..

Надеюсь на продолжение сотрудничества и дружбы.

**Надежда ЕФРЕМОВА (Пузанкова).
Костромская обл.**

Я плачу по Родине отчей,
А вы, благодарно в ответ
Склоняясь, целуете очи
И сердцу даруете свет.

* * *

Небо начинается с земли
И восходит в космос выше крыши,
Только облака и журавли
В небе проплывают ещё выше.

Плача, негодуя и смеясь,
Все мы мимоходом, ненароком
Небеса затаптываем в грязь
Всуге, забывая о высококом.

Бог, даруя разум нам и плоть,
Укрывает небом нас окрестным.
Так ещё при жизни всех Господь
Причисляет к жителям небесным.

Все мы к свету тянемся из тьмы,
Связанные высшею любовью.
Отчего же так бездушно мы
Небосвод заляпываем кровью?

Я и сам по глупости мирской,
Как верблюд, в гордыне непристойной
С рабскою презренной тоской
Харкал на небесный свод престольный.

Всех нас выделяя из толпы,
Каждому, кто на его дороге,
Как Христос учеников стопы,
Небо омывает наши ноги.

Бог ещё на жизненном пути
Стелет небеса нам в изголовье.
...Сколько человечеству расти,
Чтобы встать над миром с небом вровень?!

* * *

Когда рождается поэт,
Своей слезой одной
Бог омывает горний свет
И бранный шар земной.

О чём печалится Господь
В Божественном раю,
Когда Он облакает в плоть
Одну слезу свою?

Чем Бог утешить хочет нас,
Свою слезу творя?
И так из наших скорбных глаз
Намыты слёз моря.

Поэт — Господняя слеза —
Весь мир в себе хранит.
Его горячие глаза
Устремлены в зенит.

ЛУЧ СВЕТА

Уважаемый Борис!

С удовольствием получила вновь Ваш альманах «Арина». В этом сборнике, не побоюсь назвать его “лучом света в темном царстве”, я нахожу много близкого мне и созвучного. Благодарна, что предоставляете мне возможность печатать здесь свои стихи.

В этом журнале я открыла для себя много новых имен талантливых авторов. Среди них: Николай Симонов со своим искристым юмором и жизнелюбием; Любовь Ковшова, поразившая своей пронизательностью: “Счастливые стихов не пишут...”; Маргарита Шувалова, со своей утонченной романтичностью, Ирина Шабалина с четкостью и смелостью высказываний, Александр Строганов с русской широтой души... Приятно было встретить и старых знакомых: Марию Сухорукову и др.

Всех этих поэтов объединяет общее стремление к свету, доброте, духовности. Стремление вырваться из лап обыденности, серости и злобы окружающей среды! Путешествуя в этом году по городам России, я столкнулась с нищетой, разрухой, запущенностью среднерусских селений. “Россия, нищая Россия...”, все та же ты, те же юродивые, пьяные на скамейках, покосившиеся дома... Будучи сама поэтом, понимаю, чувствую тяжесть судьбы поэта в России. Хочу поддержать собратьев только что родившимся стихом:

Как вам живется, поэты,
В этом озлобленном мире?!
В черной дыре лучик света —
Дань искалеченной лире.

Живы еще самоцветы,
Не растоптать сапогами!
Как вам живется, поэты?
Милые, я вместе с вами!

Мы все на горестной стезе
Страдаем за грехи.
Но только в Божеской слезе
Рождаются стихи.

* * *

Нет победителей в бою,
Ведь каждый, кто убит,
Уверен, что к вратам в раю
Щит воинский прибит.

Нет побеждённых на войне
И проигравших нет,
Ведь каждый, кто сгорел в огне,
Сам обратился в свет.

Нет пострадавших на земле,
Ведь каждый, кто любил,
К щиту Господнему во мгле
Луч солнечный прибил.

ЗАРЕВО ЛЮБВИ

*«Любезные мои башкирцы, молодцы...»
М.И. Кутузов, 1812*

Онемели в рощах соловьи.
Томные оледенели лиры.
Над Парижем зарево любви
Запалили беркуты-башкиры.

Солнечные певчие лучи
Не мечтали о таком размахе.
На себя надели беркутчи
Белые башкирские рубахи.

Весь поход в подсумках у седла
Берегли одежду и мечтали,
Чтобы над чужбиной расцвела
Родина весенними цветами.

Никаким стихам не передать,
Как Париж влюблённостью лучился.
Ведь не зря науке побеждать
Беркутчи у беркута учился.

От альковной приторной тоски
Галльские обезумели дуры.
На Монмартре конные полки –
Северные снежные амуры.

Славные башкирские орлы!
В их глазах огонь любовный жарок.
По четыре огненных стрелы
В сердце у любой из парижанок.

НАМ ПИШУТ

на четыре кулака. Никаких леших нет, это все сказки.

– Сказки, да? – смеется Миша. – А это кто?

Повернулся он к Берлянду, а его-то и нет. То есть не то чтобы совсем нет, а как будто он не в самом деле есть: расплывчатый такой, грустный-прегрустный, и лес сквозь него виднеется. Что это с ним? Испугался Миша да вдруг вспомнил, как бабушка однажды про леших рассказывала, мол, пропадают они, если в них не верить.

– Стой, Берлянд! – кричит Миша. – Подожди пропадать!

И на мостик бегом, к Лёшечке. Схватил его за рубашку и давай мутузить, так что с того веснушки во все стороны посыпались.

– Верь, – кричит, – в Берлянда! Верь сейчас же!

Шум, крик. Мостик шатается. Веснушки в воду капают: бульк, бульк. Лёшечка от удивления дурным голосом блажит, от Миши отцепиться не может. А на берегу Берлянд мается: то почти совсем истает, то опять потемнеет, то истает, то потемнеет.

Одолел наконец Миша, притиснул Лёшечку к перилам.

– Веришь теперь? – спрашивает. – Есть Берлянд?

– Ну, есть. Этот мужичок лохматенький, что ли? Подумаешь!

Вырвался Лёшечка и дёру, только его и видели.

И Мише прощаться пора.

Так вот все благополучно и кончилось.

Только Берлянд с тех пор задумчивый какой-то, никак понять не может: хорошо это или плохо, что Миша за него драться стал? И спросить в лесу некого, и к людям выйти страшно, очень уж пропадать Берлянду не нравится. Может, Миша заглянет? Да вдруг тот, кто драться научается, в леших верить перестает?

Сидит Берлянд, думает.

А шкура чешется, а выйти хочется.

По четыре пламенных стрелы
Достаёт башкирец из колчана,
Чтоб распался мрак бездонной мглы
И на сердце музыка звучала.

Две стрелы пускает он вдогон
На печаль и гибель иноземцев.
Обогнув шатровый небосклон,
Обе поражают вражье сердце.

Следом выпускает ещё две,
Добивая раненого галла,
Чтобы дрожь в кипящей тетиве
На ветру сквозном не остывала.

Как певуча лука тетива!
Это вам не струны слёзной лиры.
На любовь победную права
Предъявляют беркуты-башкиры.

В этом грешном мире лучше всех
Женщины возлюбленные знают,
За какой воинственный успех
Воинов в амуры посвящают.

И ведут лукавый давний спор
Древние башкирские аулы,
Почему же с тех победных пор
У французов каменные скулы?

Вроде не с уральских гор они
И совсем Башкирию не знают...
Почему же даже в наши дни
Так башкир они напоминают?

Жаны, Жаки, Жоржи и Луи...
Егеря, драгуны, кирасиры...
Смерть свою бесславную нашли
Под снегами жаркими России.

Конные башкирские стрелки
В битвах тыщи вёрст перепластали.
И распутным галлам вопреки
Мраморными ангелами стали.

Воина башкирского стрела,
Просвистев в имперском небе хмуром,
Францию от гибели спасла,
Став стрелой сердечною амура.

...Онемели в рощах соловьи.
Над Парижем замолчали лиры.
Запалили зарево любви
Любезары-беркуты-башкиры.

Любезар – любезный человек.
А поэт, в Отечество влюблённый,
Это слово пылкое, как снег,
Перевёл – любовью озарённый.

Далеко не каждому дано
Покорить любезностью французов.
Не на это ли в Бородино
Намекал башкирам граф Кутузов?..

Запруду каждый год бобры ремонтируют, а то б давно
развалилась.

Стали на берегу. Берлянд звать принялся:

– Рыбья матка, а Рыбья матка, выгляни.

Всплыло тут в дальнем углу пруда серое полено с
выпуклыми глазками и забулькало.

– Давай спрашивай, – говорит Берлянд.

– Тетечка, – закричал Миша, – научите меня драться,
пожалуйста.

Полено забулькало словно бешеный чайник, так
что пузыри вокруг побежали, полупало глазками и уто-
нуло.

– Что это она? – удивился Миша.

– Это она уже все сказала: “Когда нужно будет,
само научится”, – перевел Берлянд.

– Мне сейчас нужно, – закричал Миша, но никто
больше из пруда не высунулся, одни круги по воде по-
плыли да листья.

Расстроился Миша, домой засобирался. Пошел
Берлянд его провожать.

– А может, ты все-таки медведь? – по дороге Мишу
спрашивает. – Голос у тебя, как у медведя.

– Нет, – отвечает Миша, – это я охрипый.

– Жалко, – говорит Берлянд, – а то б в лесу остал-
ся. У нас хорошо, драться не надо. Может, останешься?
Глядишь, понемножку в медведя превратишься. Песню
петь будем, малину собирать...

– Нет, мне человеком надо оставаться. И бабушка
без меня как же? Не могу я.

Тут они к речке вышли, к мостику. А на мости-
ке конопатый мальчишка, соседский Лёшечка. Увидел
Мишу, давай дразниться:

– Дам раз, прямо в глаз.

– Фигушки, – Миша в ответ. – Я не один, со мной
леший по фамилии Берлянд.

– Гы-гы-гы, – гогочет Лёшечка. – Обманули дурака

– Берлянд – это хорошо. Страшно потому что. А ты как дерешься? Сильно или не очень?

– Что ты! Что ты! – У Берлянда весь прилизанный мех обратно дыбом встал. – Разве можно о таком спрашивать?! Лешие никогда не дерутся и уметь не умеют. Нам это никак не положено.

– Вот жалость-то, – говорит Миша. – Бабушка говорила: “Пусть тебя леший драться учит”, а ты не умеешь.

– А тебе зачем? – Берлянд спрашивает, а сам от Миши по березе, по березе и в сторону отползает. – Ты зачем драться хочешь?

– Не хочу я вовсе. Только надо.

– Зачем надо-то?

– Бабушка велела. Меня Лёшечка соседский все время колотит. Я бабушке жалуясь, а она: “Сам виноват, сдачи давать надо”. Я ее прошу: “Научи”, а она сердится и к тебе посылает. Вот я и пришел.

Задумался Берлянд, лапами перебирает, носом сопит, решить не может. Последнему ежу в лесу ясно, что драться – плохо. А бабушку не слушать? И Мишу жалко. Сопел, сопел и спрашивает:

– А ты почему не дерешься?

Миша совсем грустный стал.

– Понимаешь, как захочу я кому сдачи дать, так сразу думаю, что ему больно будет. И никак не могу.

– Вот что, – говорит Берлянд. – Тут я тебе не помощник. Надо к Рыбьей матке идти. Она вон сколько лет мальков выращивает, все про драки знает.

Пошли. Чтоб веселей, песню запели. Специальную. Она и для леса полезной оказалась, только слова поменяли:

“И раз, два, три, ну-ка, походи-ка!

И раз, два, три, али что хужеей!”

Незаметно как и дошли до пруда за горкой. Пруд старый-престарый, никто уж не помнит, кем он вырыт.

СУРА И САМАРА*

Две кровных сестры у Днепра —
Сбегают к нему с крутояра.
По правую руку Сура,
По левую руку Самара.

Негоже славянской родне
Рычать друг на друга, как волки.
Поклон тебе, батюшка Днепр,
От ласковой матушки Волги.

У древних истоков Руси
Парит неразлучная пара —
Сошедшие в мир с небеси
Притоки Сура и Самара.

Две красных славянских реки
Питают тебя, русский сокол,
Как крылья по обе руки,
Сура и Самара обопол.**

Главою налево клонюсь,
А сердцем склоняюсь направо —
К тебе, моя Крестная Русь,
Моя вековечная слава.

Фортуна к поэту добра.
Её два Божественных дара —
По левую руку Сура,
По правую руку Самара.

* Сура и Самара – одноимённые притоки Днепра и Волги.

** Обопол – с двух сторон.

Родные мои земляки,
Исконные русичи-братцы,
У матушки Волги-реки
Сыны пензяки и самарцы.

Две кровных сестры у меня –
Красивая красная пара.
Моя золотая родня –
Притоки Сура и Самара.

Отец у меня был пензяк,
А мать из крестьянок самарских.
Не зря в моих жилах сквозят
Разбойные волжские сказки.

Живу я на Волге-реке.
Взираю на мир с крутояра.
Сура в моей левой руке,
А в правой ладони — Самара.

* * *

В землю молнию вбивая,
Прогремел вселенский гром.
Высоко Господь на сваи
Ставит свой небесный дом.

Подпирает Бог столбами
Неба горнее крыло,
Чтобы грешными слезами
Храм вселенский не снесло.

Берлянд почесал левой задней лапой правое ухо
и решился:

– Пойдем, попробуем.

Никогда он такого не слышал, чтобы песня специальная для болот была.

– Пойдем, – согласился неизвестный.

Спустились они к болотцу. Стали с песней по нему туда-сюда маршировать. Камыши качаются, с водных глазков ряска летит, ил, брызги. Лягушки со страху на поляну выпрыгнули, сидят там, удивляются пучеглазые. Весело! И действительно: хоть бы что! Правда, в том болотце и раньше никто не тонул, уж больно мелко, но с песней специальной еще лучше. Полезная вещь!

Пели Берлянд с неизвестным, пели и утомились. Сели на поваленную березу, отдышаться. Берлянд и спрашивает:

– А ты – кто?

– Я – Миша.

– Медведь, – обрадовался Берлянд. – Вот хорошо как! У нас в Бурцевском лесу уже сто лет медведей не водится, теперь свой будет. – Обрадоваться-то обрадовался, но тут же засомневался: – А почему ж ты тогда зеленый?

– И вовсе я не медведь, а мальчик, – отвечает Миша. – А ты сам тоже зеленый.

Глянул Берлянд на себя – батюшки! – весь в ряске: и грудь, и живот, и лапы. Давай вылизываться, очень лешие не любят, когда они грязные.

Вылизывается Берлянд, а Миша рядом сидит, на Берлянда посматривает, завидует, наверно.

– Какой у тебя язычок красненький, – говорит, – как у нашего кота Усатика. Его так за усы прозвали. А у тебя прозвище есть?

– Что я, кот какой, чтоб у меня прозвище было, – обижается Берлянд. – У меня фамилия. Берлянд называется.

Подошел, плюхнулся на траву, что-то с задними лапами делает, бормочет про себя. Берлянд уши навострил: “Тут болото, там болото, чтоб оно под землю провалилось. Все ноги промочил. И никаких леших нет”, – слышит.

У Берлянда шкура уже не чешется, дергаться начала: да кто же это? лешие ему зачем? и как он ушами слезы вытирать будет, уши-то у него даже меньше Берляндовых?

А неизвестный с лапами покончил, встал да как закричит:

– Ау! Леший! Ты где?

Тут уж Берлянд не выдержал. Про все забыл, зовут ведь. Под корень поднырнул и к неизвестному:

– Ну, я – леший. Что тебе?

– Ух ты, – говорит неизвестный, – какой ты толстенький и смачненький. Разве лешие такие?

– Такие. Какие ж еще? – удивляется Берлянд.

– Бабушка говорила – страшные, а ты – вон! – маленький. Давай померяемся.

– Как это?

– Станем спиной к спине, и кто кого больше.

Берлянд меряться не стал. Чего меряться, и так видно, что неизвестный больше. На целых полторы головы. Берлянд от обиды даже зачесался. У леших не только от любопытства, но от обиды тоже шкура чешется. Зачесался и сразу вспомнил, что у неизвестного спросить хотел:

– А когда ты будешь слезы ушами вытирать?

– Когда? Никогда. Они у меня не дотягиваются до глаз.

– А пел! – возмутился Берлянд.

– Так это песня такая специальная. Для туристов.

Ее обязательно надо петь, когда по болоту идешь.

– И что?

– И хоть бы что!

Рассекает воздух пламя,
Гулко в небе грохоча.
В золотом вселенском храме
Возжигается свеча.

Посреди молитвы слёзной
Над землёй в который раз
Упреждающе и грозно
Раздаётся Божий глас.

В небе, грохотом объятый,
Грозно мечется в огне
Божий кмет — Георгий святой
На пылающем коне.

Льётся слёзная молитва,
Плачут ангелы во мгле...
...Громыкает Божья битва
Ради жизни на земле.

ДИРИЖЁР

Памяти Александра Пахомова

Ангелы – поющие собратья
И твоя небесная семья.
Поднимаешь руки для объятья.
Льётся с неба музыка твоя.

Фрак в лучах юпитеров искрится,
А манишка снежная бела.
Дирижёр – израненная птица.
Взмах его руки как взмах крыла.

Песня в поднебесье улетает,
И её пронзительный мотив
Пламенем взыскующим пытается
Сердце дирижёра на разрыв.

Песнопенья ангельского хора...
И, как за небесною стеной,
За спиной надёжной дирижёра
Хрупкий мир покоится земной.

* * *

...А росы на рассвете – капли крови
На гимнастёрках утренних полей.
И горизонт прерывист и неровен,
Как бинт, алеет в кронах тополей.

И никуда от памяти не деться
Среди кричащей этой тишины.
Всплывает солнце – огненное сердце
Солдата, не пришедшего с войны.

БЕРЛЯНД

Сказка

Николке посвящается

В Бурцевском лесу жил леший по фамилии Берлянд. Впрочем, почему жил? Он и сейчас живет.

Если от речки за мостиком влево, а потом по узкой прогалине через болотце, то уж там – рукой подать. Большую ель ни с чем не спутаешь – стара, шершава, вершины не видно – другой такой нет. Это – и дом Берлянда.

И он сам тут как тут: то один глаз в коре проглянет, то другой, то шишку сверху уронит, то веткой скрипнет. У него от любопытства вся шкура чешется, но и выйти страшно. А вдруг ты в него не веришь? Ведь у леших как: если в них не верят, то и они перестают. А стоит лешему в том, что он есть, разувериться – пропадет, мягким облачком истает, как и не было.

Знает про то Берлянд, боится. А шкура чешется. А выйти хочется.

И вот однажды рано-рано утром, едва солнце краешком показалось, едва в болотце да в пруду за горкой лягушки спросонья зачихали, поднялся в лесу страшный шум. Ломится по лесу кто-то, валежинами хрустит, в овраги вваливается, тучным голосом песню орет:

*“По болоту без сапог, ну-ка, походи-ка!
Сразу схватишь ревматизм али что хужей.
И заплачешь оттого яростно и дико,
Утираючи слезу кончиком ушей”.*

Подхватился Берлянд, глаза кулаками протер и скорей смотреть: кто такой?

А тот уже из болотца выбрался, к старой ели направляется. Только не понять – кто. На задних лапах бредет, хвоста нет, шерсть на голове клочьями, снизу до головы – зеленый, сверху до зеленого – бурый да белый, пятнами. Сроду Берлянд таких не видывал.

наконец, удалось справиться с этой проблемой, я осторожно открыла глаза и увидела... нет, не выжженную солнцем пустыню со скупой растительностью, не свирепого царственного льва, а ветки цветущего шиповника на обоях своей комнаты. «Так это был только сон?» – вылетел из моей груди горький вздох разочарования. Но откуда же тогда песок в глазах? Откуда свинцовая тяжесть в ногах? И как теперь быть с неподдельным ощущением того, что прожит такой значительный, важный отрезок жизни? Это улики, которые кричат сами за себя. Ну уж нет, никто не заставит меня поверить в то, что это был только сон! Не может такого быть, чтобы вечером лег в постель один человек, ранимый и сентиментальный, а утром открыл глаза – уже совершенно другой, решительный, ступивший на тернистый путь, с которого уже нельзя сойти. Рост души не зависит от времени суток, от нашего сна и бодрствования. А еще удивляются: почему люди меняются так внезапно, в одночасье? Я этому теперь не удивлюсь. Закончилось Вербное воскресенье моей жизни на празднике песни и поэзии в заповедном Летающем доме. Наступила пора испытаний, пора крестоношения... Я медленно приподняла голову с подушки и прислушалась: кажется, мама уже встала?! В очередной раз опередила!

ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

*...Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю...
А. С. ПУШКИН*

Защитники Отечества – поэты,
Хранители сердечного тепла.
Архангелы кладут, как эполеты,
На плечи им небесные крыла.

И воинство небесное готово
Вести извечный бесконечный бой.
И Веру, и Отечество, и Слово
Во мгле кромешной заслонить собой.

Всем воинам, в бою неравном павшим,
Стоять в небесном воинском строю.
А всем, стихов при жизни не читавшим,
Быть предстоит поэтами в раю.

Господь на золотые эполеты
Кладёт им негасимый горний свет...
Защитники Отечества – поэты!
Других у Бога не было и нет!

* * *

День соткан из солнечных сот
Пчелиного воска.
Таких достигает высот,
Что жутко немножко.

Небесная крыша светла,
Как ангела песня.
И солнце, как мама-пчела,
Гудит в поднебесье.

В лучах утопает земля
Дождя золотого.
Гостюю на пасеке я
У дядьки родного.

Медовая пьяная хмарь
Кольшет пространство.
А дядька – наместник и царь
Пчелиного царства.

Резные поют терема
Пчелиной державы.
И как не сойти тут с ума –
О Господи Правый?!

Рассудок меня не спасёт
От дерзкой оплошки.
А дядька мне мёду несёт
В берёзовой плошке.

Всего два глоточка отпил
Пчелиного солнца
И рухнул в траву и поплыл,
А дядька смеётся.

И катится с Божьих высот
От этого смеха
Из солнечных соткано сот
Гранёное эхо.

ную. В древнем Израиле был обычай: приглашенный в дом непременно должен был облачиться в одежду для гостей, которую слуги подавали у входа. Значит, и мы приглашены?! Теперь я не только идти, я бежать готова!

Я выбрала темно-синий костюм странного покроя и снова загляделась на пустыню. О чем молчит эта земля? Присматривается к нам, прищурившись под раскаленным солнцем? Думает, небось, что мы за люди, как нас встретить, чем испытать? И я тоже начала присматриваться к этой земле. Не такая она простая, как казалась когда-то.

– Как странно получается, – размышляла я вслух. – Христос говорил про узкий путь, ведущий в Царствие Небесное, а наш самый трудный, спасительный отрезок пути лежит через необъятную пустыню. Святые отцы говорили: чем уже путь, тем малолюднее он становится. А у нас наоборот: чем ближе к бескрайней пустыне, тем меньше людей рядом.

– Пути Господни неисповедимы. Это тайна. Нашему уму ее не постичь. Лучше укладывайся спать, а то тебя завтра опять не добудишься.

«Небесный Иерусалим! – все еще продолжала я мечтать про себя. – Неужели до тебя уже рукой подать? Видимо, мне только казалось все это время, что я стою на месте. А на самом деле какой-то отрезок пути уже пройден. Мы на верной дороге. Господи, дай силы идти!»

Внезапный порыв ветра играючи взвихрил песок. Я заморгала и стала отчаянно тереть глаза. Ого, пустыня уже начала пробовать силы против пришельцев, показывать характер! Что еще у нее припасено для нас: скорпионы, змеи, львы и множество неизвестных нам «прелестей» необитаемого, дикого края? Когда мне,

– Привал, – лаконично объявил старший странник. – На ночлег остановимся здесь. Набирайтесь сил, завтра нас ожидает самый сложный отрезок пути.

«Пустыня! – ахнула я, услышав. – Как же быстро мы до нее дошли». Я в изнеможении добрела до своей группы и замерла, глядя вдаль. Так вот она какая – необъятная безводная пустыня. Несколько лет я писала курсовые о ее обитателях – первых монахах, защищала диплом. А завтра с первыми лучами рассвета сама ступлю на эту чужую неприветливую землю. Но она почему-то уже не кажется такой страшной, какой казалась еще несколько часов назад. Ведь мы сейчас отдохнем, наберемся сил, а там, за ней, пусть пока только как мираж, как мечта, уже показались туманные очертания куполов и колоколен Города городов – Иерусалима! Теперь я точно знаю, что мы обязательно дойдем.

Нас с мамой подозвали к подводе с одеждой и провиантом.

– Вот, выбирайте, – показал немногословный проводник на большую коробку. – Здесь одежда для паломников.

Усталость как рукой сняло.

– Значит, мы прошли первое испытание! – радостно сообщила я маме. – Ты понимаешь, что это значит – получить одежду паломников?

– Наша-то совсем износилась, испачкалась в дороге, пора сменить, – тоже обрадовалась мама предложению переодеться. Она уже деловито разбирала вещи, отыскивая подходящий цвет и размер.

– Это значит, что нас теперь непременно пропустят в Иерусалим! – не унималась я. – Помнишь притчу о брачном пире? Царь созвал гостей в свой дом. Но один из приглашенных оказался не в брачной одежде. И царь велел слугам связать его и выбросить во тьму кромеш-

А дядечка мой – сатана! –
Мне шепчет на ухо:
«Как девка шальная, стройна
Моя медовуха!..»

Искрящийся солнечный свет
Туманит мой разум...
...А мне-то всего десять лет...
...И — небо в алмазах!

* * *

Самара – ночная жар-птица.
Родная моя сторона.
Кому – запасная столица,
Кому – записная жена.

Спасибо тебе, фон Вакано,
Хмельной тараканище шлёт,
Что в кухне моей из стакана
Напитки культурные пьёт.

Немецкий расчётливый бюргер,
Ты пивом своим знаменит.
А нам грозный сталинский бункер
Дремать-почивать не велит.

Прижились мы сбоку-припёку
У Волги на самом краю.
Но всё же мы ближе к востоку,
А это почти что в раю.

Не будем о дьявольских кознях
 Пенять благодарной судьбе,
 Пока ещё sereneкий козлик
 Танцует на нашем гербе.

* * *

Покуда вертятся планеты,
 Взбивая пенный Млечный Путь,
 Небесной милостью поэты
 Во мгле не смогут утонуть.

Покуда солнце не погасло
 Над миром, над землёю, над...
 Свет заливает нас, как масло,
 Из млечных падая лампад.

Покуда в круговерти вечной
 Земля вращается во мгле,
 Мы все – молитвенные свечи
 На Божьем праздничном столе.

* * *

И жеребцы строптивые гнедые
 Вздымались перед строем на дыбы.
 И генералы были молодые –
 Воители фортуны и судьбы.

И золотом блистали эполеты,
 И кудри развивались на ветру.
 И молодые дерзкие поэты
 Им гимны воспевали на пиру.

– Я хочу пойти в Иерусалим! – решительно тряхнула она кудрями.

Кто бы мог подумать, что она явится сюда? Да еще в такой ответственный момент. И уж тем более изъяснит непреклонное желание идти. Для нее любое получасовое передвижение на общественном транспорте – уже проблема. И голова болит, и ноги устали. Мама даже на церковную службу выбирается раз в полгода, а тут – пешком в Иерусалим!

Мы ушли прямо с праздника вместе со странниками. Не заходя домой.

Далеко позади остался наш город, друзья, дом, быт, налаженный до мелочей. Впереди – неизвестность. А еще вера в то, что проводники не подведут. В пути нельзя без веры. Сколько уже пройдено, не считала. Наверное, немалый отрезок пути. Проводники у нас сильные, идут уверенно. Но к вечеру следующего дня меня начала одолевать усталость. Мысли об отдыхе и пище, словно назойливые насекомые, стали отвлекать внимание от драгоценной цели. И я начала отставать. Стоит подумать о доме, ужине и теплой постели – и уже отстала на шаг-другой. А мама – впереди! Она едва не наступает на пятки проводников. Стыдно признаться, но она всегда и во всем впереди: я еще сплю, а мама – уже на кухне, я только подумала о делах, а мама – уже постирала, высушила и выгладила. И так во всем! Откуда только у нее силы берутся? Вот и здесь: как ни стараюсь догнать, а мама все равно оказывается на несколько шагов впереди меня.

– Не отставай! – счастливо улыбнулась она, оглянувшись.

А ноги уже совсем перестали меня слушаться, отяжелели. «Господи, дай силы идти!» – из последних сил взываю о помощи, хотя знаю, что не пропаду, ведь мама рядом, она меня не бросит!

сыпучие пески... Такое счастье мне не снилось даже в самых смелых снах. А как же еще добираться, если не пешком? На билеты на самолет мне, наверное, никогда не заработать денег. Надо решаться. Но... они уходят прямо сейчас, а ведь мне надо предупредить маму, отца и брата, надо собрать вещи, а до дома так далеко отсюда! И кто же пойдет вместе со мной?» – так радость стала перерастать в растерянность.

– Кто пойдет? – оглядываюсь я на друзей.

Молчат поэты и музыканты, отводят глаза. Но ведь странники не будут ждать долго, пойдут по улицам и храмам и соберут попутчиков.

– Кто пойдет со мной? – еще раз с мольбой обращаюсь ко всей компании.

– Я не смогу, – загрустил Юрий Палыч. – Я работаю. Вот если бы отпуск был...

– И я не смогу, – виновато подхватил Володя. – Меня жена потом целый год пилить будет. Сюда-то на несколько часов еле вырвался. Как увидела меня с гитарой, обиженно подперла спиной стенку, руки скрестила на груди и фыркнула: «Мальчик, гуляй!»

– На меня тоже не рассчитывай, – пробасил Сергей. – У меня болят ноги. Не дойти мне...

И так у каждого нашлась своя веская причина.

– Друзья мои, почему мы опять не вместе?

Но мне так никто и не ответил. Да и не нужно ответа. Сама уже догадалась: это за мной пришли странники, это мне нужно принять решение сейчас, а для моих друзей время еще не пришло.

«Кто же, кто же пойдет со мной?! – обратилась я уже не к друзьям, а в безответное пространство. – Кто разделит со мной все трудности пути?»

– Мама?! – удивилась я, увидев ее в дверях Белого зала.

И канули навек в пыль и дыме
Во мглу те золотые времена.
И генералы стали сплошь седыми,
И не звенят зазывно стремяна.

И потускнели крылья-эполеты,
В пыли музейной обрета приют...
И одряхлели дерзкие поэты,
И боевые гимны не поют.

Но верю я – грядут года иные,
И на седой отеческий редут
Прибудут генералы молодые,
И молодых поэтов приведут.

* * *

Русь на голову больная
Тяжело с исконных пор.
Горячо по ней стеная,
Кровью харкает топор.

Что ни век – петля и плаха
Строят смердов вдоль стены.
И как шапка Мономаха
Кремль на темени страны.

Что ни день – хоть чёт, хоть нечет –
На любом земном веку
Русь башку больную лечит,
Кровь пуская мужику.

* * *

Господь сказал: «Все люди – братья...»,
 Но умолчал, что в наши дни
 Кавказское рукопожатье
 Капкану волчьему сродни.

И только русский без опаски
 Промолвит, как своей родне:
 «Дай брату лапу, волк кавказский,
 И мы повоюем при луне...»

* * *

Я врагов принимаю с любовью.
 Я им место в раю застолблю,
 Потому что они моей кровью
 Биографию пишут мою.

Потому что и в мире загробном
 Не отступят враги ни на шаг.
 Друг не может быть истинно кровным.
 Кровным может быть истинный враг!

В судный час я воскликну: «О Боже!
 Моих кровных врагов пожалей!
 Кто ещё так пристрастно изложит
 Все превратности жизни моей?!»

областной библиотеки. Стихи и песни под гитару без усталости сменяют друг друга, звенят бокалы с красным вином... Наш дорогой Юрий Палыч, самый трезвый и рассудительный из нашей компании, преобразившись на радостях, очень галантно ухаживает за дамами и следит, чтобы бокалы ни у кого не были пустыми.

– О, друзья мои, дышащие легко,
 Почему вы опять от меня далеко?

Даже здесь, в этой области неземной,

Вы опять не рядом со мной... – поет Лена, перебирая струны Володиной гитары.

– Да-а.., – мягко, мечтательно протянул Борис, подпирая щеку рукой и блаженно глядя на томящееся в бокале рубиновое вино, – редко вот так собираемся.

– Это моя любимая песня у Вероники Долиной, – расчувствовалась я. – И мне впервые не грустно от этих строк. Мы же наконец-то вместе. Этот Белый зал стал сегодня нашим «Летающим домом»!

Никто и не заметил, как в самый разгар праздника на пороге появились три незнакомца. Они ничем не выделялись – ни одеждой, ни ростом, ни речью. Но почему-то всем стало сразу понятно, что это странники. Они так и представились: проводники до Иерусалима.

– У вас сейчас есть возможность отправиться с нами в Иерусалим, – заговорил один из них, по-видимому, старший. – Мы отправляемся сегодня пешком. Путь далекий и непростой, но мы знаем маршрут. Вам не нужно оформлять загранпаспорта и визы, мы сами все уладим. С нами вы не пропадете. Решайтесь.

Притихла шумная компания. «Вот она, единственная в моей жизни возможность попасть в Город городов – Иерусалим! Да еще и пешком, как я мечтала, начитавшись книжек! Впереди – чужие государства, непроходимые леса, безводные пустыни, изматывающие

Но в этом празднике есть горчинка: Христос знал, что эта же самая ликующая толпа уже завтра будет кричать: «Распни его! Кровь его на нас и на детях наших!» Вот ведь как порой оборачивается жизнь. И я вдруг почувствовала себя посреди праздничного великолепия такой одинокой и беспомощной. Так захотелось сейчас чьей-то поддержки, самого маленького знака внимания! «Неужели никто в этот вечер не догадается подарить мне хотя бы крошечную веточку?» – с надеждой вглядывалась я в толпу. Конечно, я могла купить ее у ворот собора... Но ведь это совсем не то! Это маленькое пушистое чудо я жду, как ждут праздник души, как ждут откровение. Этого не купишь ни за какие деньги. Не Вербное ли воскресенье своей жизни испытываю я в эти годы? И откуда мне это, где берет начало эта мысль?

Служба закончилась. Прихожане, приложившиеся к золоченому кресту и окропленные святой водой, повалили из храма, подталкивая друг друга, с сияющими улыбками на лицах и с букетами вербы. Я невольно задерживаю шаг, все еще надеясь на чудо: а вдруг кто-нибудь поделится от избытка радости? Но веточку вербы мне так никто и не подарил. Грустно возвращаться домой после праздника без подарка. «Ты как ребенок! – стыжу я сама себя. – И, наверное, никогда уже не повзрослеешь».

...Если бы я знала, какая радость ждет меня впереди! Зашло долгожданное ласковое апрельское солнышко, – взошла первая яркая звездочка. Моя печаль не затерялась среди всеобщего ликования, а стремительно достигла самого Небесного Иерусалима! Как детская слезинка, которой никогда не затеряться в вечности.

Мои друзья – поэты и музыканты – устроили большой праздник в Вербное воскресенье в Белом зале

«ВЫСШАЯ МЕРА»

* * *

Нам спасение с неба Принесший,
И Взвизгивающий скорбно с икон,
Пригвождённый, Распятый, Воскресший,
Неужели и Ты побеждён?

Неужели неостановимо
Вновь на Русь напалает орда?..
Третий Рейх против Третьего Рима –
А четвёртым не быть никогда!

Это тьма против русского света.
Это свастика против звезды.
Это вран против сокола... Это
Заматают убийцы следы.

Это выздоровленье больного –
Волей Вышнего неистребим,
Восстаёт из неверья былого
Кумачом обезбоженный Рим.

БЕЛГОРОДСКИЙ КИСЕЛЬ

*«...Разве можете перестоять нас?... Ибо имеем мы
пищу от земли...»
«Повесть временных лет» о белгородском киселе*

Горделивой походочкой-лодочкой,
Затаив за ресницами грусть,
Мне навстречу плывут белгородочки,
В чьих бровях раскрывается Русь.

Православная русская вотчина –
На губах и на сердце ожог.
Белгородчина – речка молочная.
Да кисельный крутой бережок.

Здесь разбойные тропы найдены...
Не зазорно здесь – так твою мать! –
Заявляться незванно-непрощенно
За семь вёрст киселя похлевать.

Шли сюда печенег и половцы,
Чтоб вкусить белгородский кисель...
Белгородские добрые молодцы
Провожали незваных отсель.

Провожали незваных-незнаемых,
Что без спросу пришли на постой.
Провожали в закатное зарево
И булатным мечом, и сытой.

Поляница-душа Белгородчина!
Супостату показывай нрав.
Крепость русской державы упрочивай,
Богатырской заставою встав.

относиться к оговоренному отцу В. Порассуждали и забыли. Но этого было достаточно, чтобы спровоцировать самую настоящую катастрофу в вечности! Наше рассуждение воплотилось в определенную форму и зажило самостоятельной жизнью. И уже своей собственной персоной предъявило нам обвинение в убийстве!

Значит, это на самом деле правда: человек, выброшенный из сердца, умирает и влечет за собой в пропасть своего «убийцу»? Не тем же ли заканчиваются все наши даже безобидные на первый взгляд ссоры? До пропасти – шаг, слово, мысль! А жить всем хочется.

Слава Богу, сердце поэта устояло в любви и вере. Может быть, благодаря этому наш отец В., изрядно потрепанный жизненными обстоятельствами, уже более 10 лет после случившегося благополучно живет и служит во славу Божию.

В ИЕРУСАЛИМ!

*“Между погибающим грешником
и спасающимся святым разница
только в одном – в решимости.”
Св. Серафим Саровский*

На исходе Великий пост. Наступила Всенощная накануне Вербного воскресенья. В Спасском Староярмарочном соборе, моем втором доме, как всегда, теснота и радостное оживление. Почти у всех прихожан в руках – прутики вербы, а у некоторых – так просто охапки. Неуловимый аромат тонких весенних прутиков, оплывающих свечей и густого ладана сливается с всеобщим ликованием.

– Осанна в вышних! Благословен грядый во имя Господне! – возгласил священник.

– Осанна в вышних! – подхватил хор.

ным станет отец В., оказавшись выброшенным за пределы Вашей любви! Я читала, что всякий, кто каким бы то ни было образом был источником любви, имеет защиту перед Судом Божиим. Большинство людей только этим, наверное, и спасется.

На том и закончили разговор о батюшке, даже и не подозревавшем, что он попал в такой нешуточный переплет.

А ночью я поняла, что на этом разговоре не заканчивается, а только начинается драма, исход которой полностью будет зависеть от нас. Мне приснилось, будто мы с поэтом Б. убили отца В.! Нет, мы его не душили, не топили, не резали... Эта информация была преподнесена мне уже как свершившийся факт. И вот я вижу «убитого» нами батюшку! Он идет мне навстречу: лицо серое – ни кровинки, глаза отрешенные, пустые, движения лишены эмоциональной окраски и смысла. Он и не он – мертвец, безжизненная кукла! Ни намека на то, что душа его в нем. Стало страшно. Вот сейчас «убитый» подойдет совсем близко. И что же он скажет своему палачу?! Сердце колотится мерно и четко, словно отмеряя каждый шаг приближающегося мертвеца. Неужели это мы его убили? «Но ведь я этого не помню!» – слабо оправдывалась я перед лицом незримого Судьи. Почему-то стало зябко, стало больно и страшно за нас с поэтом Б. «Что мы наделали!» – распирала мозг уже одна-единственная мысль, а все внутреннее существо, сжавшись в комок, ждало пощады.

«Что мы наделали!» – проснулась я от собственного крика, сорвавшегося на шепот. В руках крепко сжато одеяло, которым я пыталась то ли укрыться от холода, то ли заслониться от возмездия за совершенное убийство.

Действительно, что мы наделали? Мы всего-на-всего несколько минут порассуждали о том, как теперь

* * *

Осерчавшая вьюга бранится
В тесноте родовых курмышей...
Не впервой ей в казачьих станицах
Выпроваживать пришлых взащей.

Я не пришла, бабушка-вьюга!
Почему ж мне нисколько не рад
Свои ставни захлопнувший глухо
Оренбургский угрюмый форштадт?

Ну так что ж?.. И на этом спасибо,
Родовой звероватый курмыш.
Я такая ж, как ты, неулыба,
Да и ты-то хорош, пока спишь.

Непроглядью родной, непробудью
Ты меня не жесточь, не морочь.
Без того посторонние люди
Истерзали мне душеньку включь.

Ты пойми, я смертельно устала
На разлучной чужой стороне
От радушных улыбок-оскалов,
Что не тонут в банкетном вине.

...Месяц-серп кровянится на небе,
И сугробы встают на пути...
На Пикетную улочку мне бы
По фуршетным бульварам дойти!

* * *

На землю снизошел с небесной выси,
Влачу века сквозь призрачный туман.
Мечу пред кем попало скатный бисер
И подливаю воду в океан.

А океан не только многотумный,
Космично выводящий свой напев...
Во гневе он порой бывает буйный
И на меня свой обращает гнев.

Я б в небеса вернулась, может статься,
Как люди возвращаются домой.
Увы, удавками электростанций
Стреножен бег укротимый мой.

Но я другой судьбы себе не чаю.
Хоть путь земной неласков и тяжёл,
Но кровь моя небесно-голубая
Горит огнями городов и сёл.

Она горит, пронзая мрак упрямо,
Познав и высоту, и глубину.
А я храню затопленные храмы,
Баюкаю персидскую княжну.

А я горжусь горою Девьей статной
В преданиях, как будто наяву.
И голью, словно жемчуг перекаточной,
Что жигулёвской вольницей зову.

«В ИЕРУСАЛИМ!»

КАК МЫ УБИЛИ ОТЦА В.

*Отчего бросаем речи:
«Вон из сердца!», «С глаз долой!»?
Будто дьявол ставит свечи
Всем живым за упокой.*

С. Бударин

Кто-то из близких друзей поэта Б. плохо отозвался о священнике – отце В. Потрясенный поэт, который все это время был просто без ума от бабушки, в полном отчаянии обратился ко мне:

– Так что же теперь, выбросить отца В. из сердца?

Мне вдруг вспомнилась совсем недавняя, очень искусно выстроенная, просчитанная до мелочей атака сплетников против меня. Обложили со всех сторон, словно медведя в берлоге: ни влево, ни вправо уже нельзя, и на месте стоять тоже невозможно. А самое обидное то, что сплетникам поверили все, даже самые близкие друзья!

И сейчас мне стало искренне жаль священника, позиции которого так неожиданно пошатнулись. «Не дождетесь, – стукнуло сердце в груди, словно кулаком по столу, – отца В. я в обиду не дам!»

– Ни в коем случае нельзя выбрасывать человека из сердца!

– Мне рассказали об этом люди, которым я доверяю! – словно оправдывался поэт.

– Но ведь и бабушке вы всегда доверяли! — не сдавалась я. – Нельзя же быть таким доверчивым к людской болтовне. Вы только представьте, каким беззащит-

текут по его щекам. Слабым движением он пожимает ей руку. «Нонче почти все лето молодые твои в дому у тебя хозяйничают, – говорит Настасья. – На меня не смотрят и за соседку, видать, не признают. Да Господь с ними. А ты лежи спокойненько. Я скоро опять приду». Долгим благодарным взглядом провожает ее Василий до дверей.

«Недолго наживет Васенька, по всему видать, – думает Настасья дорогой. – Вот уж тогда слетятся коршуны-то на поживу. А сейчас никому он не нужен. Взять бы его к себе, пусть у меня помирает, да боюсь, не справлюсь одна-то ворочать его. Вразуми, Господи, деток наших и прости их, ибо не ведают, что творят». Настасья утирает слезы и бредет домой.

* * *

Коварной волей фотомастера
Однажды и уже навеки
На коллективном фото замерли
Друзья, завистники, коллеги.

Мгновенья дружного бодрчества
Не выглядят на фото зыбкими...
А ведь чего только ни прячется
За белозубыми улыбками!

Тщеславье, зависть, честолюбие...
А пуще прочих – хуже некуда! –
Израненное самолюбие
Любви, что некогда отвергнута.

«Столь разные, что вместе делаем?...» —
Невольно думается с ужасом.
Здесь даже ревность застарелая
Галантностью прикрыта дружеской.

Но вновь, лучась улыбкой тихою,
Со всеми жду – вот птичка выпорхнет
Из объектива юным соколом,
Рождённым только для высокого!

Не потому ль так страстно хочется
Остаться дурочкой наивною
И вновь свершать от одиночества
Побег в то фото коллективное,

Где средь притворства изошрённого
Лишь ты один – вконец растерян! —
Стоишь с лицом приговорённого
Ко мне, как к самой высшей мере.

* * *

Ты взахлёб с другими целовался,
Словно был со мною незнаком.
Но как был дурак, так и остался
Ты в меня влюблённым дураком.

Ты удары солнечные в сердце
Воплощал в лирический угар.
Но с годами никуда не делся
От удара лунного пожар.

Щедро ты дарил цветы любимым —
Уж таков широкий твой размах!..
Но мерцал почти неуловимо
Лунный свет, осевший на цветах.

Почему же, как это ни странно,
Через столько окаянных лет
Отрешённый свет луны-дианы
Пересилил солнечный привет?

пугаются». Не додумался до этого Василий. Но решил-таки при случае поговорить со своими. Видно, Настасья и впрямь как в воду глядела. Первыми «ощетинились» невестки, прямо заявив свои «права», да и злорадно подшутили над дедом-женихом. Сыновья—подкаблучники вторили им, хоть и было им неловко перед отцом. «Все-то я своим трудом наживал. А вы уж, видно, при жизни моей готовы руки протянуть. Дайте хоть помереть мне сначала. И откуда это в вас, нынешних, взялось?» — сказал им на прощанье Василий.

С горькими мыслями, с тяжелым сердцем возвращался он домой. Настасья все поняла и еще больше стала его жалеть. Навещала по вечерам, помогала по дому. «Оставайся, Настасья, живи у меня, — говорил он ей, провожая до двери. — По душе ты мне. Ведь не обижу я тебя. Вдвоем-то нам повеселее будет. И хозяйство одно вести будем». — «Нет, Василий, зачем твоих деток гневить. Они, вишь, какие деловые да умные нынче. Уж мы лучше так с тобой».

И вот как-то раз, по весне, заметила, что второй день не видать Василия во дворе. И дымок вроде над трубой не вьется. Пошла, постучала, никто не вышел. Всполошила тут всю деревню. Попали в дом. А Василий лежит на полу парализованный. Отправили его в райцентр в больницу. А потом врачи предложили детям взять домой, уход ему нужен от близких людей. Снохи наотрез отказались, а сыновья плечами пожали. И отправили дядю Васю в специальное отделение для лежачих больных, в пяти километрах от дома. Ходит к нему одна только Настасья. Навещает исправно, приносит поесть. Сама покормит с ложечки любимым его овсяным киселем с молоком. Поправит ему постель, повернет набок. И долго-долго говорит с ним, гладит его. Василий все слышит, понимает, только сказать не может. Слезы тихо

ДЯДЯ ВАСЯ

Дядя Вася жил тихо и скромно. Дом его стоял на берегу речки. Самым лучшим занятием для него была рыбалка. Она помогала скоротать время, успокаивала его, уводила от тоскливых мыслей. Вот уж скоро два года, как схоронил он жену. И остался Василий один-одинешенек в своем большом доме. Хозяйство держать уже не смогал, да и зачем ему одному-то. Дети, два сына с семьями, живут в городе, заглядывают редко. С огородом дядя Вася еще справляется, научился давно при старухе. Готовит себе нехитрую еду. И со стиркой приспособился, машинка выручает. Все бы ничего, да тоска съедает, не с кем слово перемолвить. Особенно тошно зимой. Целые дни смотрит «ящик» этот, и уж он надоел донельзя. Одна у него отрада – соседка Настасья. Справная такая баба, хоть и пожилая тоже, да уж больно душевная. Всегда-то она найдет для него доброе слово, поможет советом и делом. Еще при жене покойной жили они дружно. Настасья давно уж вдовствует. Бывало, не раз обращалась к Василию за помощью. А теперь вот сама норовит помочь. К Пасхе так прибралась у него в избе – залюбуешься. Ведь вот что значит женская рука и глаз. Ну и Василий не остался в долгу. Помогал соседке у дома дрова прибирать. Прохожие подшучивали: «Сходились бы уж совсем, что ли, чем так-то ворковать!» И запала дяде Васе в голову думка. По ночам, когда ломит суставы к непогоде, все-то, все передумаешь и боишься больше всего одиночества и ненужности своей. Решился, наконец, дядя Вася и напрямик сказал все Настасье. Она замахала руками, сильно сконфузилась и покраснела: «Что ты, что ты! А детки-то что скажут? Чай, вон у тебя дом-то добротный какой, да и в доме всего полно. Еще подумают чего, ис-

* * *

*«В следующий раз они попытаются взять нас изнутри...»
Маршал Г.К. Жуков, 1945 год*

И вновь мы устоим, когда, мечи попрятав,
Они вползут в наш дом, рядясь в друзей.
И станут, опоив заморским ядом,
Морить старух и развращать детей.

Допустят наших дунек до Европы –
Пусть пляшут по борделям нагишом.
И переоборудуют под «шопы»
И школу, и завод, и космодром...

Мы устоим... Хотя и поневоле
То влево нас, то вправо занесёт.
Мы даже убедить себя позволим –
Мол, рынок нас не выдаст, Бог спасёт!

И будет счастье, словно локоть, близко –
Мы по-американски заживём.
Мы, может, даже выучим английский
(Немецкий-то учить нам было в лом!).

Маркетинг, киллер, дилер, супервайзер,
Промоутер, бэбиситер, бэби-бум...
Мы думали: из грязи – прямо в князи.
А на поверку выйдет — русский бунт.

Сметающий содомские пороки
От гатчинских болот и до Курил,
Бессмысленный, кровавый и жестокий –
Тот, о котором Пушкин говорил.

* * *

Средь тёмной ночи, среди бела дня
 (Молчи, молчи, не говори ни слова!)
 Я знаю, слава, ты найдёшь меня,
 Но всё же адрес сообщу почтовый.

Хоть ты пока не очень-то спешишь
 Меня подвергнуть головокруженью...
 Я знаю, слава, ты меня простишь
 За все мои былые прегрешенья.

Простишь за то, что, лишь тебя любя,
 Я не была упрямой до предела.
 За то, что в ожидании тебя
 Я замуж пару раз сходить успела.

Пусть верности в тебе и ни на грош —
 Не только рядовым, но – знаменитым.
 Зато меня ты, как никто, поймёшь.
 А значит, слава, мы с тобою квиты.

Пусть я не раз продрогну на ветру,
 Шепча твоё единственное имя...
 Но я проснусь однажды поутру,
 Согретая объятьями твоими.

ферм, воловен, на свалках. Научился подкарауливать и утаскивать собак. Ветлужских охотников поражала ловкость, с какой он крал собаку из-под самого носа, прямо на охоте, короткий визг – и собачки как не бывало! О Сером знали многие в округе. Но волк был неуловим. Выслеживали, обкладывали, ставили капканы. Он уходил, точно знал наперед все, что затевают против него, давно превзойдя человека в уме и хитрости. Его научила этому жизнь. Обреченный на одиночество, цеплялся за нее, подчиняясь инстинкту, гонимый голодом. Голод движет всем живым на земле. Но даже волчья душа сожмется иногда от тоски и боли одиночества и взвояет. Тогда, выйдя на опушку леса, он поднимет вверх свою острую морду и пошлет взошедшей луне те звуки, которые леденят душу и наводят страх. Недаром говорится: «Хочется волком завывать». Видно, нет более жуткой, тоскливой и отвергнутой песни, чем волчья. Никто не отзовется Серому. И долго еще будет слышен в ночной темени его протяжный вой. Одинокий волк, неприкаян, зол, надломлен. Ему хочется отомстить судьбе, людям за свою тоскливую жизнь, за то, что с ним сделали. Но он слаб, он один. Силы медленно, но упорно покидают его. Серый чувствует это. Все труднее добыть корм, неделями бродит голодный, тело хиреет, слабеет. Однажды ранней весной волк вдруг почувствовал опасность. Шестое звериное чувство подсказало, что люди готовят ему западню. Тревога и страх охватывают все его существо. Он ищет спасения, но чует свой скорый конец и уже почти не противится ему. Непонятные резкие звуки, приближаются, преследуют. Это люди, они уже близко. Снегоход настигает его. Серый понимает, что не уйти, культа не дает развить скорость. Стареее сердце не выдерживает. Он ощущает приближение смерти. Но она его уже не страшит – устал бороться с жизнью. Смерть для него – избавление.

былой жизни. Драки и схватки за место вожака в стае. Любовные сцены, появление волчат в логове. Он кормит их, учит искусству охоты. Волк силен, красив, молод. В волчьей стае своя иерархия, каждый знает свое место, дело. Сложна охота на крупного зверя, например лося. Но какова награда! Как можно опьянеть от запаха теплой крови и сытости желудка! Летом ветер часто наносит дурманящий, манящий запах стада. Люди пасут животных. Разбойный инстинкт толкает Серого туда. Во главе стаи ночью он переплывает реку и устремляется в загон, где спят свиньи. Визг, резня, кровь! В разбое волк не знает меры. И снова лес укроет серых хищников, насладившихся вероломством и силой. «Знайте нас, беспечные люди, мы рядом!» Казалось, Серый все знал о человеке. Но не знал еще, что такое капкан. Однажды зимой, почуяв запах падали, устремился туда. Снег запорошил приваду. Скорей разрыть, скорей! Передняя лапа зажата намертво! Он взвыл от боли и ужаса. Рвался, визжал, взметал снег вокруг, слабея от борьбы с непонятым врагом. Жажда жизни, инстинкт самосохранения заставили грызть собственную лапу. Тело немело от боли, волк падал, лихорадочно лизал лапу, хватал ртом окровавленный снег. И снова принимался грызть её. И вот — свобода!.. На трех лапах уходит Серый от страшного места, оставляя кровавый след. Сухой пастью судорожно ест снег, потом, измученный, затихает. Он не идет к своим братьям, зная, что им теперь не нужен. Они разорвут его или оставят умирать. Волка ноги кормят, а еще ум, опыт, хитрость. Первого он лишился. Но все остальное осталось. Серый хорошо изучил человека, его беспечность и бесхозяйственность, знал, что рядом с человеком не пропадет, и перебрался жить в овраги возле города. Ночами подходил совсем близко к жилью. Выпадали счастливые дни, когда люди выбрасывали погибших животных. Находил требуху возле

* * *

Когда заря запылила ало
И волжский окровавила прибор,
Я выплакаться к Волге прибежала
И долго причитала над водой.

Печали, что копились долго-долго,
Слезами и словами излила.
Так долго я рыдала, что лишь Волга
Меня понять и выслушать могла.

О том, что жизнь не оказалась гладью
И что любовь земная так горька,
Рыдала я над волжскою быстрядью:
«Прими обратно, матушка-река!..»

Полночных звёзд рассеянный стеклярус.
Зари вечерней сумрачный пригас...
И — плыл ко мне поднявший алый парус
С проть-берега отчаливший баркас.

* * *

Сбежавшая с картины Хокусаи
(Да так, что ветер взвизгнул за спиною!),
Я в русских несуразных снах витаю,
И дым печной клубится надо мною.

О Хокусаи-сан, как вы неправы,
Мне душу посыпая жгучим перцем!..
Большой волной несчастной Канагавы
Тоска нет-нет, да и подкатит к сердцу.

И поддаюсь великому соблазну —
 Цветенье сакур узнаю во вьюгах...
 Какой непредсказуемой и разной
 Бывает Русь в своих сынах и внуках!

Они порою не светловолосы.
 Дела их не всегда богоугодны.
 Они таят коварные вопросы...
 И только в снах своих они свободны!

Но не востока утренняя свежесть
 Под восходящим ввысь японским солнцем —
 А снится им заснеженная нежность
 Руси сквозь индивелое оконце.

* * *

Неуёмное сердечко уйми —
 Не удержишь ветра в грешной горсти.
 И колико сокола ни корми,
 А с руки его — хоть плачь! — отпусти.

Воронья-то, воронья над тобой!..
 Помогала ты им стать на крыло.
 Но, лишь крылья ощутив за спиной,
 На тебя же и закаркали зло.

Что им неба золотой окоём,
 Денно-нощное раденье твоё?..
 По полёту соколов узнаём.
 По помёту узнаём вороньё.

«ИЗБАВЛЕНИЕ»

По профессии педагог, химик-биолог, давно уже на пенсии. Через всю ее жизнь прошла любовь к литературе, поэзии и родной природе. Поэтому не могла не писать о том, что дорого сердцу. Особенно любит писать о животных, природе и, конечно же, людях. Ее материалы печатались в ветлужской районной газете и полюбились читателям. В 2004 году вышел небольшой сборник рассказов Э.Сорокиной. Она часто встречается с молодежью, стараясь донести до нее доброе, светлое, вечное.

Эмма СОРОКИНА: *«Я много читала о волках, интересовалась их жизнью. Детали этой истории мне поведал когда-то муж.захотелось написать рассказ...»*

ОДИНОЧЕСТВО

Волк был стар, умен и опытен. Светло-серая ключковатая шерсть его подернулась проседью. Желто-зеленые глаза смотрели на мир отчужденно — презрительно, но с какой-то усталой тоской. Он был калека — на передней лапе не было ступни. Нет в наших лесах более умного, хитрого и коварного зверя, чем волк. И никто так не изучил человека, его поведение и привычки, как этот хищник. Но нет и более гордого, независимого и смелого врага человека. Трехлапый был когда-то силен и смел. Он не боялся людей, но обходил их стороной. Серый знал, что у них есть страшная вещь — ружье, из которого вылетают огонь и смерть. Человек с ружьем был ему опасен. На закате дня Серый выходит из оврага и ложится на припеке. Он любит тепло уходящего солнца, греющего его старые кости. Он дремлет. В настороженном сознании порой проносятся видения, картины

непрерывных молитвах и поклонах, — два-три часа забыть и снова молитвы, а светлый страж у двери укреплял их трепетные души.

Наконец настал немыслимый по значению и торжественности ДЕНЬ! Верочка и Алёша были крещены, а значит, и прощены. А через неделю их обвенчали в храме, где так долго их ждал церковный сторож Никола. Прошло ещё некоторое время. Верочка перестала видеть своего сыночка, но однажды он приснился ей такой радостно-серьёзный и таинственно намекнул, что скоро все они встретятся и уже не расстанутся никогда. Так и случилось. Когда, после воскресной службы, пообедав, Верочка и Алёша прилегли отдохнуть и задремали, в комнату ворвались двое смуглых коренастых людей, выхватили длинные кривые ножи и с нечеловеческим бешенством стали наносить удары по спящим супругам... Но их здесь уже не было.

Алёша и Верочка как-то одновременно открыли глаза и обнаружили себя в несказанном, благоухающем саду. В воздухе летали большие разноцветные мотыльки, мальчики и девочки. Все они были счастливы и радовались новоприбывшим. А один мальчик в белом комбинезончике вдруг подлетел к ним, крепко обнял и расцеловал своих папу и маму.

В долнем же, земном мире так ничего и не изменилось. Лишь в городской газетке промелькнуло сообщение об очередном зверском убийстве двух нищих мужа и жены. Было написано, что их проиграл в карты и «заказал» сосед по коммуналке — сам хронический алкоголик. Что-то в этой статейке явно не сходилось, но это уже совсем не волновало наших героев.

Сколько ворона с руки ни корми,
Всё равно в его глазницах мертво.
Ясна сокола на небо вздыми —
Свет Отечества в очах у него.

* * *

Пускай меня зовут последней стервой,
В пример мне ставят бабушку Ягу,
Но всё равно я буду только первой,
Ведь быть второй я просто не могу.

Вот так — и только так! — надменно мнилось
Мне в молодом запальчивом бреду.
Но если вправду предсказанье сбылось,
За свой успех отвечу я в аду.

Простите, нерождённые сыночки!
И вы простите, гневные мужья,
Что за предошущенье главной строчки
И жизнь, и душу заложила я.

За то, что мне всегда казалось мало
Любви земной и радостей земных...
Но строчка-дочка тайно вызревала
Под певчим сердцем, воплощаясь в стих.

Она ревниво всю меня хотела —
Чтоб ею лишь дышала и жила...
Вот с губ вспорхнула, в небо улетела.
Ну а меня с собой не позвала.

* * *

Ю.К.

Уснул и не проснулся.
И – в небеса ушёл.
Ты никогда не гнулся,
Хоть был твой крест тяжёл.

Безрадостно светало...
Любимая жена –
Россия промолчала,
В себя погружена.

Не выла, причитая,
Соломенной вдовой.
Скорбяще дождевая,
Склонилась над тобой.

И в вечность утекала...
И каплями дождя
Всё в губы целовала
Холодные тебя.

* * *

Мой гений, ты умён и мил,
Но скуден твой удел:
Поэта ты во мне любил,
А бабу проглядел.

ла, наверное, как у Альберта глаза в темноте светятся, у всех вампиров так. Не скажу почему, младенцев сразу не убивают, чтобы потом спокойно резать, как им надо, но отчего-то всё это «оперирование» проделывают на живых (даже не обезболивают) малютках. Видно, тоже некий «научный» расчёт и выгода в этом есть. Воистину, там кровь невинных к небу вопиет!

Так что, мамочка, через всю эту мясорубку и я прошёл по полной программе. Слава Всевышнему, что уже крещёный был, — меня Сам Господь тогда на ручки взял из этого ада. Почему, хочешь спросить, «уже крещёный был»? Да на тот час, когда ты из дома выбегала такси ловить, был к тебе Ангел послан в виде одной женщины. Увидела она, как ты падаешь (и что беременная), и успела, до того как подбежали эти «санитары», перекрестить тебя: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». И окропила из дождевой чистой лужицы — окрестила, то есть, нас с тобой. Выходит, ты, мам, тоже крещёная, но пока возможность есть — в церкви креститься надо. И с папой вместе.

Верочка сидела вся в слезах и почему-то блаженно улыбалась. «Теперь и смерть не страшна», — шептали её побелевшие губы.

Ночью с ужасным криком проснулся Алексей. Он весь дрожал и всё бормотал невнятно о каком-то кошмаре. Верочка долго его успокаивала, а потом ласково, ненавязчиво убедила в необходимости крещения. Он согласился как-то поспешно, судорожно, но через некоторое время Верочка поняла, что он твердо принял это решение. Три дня строго постились и никого не пускали к себе в комнату. Отыскался и молитвослов (года два назад Верочка всё же купила его), начали читать молитвы и готовиться к Крещению и Причастию. У дверей стоял мальчик-Ангел и отгонял искусителей — только Верочка видела его. Прошли ещё бессонные три дня в

нам рассуждать об этом, но правду ты должна знать, так легче страдания принимать (Верочка вздрогнула при слове «страдания»), и твёрже, светлее душа становится. Я ведь всё помню: и как «цыганка» тебя преследовала, и как ты сторожа церковного не послушалась, но тут уж наш папка вмешался. Впрочем, за кротость твою, мыслю, я и послан к тебе. Помнишь ли, как три года назад бежала к мужу в больницу, споткнулась, упала и... потеряла меня? (Верочка закивала, размазывая слёзы по щекам.) Так вот, на самом-то деле — не споткнулась, а «подстрелили» тебя. Есть такие пистолетики, чтобы животных «усыплять-обездвиживать», — там не настоящая пуля, а иголка с таким паралитиком. А за тобой давно «охотились» (да и не только за тобой), вот и подвернулся случай. Всем этим Альберт Львович командует — помнишь, наверное, такого? У него целая лаборатория для «разделявания младенцев» приспособлена, но не он главный. Таких «медучреждений» много по стране. В каждом городе свой Альберт Львович с лабораторией и командой «врачей-живодёров» есть. Но руководитель у них один, а **кто он** — тебе пока ещё рано знать. Вся эта дьявольская машина основана на одном большом открытии учёных: оказалось, что младенец, особенно на самых последних неделях беременности, образно говоря, «золотой слиток» для коммерческой «медицины». Каждая жилочка, каждая косточка удивительно целебны. Нашли они и такие соединения в организме ребёнка, которые способны чудесно омолаживать изношенные и дряхлые тела людей. Эти «люди» готовы платить громадные деньги за ворованную молодость. Ясно, что это вовсе не эликсир бессмертия, но жизнь продлевает значительно и внешний вид «лакирует». Вспомни-ка некоторых артистов эстрады — они будто законсервированные, лоснящиеся, время идёт, а они всё скачут-пляшут и не стареют. Понятно, что без побочных эффектов это действие не проходит — виде-

О, сколько милой чепухи —
Припомнить не берусь! —
Ты гневно записал в грехи,
А люди думали — стихи,
Учили наизусть.

Наивно веря словесам,
Рождённым наугад,
Увы, читатель наш и сам
Обманываться рад.

О том, что слава — сущий вздор,
Безделица и хлам,
Осознаём себе в укор
Лишь к сорока годам.

И тянем, тянем вновь и вновь
Томительный напев
О том, как кончилась любовь,
Начаться не успев.

* * *

По соседству с могучим бурьяном,
Пред грозой отливающим в синь,
У подножья крестов покаянных
Чуть горчит луговая полынь.

Это я, непутёвая дочка,
Принесла тебе, мама, букет...
Ох и тёмная выдалась ночь,
Когда я появилась на свет!

Хоть и майским победным салютом
Осенил эту ночь Господь,
Но страдать безрассудностью лютой
Он обрек мою душу и плоть.

Так живу – меж восторгом и стоном
Воплощая стихию в стихи,
В гонорар конвертируя гонор,
За любовь принимая грехи.

И моя сиротливая строчка
Волочится за мною вослед...
Это я, непутёвая дочка,
Принесла тебе, мама, букет!

* * *

Да что же вдруг случилось с нами?
Куда нас чёрт с тобой занёс?
«Прош-ш-шло...» — бумажными цветами
Шуршит заброшенный погост.

Прошло ли? Ой ли? Не вчера ли
Здесь дождик лил, закат кровил?
И, полный блоковской печали,
Бродил мальчишка меж могил.

Я подошла к нему поближе,
И он воззрился на меня...
Ах, этот мальчик ярко-рыжий,
Как сполох майского огня!

ги не пропил» — вон соображает ещё, разную электронику устраивает. Потянулась было Веруня за бутылочкой, а малец-то тут как тут: «Нельзя, мам!» — и пальчиком грозит... «Да что ты, сынок, я маленько совсем, чтоб хоть отдышаться...» Но тут заворочался и стал просыпаться Алексей: «С кем это ты, мамуля, разговариваешь? Или приснилось мне?» — «Приснилось-приснилось», — поспешно ответила Верочка, увидев, как сынок быстро приложил пальчик к губам. Супруг медленно и морщась от боли уселся на измызганном диване. Тут же вылил остатки вина в стакан, поглядел на Верочку — та сразу отрицательно замотала головой, — выпил и занюхал корочкой хлеба. Немножко посидел на своём лежбище, потом горько улыбнулся, зажал в зубах окурок и стал искать на столе огниво. Однако ни зажигалки, ни спичек в поле зрения не оказалось — Веруня ясно видела, как мальчишка сгрёб их со стола и переложил на полку с книгами. Затем шепнул маме на ухо: «Сейчас папка уснёт, а мы с тобой тихонько поговорим на кухне. Меня-то только ты, мам, видишь, больше никто...» И действительно, Алексей посидел-посидел, бессмысленно глядя перед собой, и опять, беззлобно усмехнувшись, стал заваливаться набок. Верочка подскочила к нему и бережно уложила на диван. Подсунула под голову подушку, поцеловала его нежно в губы и побрела понуро на кухню, где её уже ждал маленький Ангел.

А мальчик посмотрел на унылую Верочку, сжалился, перекрестил её и выдохнул прямо в лицо целое облако райского благоухания. Тут будто оттаяла мамочка, почувствовала себя совсем девочкой, улыбнулась сладко...

— Ну вот и хорошо! — оживился мальчик. — Теперь послушай меня... Таких семей, как наша, миллионы по России, но не со всеми чудеса происходят. Всё по попущению Господа — и несчастья, и чудеса. Не

плакали и мечтали умереть в одночасье. Это были не простые мечтания, поскольку Алексей тайком от Верочки приготовил уже на этот случай две удавки. Оставалось только дожидаться такого момента, когда совсем уж невыносимо станет жить. Конечно же, Верочка прекрасно знала о заготовленных Алёшиных верёвках, но ничего не говорила ему. Она и так (без разговоров) была согласна с любым решением своего возлюбленного. Как раз именно сейчас эта ясная мысль словно бы обожгла её измученное сердце, и она, охнув, присела на скамейку. Немного отдышавшись, Верочка вдруг заметила, что находится на скамейке не одна. Рядом с ней сидел Ангел. Она так и подпрыгнула, увидев его!

Конечно же, это был не «натуральный» Ангел с крыльями. Рядом сидел мальчик лет трёх, в белом комбинезончике, глядел на Веруню своими небесными глазками и сладко улыбался... «Что, мам, не узнала?» — вдруг спросил малец. Верочка так и сидела с открытым ртом. «Не узнала, — опять по-ангельски протянул мальчик. — А меня вот к тебе Боженька послал, чтобы вы с папкой не удавились. Грех это смертный. Но смерть близко ходит. Креститься вам надо. Сторож-то церковный Никола уже на небушке. Вон тебе ручкой машет... но я вместо него помогать буду. Сейчас бросай всё и иди домой». Верочка, как загипнотизированная, бросив под скамейку сумки, побежала восвояси. Мальчишка не отставал — то рядом бежал, то обгонял сразу метров на сто и грозил пальчиком, если Веруня машинально тянулась поднять пустую бутылку...

Прибежала домой, а благоверный-то спит-почивает уже... На столе недопитая бутылка, два стакана, окурки в железной крышке от банки, куски хлеба да остатки кильки в томате. «Сосед, наверное, заходил или опять компьютер чинил», — подумала Верочка. Она даже где-то гордилась этим, что муж-то её совсем «моз-

Он молча взял меня за руку,
И я подумала: «Поэт!..»
Он первый преподал науку
Влюбляться в тех, кого уж нет.

И, пыль столетий с фотографий
Смахнув, мы постигали вслух
В щемящей грусти эпитафий
Поэзии бессмертной дух.

Мне пригодилась та наука —
Да будет проклята она! —
Ведь я на грани смертной муки
Не раз бывала влюблена.

Так безоглядно, безответно,
Закусывая губы в кровь...
Всё уходящее бессмертным
Способна сделать лишь любовь!

* * *

Ну, какое же мне прощение?
Обо всём я знала заранее:
Не любить тебя — преступление,
А любить тебя — наказание.

Очаруешь до помутнения.
Наизнанку мне душу вывернешь.
Окаянное самозабвение
Есть в твоём погибельном имени.

Для всего остального мира я
 Навсегда отныне потеряна:
 Без тебя – удручённо-сирая,
 Хоть в любви твоей не уверена.

Ох уж эти мне песни грустные!
 Ох уж эти пляски разбойные!
 Ох уж эти волосы русые –
 Неприкаянно-своевольные!..

И какая тут, право, разница,
 Кем ты мне повсюду мерещишься –
 То уральским ясенем блазнишься,
 То таёжным мраком ощерисься.

Усмехнёшься из омута тёмного,
 Горным эхом окликнешь: «Милая!..»
 Непутёвая я, непутёвая!
 Никого до тебя не любила я!

Не зову тебя всуе по имени.
 И уже не прошу взаимности:
 «Ты люби, ты люби, ты люби меня!..» —
 В этом нету необходимости.

Просияй же звездою в моей судьбе,
 Но останься тайной заветною.
 Несу свет тебе, несу свет тебе,
 Ой ты, Русь моя несусветная!

мы, разрывы тканей, сотрясение мозга — всё это ещё смогла бы одолеть его молодость, но вот проблемы с позвоночником (смещение позвонков и др.) не обещали ничего хорошего. Во всяком случае, и при наличии денег его положение требовало специального длительного курса лечения.

Начались чисто материальные проблемы. Пришлось продать трёхкомнатную квартиру и купить однокомнатную. Все деньги быстро уходили на лечение... Оставалось только продать и эту жилплощадь, и в конечном итоге супруги оказались в крохотной коммунальной комнатухе, которую продавать уже было смерти подобно... На удивление немногих оставшихся друзей семейная катастрофа не сломала «сладкую парочку» — они по-прежнему горячо любили друг друга. Но, как известно, беда не приходит одна. Алёшина фирма тут же отвернулась от бесполезного сотрудника, отдавшись смехотворной подачкой больному. А обоюдная нерешительность супругов и безвыходная ситуация сработали не на пользу семьи. Алеша и Верочка начали выпивать. Это было началом падения в бездну...

Через пару лет их нельзя было узнать. Хотя Верочка и держалась крепче Алёши, но после череды увольнений за выпивку и прогулы из различных частных лавочек прекратила бороться и она. И если бы не Алёшина инвалидность, давно бы они оказались на улице за неуплату жалких коммунальных грошей. Так сладкая парочка превратилась в горькую...

Однажды Верочка брела по знакомому парку в поиске пустых бутылок. Кстати, находились и недопитые пивные банки и бутылки, которые алкоголичка жадно допивала. Однако «Веруня» не забывала, что должна к вечеру доставить радость своему любимому в качестве заработной платы «честным трудом» бутылочки красненького. Вечером, после выпивки, они, обнявшись, часто

Верочка, как только узнала, бросилась ловить такси, чтобы скорее ехать в больницу к любимому мужу... но споткнулась на ровном месте, со всего размаху шлёпнулась на асфальт и потеряла сознание. Когда пришла в память, обнаружила себя в белой палате, и ей сказали, что нашли её за придорожными кустами слишком поздно, что врачи долго боролись за её жизнь, а о ребёнке даже и говорить не хотели. Только шептали таинственно и угрожающе: «Скажи спасибо Альберту Львовичу, что бесплатно такую операцию тебе сделал, спас тебя, дура! А ребёнок, когда привезли вас, уже мёртвым был». Верочка им не верила, рвалась к мужу, который тоже находился в реанимации. Ей делали уколы, и она снова теряла сознание...

Тем не менее юность брала своё, и Верочка быстро пошла на поправку. Перед выпиской забежал «попрощаться» и Альберт Львович. Это был маленький (с круглым животиком, словно беременный) средних лет человек. Бледное личико его с (как будто приклеенной) заискивающей улыбочкой и с бесцветными глазами навывкат притягивало и одновременно отталкивало, будто магнит. Он всё как бы торопился куда-то, крутился на одном месте и всё приговаривал: «Ну, вот и славненько, вот и славненько...» А когда на ресницах у Верочки стали появляться слёзы (а в сердце нетерпеливое движение: да когда же он уберётся отсюда?), тогда Львович вдруг погладил Верочку по животу, ещё шире оскалил свою «приклеенную» улыбку и вдруг ляпнул: «Ну, приходите, приходите ещё — поможем, чем можем...» И тут же направился к выходу. В тёмном коридоре он ещё раз оглянулся, и Верочка увидела, как сверкнули в темноте его выпученные глаза... «Мерзость какая!..» — прошептала она и дала себе зарок, что больше не встретится с этим *человеком*.

Если Верочка довольно быстро поправилась, то с Алексеем всё было сложнее. Многочисленные перело-

* * *

А я хотела просто быть любимой...
Не так уж много!
Но немало всё ж!
А ты прошёл неудержимо мимо —
Так, как проходит августейший дождь.

На землю небо ты обрушил разом.
И только тем остался знаменит.
И спасу нет от Яблочного Спасу,
Что терпким духом яблочным царит.

Ты воссиял слезами на ресницах,
Расцеловал в уста и — был таков...
«Быть под дождём да вдруг не замочиться!..» —
Скабрзничало скопище врагов.

«Пройдёт и это...» — утешал философ,
Из тьмы веков мне посылая свет...
На все меня терзавшие вопросы
То был, увы, единственный ответ.

...Что ж, пусть проходит августейший август,
Познания плод роняя на ладонь.
Так, как проходит даже вражья зависть
И молодой влюблённости огонь.

Так всё проходит... Только, может стать,
Не поняла тогда я впопыхах,
Что ты прошёл, чтоб навсегда остаться
Во снах моих, мечтаньях и стихах.

* * *

Спеша из ниоткуда в никуда
И увозя с собой чужие жданки,
Встречаются ночные поезда
На Богом позабытом полустанке.

Два фирменных, два скорых, вдаль спешат.
И встретятся ль ещё на свете белом?
Лишь две минутки рядом постоят
Под семафорным бдительным прицелом.

Покуда пассажиры крепко спят,
Наговорившись и напившись чаю,
Ночные поезда стрелой летят,
И время, и пространство побеждая.

Я выйду в тамбур, молча закурю.
И задохнусь от приступа бессилья.
Вот так однажды и любовь мою
И время, и пространство победили!

Прижмусь к стеклу разгорячённым лбом
У сумрачной эпохи на излёте.
И взгляд, что до озноба мне знаком,
Поймаю вдруг в окне купе напротив.

Сорвётся с губ произвольный вскрик,
Сигналом тепловоза заглушаем...
И тронутся составы в этот миг,
И мы навек друг друга потеряем...

щиты-то никакой нет! Ох, горе! Креститься вам надо!»
Верочка пообещала поговорить с мужем, а старичок
сказал, что его всегда можно найти в местном храме
— он там сторожем подвизается.

В тот же вечер Верочка подступила к Алёше со
своими проблемами. Супруг выслушал её очень внима-
тельно. Помолчал, а потом разошёлся:

– Ерунда всё это, Верунь! И цыганка, и сны твои
дурацкие (Верочка поморщилась), и старик этот. За-
меть, все они стараются побольше народа в церковь
затащить, чтобы деньги потом выкачивать. И фантазии
твои — просто нервы. Тем более в твоём положении...
Нормально всё это, не переживай! Ведь не случилось
ещё ничего. Сходи-ка лучше ко врачу, пусть успокои-
тельных таблеток тебе выпишет. А о церкви и не ду-
май! Не хватало ещё нам, образованным-то людям, в
эти тёмные сети попадаться... Или ты хочешь, чтобы в
нашу с тобой любовь ещё кто-то вмешивался?..

Верочка, конечно же, этого не хотела, и послед-
ний аргумент оказался самым сильным. И к церков-
ному сторожу путь был закрыт. А старичок не забыл
Верочкиной «исповеди» и всё вздыхал горестно: ««Ох,
беда-беда будет! Ежели до Покрова не придут, оба повс-
тречаются с горяшком великим...»

Между тем время летело как на крыльях... Про-
шёл и Покров. Верочка готовилась стать мамочкой,
сынулька всю толкался в животе, а Алексей шутил:
«Футболист растёт!...»

И вот всё рухнуло! Страшная авария случилась на
проспекте. С десятков машин столкнулось на перекрёст-
ке, а к тому же в это месиво врезался на скорости боль-
шой гружёный «КамАЗ» и добавил ещё крови, льющей-
ся и так, как водица, на асфальт. Была там и Алёшина
кровь...

самого настоящего беса, а козёл превратился (!!!) в Алёшу... Это было самое ужасное! Чудовищный седок нещадно хлестал своего «конягу» змеящейся плетью, хрипел, выл и страшно матерился, а из огромных лазурных глаз Верочкиного мужа катились слёзы...

Проснулась она поздним утром вся мокрая от рыданий. Алексей уже уехал на работу, а Верочка, даже не позавтракав, побежала в парк. Зачем? Она и сама не знала. Чисто женский инстинкт поглотил её волю и вёл туда, где могло найтись утешение её душе. Верочка обещала почти всю территорию парка, но никого не нашла. О, если бы ей встретила в тот момент пресловутая цыганка или даже страшный бык, она не задумываясь, бросилась бы в бой. Но, увы, парк был пуст, за исключением одинокого старичка, который сидел на лавочке и читал газету. Верочка немного успокоилась и присела рядом. Взгляд её невольно скользнул по газетным заголовкам, и она ахнула: «Взбесившийся бык разорвал хозяина!» Казалось бы, что такого? Простое совпадение, и только. Но Верочка теперь всему придавала значение. Она вся задрожала, словно могильный холод проник в её сердце, и вдруг встретила с добрым ласковым взором старичка.

— Что, дочка, неприятности какие, аль приболел кто? Да ты и сама-то дрожишь вся...

Верочка прижалась к доброму дедушке, слёзы снова хлынули потоком, а он, перекрестив её, прикрыл своей ветровкой. Так, вперемешку со слезами, Верочка и поведала незнакомому человеку все свои страхи. А он как бы уже всё знал — всю эту непонятную историю. Когда прощались, настойчиво посоветовал купить молитвослов и каждый день читать Канон Богородице от всех нападений вражьих. А когда узнал, что они с Алёшей неверующие, да ещё и некрещёные, горестно всплеснул руками: «Вот на вас *они* и навалились, за-

И заметёт мой путь усталый снег
На роковом последнем повороте,
В пространстве русском растворясь навек
У сумрачной эпохи на излёте.

ПОСВЯЩЕНИЕ НА КНИГЕ

Пускай переживают нас
Нас вдохновлявшие мужчины,
Которых видеть без прикрас
Не признавали мы причины.

Какою – Боже мой! – была
Непроходимую я душой,
Что до небес превознесла
Тебя, мой демон белокурый!

Тебя, ушедший в злую ночь
В обнимку с одичалой вьюгой...
Сумевший вьюгу превозмочь
Не назовёт её подругой.

...Но разве мог быть нелюбим
Хотя бы на одно мгновенье –
Лобзаньем пламенным своим
В меня вдохнувший вдохновенье?!

«КИТЕЖ»

* * *

Утонула деревня в крапиве,
Словно Китеж в озёрной воде.
Хлебный дух позабыл эти нивы,
Березняк голосит о беде.

А старинный и милый мой друг
Рвет рубаху и плачет о Китеже.
Эх, родные, вокруг поглядите же,
Сколько Китежей нынче вокруг!

И полынь все цветущее душит,
Горьким духом полынь зацвела.
И звенят колокольчики глуше,
Словно Китежа колокола.

У КАРТЫ

У карты Родины большой
Стою. И тем себя я жалую,
Что каплей крови, не чужой,
Своею я отметил малую.

На карте Родины моей
Для всех горит звезда столицы,
Но среди рек, лесов, полей
Мне малая сильнее лучится.

У карты Родины стою –
Огромная, не наглядеться!
И все же малую свою
Державы всей считаю сердцем!

ревать, что беременна, а первый визит в женскую консультацию показал правоту её подозрений. Тут же кончились вечерние выпивки. Алексей нашёл подработку, чем существенно поправил материальное положение семьи, а взаимная нежность супругов возросла до предела.

Между тем на дворе воцарилась настоящая разбойница-осень, и на Верочкины золотые волосы упал первый, такой же золотистый лист — вестник достатка и домашнего уюта. Стволы деревьев оголялись, и иные были похожи на людей в чёрных плащах, безмолвно разгуливающих по осеннему парку. Порой налетал ветер, взрывал завалы из листвы и поднимал настоящую осеннюю пёструю вьюгу. В один из таких моментов Верочке показалось, что кто-то подкрался сзади и легонько взял её за плечо. Она резко обернулась и увидела злые глаза цыганки... ребёнок сильно ударил изнутри, и Верочка потеряла сознание. Длилось это всего несколько секунд, и будущая мама успела (чисто инстинктивно) схватиться за ствол берёзки, чтобы не упасть.

После этого случая Алексей запретил Верочке далеко отходить от дома и забывать на столе сотовый телефон. В ту же ночь ей приснился загадочный и довольно неприятный сон. Он был цветной (Верочка уже забыла, когда последний раз ей снились цветные сны) и совершенно фантастический. И жуткий. Сначала сновидица увидела себя в том же самом парке, где ей показались жгучие глаза цыганки. Потом разглядела саму цыганку, которая ехала на чёрном высоком (вороном) коне. По мере приближения с «амазонкой» и конём происходили самые немыслимые метаморфозы. Сначала девка воплотилась в молодого цыгана в красной рубашке, а конь — в громадного быка; потом цыган превратился в седого дряхлого китайца с косицами, а бык — в тощего грязного козла; затем китаец принял очертания

не успела она произнести свою обычную обворожительную фразу, как Алексей прогнал её с позором и довольно грубо (даже Верочка упрекнула его шёпотом). Однако увешанная бусами и серьгами «наглая малолетка» не спешила совсем уходить. Отбежав на безопасное расстояние, она что-то быстро-быстро забормотала и, размахнувшись, бросила, будто нож, нечто невидимое в остолбеневших супругов.

— Теперь вы меченые, сладкие мои! — злобно захихикала смуглая тварь и испарилась за церковной оградой.

Неприятности начались сразу же. Когда спускались по лестнице, за территорией церкви, у Верочки сломался каблук, а у Алексея на интимном месте лопнули брюки. Пришлось ехать домой переодеваться, и к началу свадьбы они опоздали. Под конец празднества Лёша чуть не подрался с женихом, а к Верочке постоянно приставали подвыпившие молодые люди. Короче, праздник был испорчен, но этим дело не кончилось...

А началась сплошная чёрная полоса неудач. Алексея без всякой причины вдруг понизили в должности и «зарубили» лучший его проект, а Верочке всё мерещилась чёрная цыганка (или тень её), постоянно по пятам преследующая её. Денег стало значительно меньше, и супруги потихоньку вечерами начали выпивать. Любовь их от этого не стала слабее, даже наоборот... Неудачи так усилили их взаимные нежные чувства, что супружеские ночи превратились в сплошное невероятное блаженство. Днём они только и думали о том, что вот снова встретятся на ночном сладострастном своём ложе. Их ласкам не было конца, и только первые лучи восходящего солнышка могли видеть их засыпающими... Это было безумство молодости, которой, как говорят, всё позволено. И вот, среди всего этого безумства появился первый лучик радости: Верочка стала подоз-

* * *

Диане Кан

Вглядываясь в русские просторы
И в родную вслушиваясь речь,
Думаю: не взять тебя напором,
Родина! Не взять тебя измором
И деньгою, золотом сиречь!

Где они, несущие нам снова
Свист нагаек, стрелы и клинки?
Тех – укрыло Поле Куликово,
Этих – ждут засадные полки.

Навсегда усвоила держава,
Испокон гласит родная речь:
Кто с мечом придет к нам, тот по праву
Головы не сможет уберечь!

БЕРЕСТЯНЫЕ ПИСЬМЕНА

Станиславу Куняеву

Я чиркнул спичкой, с треском пламя
Скрутило в топке бересту.
И древний свет к оконной раме
Метнулся, яко ко кресту.

Затем, как Дух, взыскупя правды,
Тот свет по горнице летал
И, высветив в углу оклады,
Глаза святым поцеловал.

И, освященный тем, пророчит –
 Что будет из огня больней
 Мне смыслы доставать и строчки
 Прошедших и грядущих дней.

Но я в огне услышу Слово,
 Увижу Слово сквозь огонь!
 Его достану, как основу,
 Поди-ка это Слово тронь!

Я стану любых звать гостей.
 На слово подивитесь, други!
 И не жалеите до костей
 Мои обугленные руки.

Берестяные письма
 Сгорают, но дивитесь, други!
 Какие в Слове Имена,
 Набатный гул и звон кольчуги!

БЕЗУМНАЯ

Была безумною старуха.
 Давно, с войны ещё была.
 Тряслась и слышала в полуха,
 И все детей с войны ждала.

Сегодня спичек накупила,
 Муку и соль. Без лишних слов
 Взяла хозяйственного мыла
 Бог сколько ведает кусков!

ли у них были строгие и до окончания вуза не разрешали вступать в официальный брак.

Конечно же, молодые люди были намного «умней» родителей и только делали вид до поры, что знать не знают, что это такое — взаимоотношения мужа и жены. Ну а тут так быстро закрутились события и время, что и скрывать-то стало не от кого, а всё задуманное (при помощи нужных людей) сбылось в один момент. Теперь Алёша ездил на красном «Форде-Фокусе», трудился в одной солидной компьютерной фирме, делал успехи и зарабатывал неплохо, а Верочке работать не разрешал, и оба ждали детей, которые никак не хотели «заводиться». Может, это получалось (вернее, не получалось) оттого, что долгое время конспирации и предохранения давали о себе знать, а может, ещё «не настал час», как говорил Лёша.

В Бога и судьбу молодые супруги не верили — так уж родители воспитали. Делали лишь поправку на современность, где признавалось всё оптом: и ведьмы-колдуны, и вампиры-инопланетяне, и паранормальные явления... Ко всему этому Верочка с Алексеем относились с известной долей иронии, однако один процент вероятности допускали. Церковь же с детства по родительским внушениям представлялась в их сознании как оплот «мракобесия и невежества». И настолько этот мрачный образ укоренился в их сознании, что, когда венчалась одна Верочкина подружка, они даже в храм не зашли, а простояли всё это священнодействие у дверей церкви. Как раз в этот час-полтора с ними и произошёл один казус, который они не любили вспоминать. В одну секунду среди церковных нищих и калек, словно из воздуха, возникла цыганка и одним прыжком оказалась рядом с молодыми людьми. Она и сама-то была молоденькая, но уже со свойственным этой породе напором и склонностью к вымогательству. Однако

СЛАДКАЯ ПАРОЧКА

Их всегда так и звали. Даже ещё до надоевшей всем телерекламы о «Сладкой парочке». Это прозвище приклеилось к ним ещё с детского садика, где Алёшенька с Верочкой всегда ходили вместе, держась за ручки. Потом в школе, где их дразнили (как и в садике, но уже с намёками) «сладкой парочкой», потом в институте...

Да и как их было не дразнить, если оба они будто вышли из некой волшебной сказки: Алёшенька — беленький, кудрявенький с голубыми глазами, и Верочка с такой толстой золотой косою и такими же голубыми глазками... Дразнить ведь тоже можно по-разному — с любовью ласковой и с завистью злобной, всякое бывало... Кстати, и институт они закончили вместе и так же держась за руки, ведь Алёша не мог себя представить без Верочки, а Верочка без Алёши.

Родители у них умерли один за другим почти в один год, братьев и сестёр не было, и год тот совпал с годом выпуска их из института. И ещё было одно совпадение, которое, может быть, и повлияло столь скоро на судьбу любящих двух сердец.

Третье совпадение заключалось в том, что в стране в тот год объявили свободу и рынок, а многие человеческие законы отменили.

Что ж делать? Погрустили-погрустили об ушедших в мир иной родителях молодые люди, да и за дело взялись. А остались они сразу с двумя квартирами, предусмотрительно на них оформленными заботливыми папами и мамами, теперь уже покойниками. Сразу же было решено, что две квартиры для них слишком много, а вот машины-то как раз у них и нет. Постановили продать одну жилплощадь и купить какой-нибудь скромненький «фордик», а на остаточные деньги закономерно оформить и отпраздновать свои отношения. Родите-

Я провожал старуху взглядом,
А у прилавка в тишине
Печально прозвучало рядом:
— Опять готовится к войне...

Я ей помог.
— Спасибо, милый!
Всплакнула около крыльца,
И ласточки летали мимо
Её безумного лица.

Я с ней простился.
Догорали
Глаза безумные как есть.
А мимо ласточки летали.
А может ангелы, Бог весть...

* * *

Вложил лишь несколько монет
В её протянутую руку.
Сказал: «Родная, больше нет...»
И вслед молилась мне старуха.

Подал лишь несколько монет.
Слова сказал совсем простые.
Старуха мне смотрела вслед...
Как смотрят дети и святые.

* * *

Мне усталый шепчет почерк:
— Ты умрёшь от слов и строчек!
И в конце сего листочка
Встанет точка.

Лишь одна больная строчка...
Та, что всех родней на свете,
Знает — я поставлю точку
После смерти.
После...
Смерти...

* * *

Гремели из Кремля приказы:
— Вставай, народ, к плечу плечом!
И бей фашистскую заразу
Огнём и сталинским мечом!

И брал огонь, и брал я меч,
И в полный рост я шёл на танки,
Мне восемь раз не уберечь
Пришлось себя на левом фланге.

Горело тело и железо,
Горело все как есть подряд.
И с той поры я неизвестный
Великой гвардии солдат.

том всё громить начала. Но этого я ей не позволила. Заставила выпить ещё стакан полный и унесла вниз к её кукле. Спать уложила. Она уж как труп, в стельку была.

Поползла я к себе наверх спать, а как уж улеглась — не помню...

Утром проснулась от грохота и шума внизу и чувствую — меня кто-то трясёт. Глаза продрала, вижу — хозяин стоит, бешеный какой-то:

— Вставай,— говорит,— сволочь, вставай!

Я оделась прямо при нём и вниз, а там... Страшное-то и пришло... Гляжу: лежит хозяйка синя вся, а во рту газеты напиханы. Может, и померла от этого, от удушья. Меня сразу допрашивать стали: как хозяйку убила? И зачем? А я стою словно тормоз и ничего не понимаю. Только вижу — клочок газеты у куклы в руке зажат. Я подошла и потихоньку вырвала его, никто и не заметил. Просто видят, что я сама не в себе.

В общем, повезли меня в милицию, а тут и того нашумевшего маньяка-наильника взяли.

Каким-то чудом он взял всю вину на себя. Может, и правда это он сделал? Но в доме ничего тронуту не было, ничего не пропало. Не его, говорят, стиль, он всех убитых до нитки обирал, а тут ничего не взял...

Отпустили меня (чуть не пинками) из милиции, вот такие дела. Но в горничные я больше никогда не пойду. Закурили подруги по очередной сигаретке, допили свои коктейли и разошлись кто куда.

А я сидел за столиком, пил золотистое пиво и словно наяву видел такую картинку: стоит в пустынном доме большая-большая кукла, в руке у неё зажат клочок газеты, и кукла хитро улыбается, и даже чуть-чуть подпрыгивает от проходящих возле дома трамваев, и радуется, радуется жизни.

стала. Думаю, жизнь не малина, надо себя в порядок приводить и мужичка искать богатенького. Сама на менеджера выучилась и со злобной нутряной энергией своей стала связи наводить... Со всеми ласковая, приветливая, а внутри — ад крошечный. Замуж вышла удачно, сама видишь, мужик волевой, но добрый. Всё по справедливости хочет делать, да где она? Если уж жена его сволочь, чего и говорить... А девочка-то каждую ночь — все двадцать лет — ко мне приходит. И не синяя-страшная, а милостивая, скромная. Всё глаза прячет и на ручки дует. Холодно мне, мамочка, говорит. И так каждую ночь... Сначала злилась я очень на неё, прогоняла. Потом как-то жалость пришла, а теперь вижу — горе это! И теперь разрывает меня: то злоба кипит, а то такая слеза вопьётся в душу, что хоть в петлю лезь. Да вот ещё друзья-идиоты куклу эту подарили,— детей-то у нас нет. Вот — говорят:

— Мы вам родили деваху в полный рост.

Стринги эти дурацкие напялили. А мне, как только она у нас появилась, детский плач мерещиться стал. И днём и ночью, плачет девочка и плачет:

— Холодно, мамочка, холодно.

Я чувствую — начинаю с ума сходить. Взяла и кукле рот тайком от мужа и зашила. Тут же наваждение прекратилось. Не плачет девочка и не приходит уже даже во сне. Мужу сказала, что оригинально, прикольно это — девочка с зашитым ртом.

— Ну и шутки у тебя дурацкие,— только и сказал.

Теперь тихо пока, никто не зовёт, не плачет. Но сегодня юбилей ведь, — хозяйка с горечью сказала: — Двадцать лет ей бы исполнилось. Боюсь я чего-то. Страшное идёт ко мне. Сегодня придёт.

В общем, напилась мы с ней «до чёртиков». Она меня все на ручки звала. Ревела не своим голосом. По-

Мне все известны, кто со мною
Развеян в дым, развеян в прах.
Под Александровской плитою
Горит огонь у нас в руках.

Мы принесли с войны тот пламень,
Не раз погибшие в бою,
И говорим вам через камень:
— Все неизвестные в строю!

Никто не мнит себя героем,
Но если надо, то опять
Мы из-под камня выйдем строем —
На рубежах своих стоять.

Чтоб никогда под мирным небом
Никто — вы слышите меня?! —
Солдатом неизвестным не был
И не принёс с войны огня.

МУДРЕЦЫ

Над большой и малой Родиной
Тучи темные, глухие...
Облака давно ободраны —
Белые и золотые.

Мудрецами от Сиона
Решено издалека,
Что над нами вне закона
Золотые облака.

Мудрецами от Сиона,
От иных и гиблых мест
Обозначен вне закона
Русский дух и русский крест.

Соглашаются премьеры:
«Это мудро!» – говорят.
И идут легионеры
По четыре в ряд!!!

ПОЭТ

Поэта бьют с размаха в дых,
Толпе поэт не интересен.
Толпе плеснули пойло песен
Наместо светлых слов святых.

Толпе подали там и тут
Кусочек лжи, краюху фальши.
Толпа ревет: «Не настоящий!
Не с нами!»
И поэта бьют.

И правда, что он там и тут
Поет о свете и заре?
– Пускай распнут его, распнут!
Там много места на горе...

(от своего имени рассказывать буду — так сподручней) вот не ушла, хоть и возможность была. Горячая, рискованная я была тогда. Когда парень мне не нравился — дралась до посинения. Побаивались меня, а мне это нравилось. Но однажды прибился в нашу комнату какой-то «абрек»... Коньячком угощал, вкусности всякие там разложил... Все девки на него, через коньячок-то, и позарились. И я, дура, туда же... Думаю, всех отобью. Подралась даже с подружкой одной. Короче, выгнала я всех из комнаты и дверь заперла. О-ох, чего только он не вытворял со мной тогда, даже теперь вспоминать противно. А утром исчез, как дым. Меня рвало потом целый день, а девки издевались, ехидничали. И так они, или я сама, довели душеньку мою, что возненавидела я всё на свете, особенно «абрека» того, а когда время показало, что беременная я, — решила: ребёнка-то загублю. Абортов там всяких я не признавала, а зареклась: рожу и убью ребенка! Но вот, когда пришло время рожать, — соседка моя как раз съехала, и я одна была в комнате, — забилась я под одеяло, простынь зубами рвала, и всё как в тумане дальше происходило... Как рожала — не помню. Но противной она мне показалась: девочка родилась, сморщенная, скользкая, синюшная. Потом покраснела, как рак, и давай орать! Мне страшно стало — не могу убивать. Завернула я её в кучу газет, сунула в сумку — и на улицу. А там морозище жуткий. А она пищит, хрипит... Я ещё злее стала. Кинула её в мусорный бак и домой быстрее бегом. В общаге никто ничего не заметил, — все пьяные были. Потом сама чуть не померла, в больницу угодила. А куда ребёнок делся, сказала — знать не знаю, пропал.

Когда поправилась, добрее не стала. Особенно детей терпеть не могла. Только увижу или услышу, так злоба и закипает. Но и хитрая по-своему, по-бабьему

танцию — кто ты, а кто я, вроде того. Всегда в одиночестве пила. Включит, бывало, телек и пьёт, и глядит — то ли в телевизор, то ли на куклу... А тут ко мне заявилась...

Достаёт она бутылку ликёра,— никогда не видела такого, но вкусный, как шоколадка, закуски всякие заморские, я таких не покупала. Достала фужерчики, налила по полной, что тоже для неё не характерно — они ведь, когда пьют, плеснут на донышко каплю и cedят весь вечер...

— Давай, Настька, по полной выпьем, юбилей у меня сегодня, да такой, про который никто не знает,— говорит. И в руки мне фужер суёт, а фужер-то дрожит мелкой дрожью. Ну, думаю, грех не выпить, да и махнула его залпом. Она не отстаёт, тоже выпила. Как-то быстро усидели мы бутылочку. Тут хозяйка и другую достала, не хуже первой. Пьём вторую. Половину не выпили, и говорит она мне, прерывая обычную болтовню:

— А хочешь, Настька, я тебе сказку страшную расскажу?

— Ой, боюсь-боюсь,— захихикала я.

А она как-то злобно зыркнула на меня и говорит:

— А ты не смейся, а слушай.

Я заткнулась сразу, а она начала:

— Была у меня, Настька, подруга одна, страсть как на меня саму похожая. И вот какая история с ней вышла... Проживала она по молодости тогда в общежитии. Жизнь там крутилась бурная, весёлая. С утра на учёбу, вечером на пьянку. Да и вообще, если даже никуда не ходить, всё равно вечером вся общежития пьяная. Мужики лезут к бабам, а бабы, — ну какие там бабы, девчонки сопливые, — даже не сопротивляются. Кто был против такой жизни — на частные квартиры уходил. А я

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

Старый сад сегодня тих и болен,
Доверяет мысли мне о том,
Что с высоких льётся колоколен
Весть о светлом, тайном, неземном.

Где-то птица крикнула лесная,
И тревожно стало на душе
Оттого, что осень расписная,
Может быть, последняя уже...

Видел я, что сад ночами плачет
И по небу ветками скребет.
Только это, милые, не значит,
Что к нему цветенье не придет.

Потому, любимые, живите
Так, чтоб я за вас всегда был рад,
А весною в гости приходите
В этот старый яблоневый сад.

Приходите в мае. Свет небесный
Хлынет вдруг. И грянут соловьи —
Это я вас встречу, бестелесный:
— Здравствуйте, хорошие мои!

НОЧНЫЕ ПОЕЗДА

*И какое может быть крушение,
Если столько в поезде народу?
Н. Рубцов*

Вагонный чай допит. Соседи спят.
В железных подстаканниках стаканы
То ложечками чайными звенят,
То замирают словно истуканы.

Не спится. А во встречных поездах
Не видно лиц – мелькание и грохот.
И первобытный к окнам липнет страх,
И металлический аukaется хохот.

Стальная воля связывает нас
Всех, вовлеченных в мощное движение.
Подумаешь – какое там крушение?!
Представится – обратное подчас...

Представится, что где-то впереди,
Когда составы встречные несутся,
По чьей-то воле разных два пути
В один непредсказуемо сольются.

Услышишь кожей, как из-под земли
Исходит стон от скрежета вагонов!
И понимаешь – лучше жить вдали
От поездов ночных и перегонов.

Соседи спят. Вагонный чай допит,
Лишь дребезжат на столике стаканы,
А мой состав все мчит, и мчит, и мчит,
И лязгают железные суставы.

пунктик в договоре — опять пошла к хозяевам. По условиям договора я должна была являться к ним после девяти вечера для отчёта по закупкам провизии,— это тоже входило в мои обязанности, кстати, это занятие мне не то что в тягость было, а скорее наоборот — нравилось, да и перепадало что-нибудь всякий раз на зуб. Тут-то, при подходе к дому, я и вспомнила про куклу и ужаснулась! Вот, думаю, будет мне головомойка, да ещё по морде дадут!

Но, к удивлению моему, встречает меня хозяйюшка ласково. Про куклу — ни слова! Даёт мне задания-наставления на следующий день, а сама будто лимон съела. Хозяин тогда в отъезде был. Грустная, печальная дамочка моя. Всё меня то по плечу, то по руке погладит.

И вдруг так просительно и говорит:

— А не останешься ли, Настенька, ты сегодня со мной на ночь? Муж в командировке, а я побаиваюсь чего-то, у нас в районе маньяк-насильник объявился, тревожно на душе.

Я сразу согласилась. Думаю, про куклу ничего не сказала, а уж точно заметила,— надо на всё соглашаться, чтобы как-то загладить свою вину. Ну, вот я и осталась. Хозяйка легла внизу, где кукла, а я забралась наверх, на второй этаж, — там, в основном, спальня была. Только забралась я под одеяло, слышу — шаги по лестнице. У меня мурашки по коже побежали. Но заходит хозяйка, вся в домашнем — штанишки, халатик мягкий и с пакетом в руке:

— Чего-то тошно мне, Настька. Давай выпьем ликёрчика, побазарим за жизнь?..

Ну как я откажусь? Хозяйка ведь всё же! Да и любопытство меня разобрало, первый раз такое случается, чтобы сама хозяйка в собутельники напрашивалась. Выпивала она, конечно, иногда, но всегда держала дис-

дома. А квартирки-то у них — ого-го!.. На мотоцикле гонять можно — столько коридоров и комнат. От безделья все почти занимаются магией да спиритизмом, кто для смеха, а кто и всерьёз. Эти, мои, то есть, хозяева-то, чем только не занимались... Короче, всем помаленьку. В общем, самая обычная, на первый взгляд, богатенькая семейка. Кукла у них странная была...

Разговор на минуту прервался от чирканья зажигалок и прикуривания сигареток. После первых затяжек сам собою и вопрос прозвучал:

— Ну и дальше-то что?

— Ой, а я и забыла, где остановилась,— медленно промямлила девчонка, осоловело озираясь (мне опять показалось, что она чего-то боится, рассказывая эту историю).

— Ах, да. Кукла. Симпатичная была кукла. Вся в натуральную величину, стояла у телевизора, вернее, под телевизором. Телек-то у них на стенке висел, плоский такой. А она как раз под ним и стояла. Ну то, что она вся голая была, в стрингах, — для смеха — это не странно. Странно было то, что рот у неё зашитый был, жутковато как-то получалось. Ну, ведь их не поймёшь, этих придурков-то. А я, дурёха, не лучше, однажды утром, убираясь у них, взяла да и нитки-то перерезала! Только-только я это криминальное дело проделала, кукла вдруг чуть дёрнулась и как бы вздохнула. Я отскочила сразу метров на пять и вытаращилась на неё. Но дальше так ничего и не произошло. Кукла тихо стояла на своём месте, теперь даже вроде как бы улыбаясь. Ну, я продолжила уборку, а потом и конец дня... На наведение порядка в ихней квартире у меня уходило-то всего часа два, если загула гостевого не было, а платили неплохо. Короче, к концу дня я нагулялась по улицам и о своей выходке совсем забыла. А вечером — был такой

И так тревожно станет вдруг в груди
За всех любимых, ждущих на перроне,
Что понимаешь — надо бы сойти,
Но остановок нет на перегоне.

* * *

Николаю Зиновьеву

I

Дело сявок — подхватывать вой,
Скалить пасть в непотребной улыбке.
Знаешь, Коля!
Мы встали с тобой
На краю
И без права ошибки!

А за нами остатки страны
Замирают в предчувствии снова:
Перекроет ли вой сатаны
Наше Русское Правое слово.

II

Убей, но не могу понять
(Быть может, разум узкий?):
За что я должен избегать
Святого слова — русский?!

Сказать его почту за честь,
Не слушая Иуду,
Над ним благословенье есть,
Оно подобно чуду!

За это слово я всерьез
Приму любую меру.
Так на Голгофу шел Христос
За Истину, за Веру!

* * *

Из глубины веков одна
Стрела летела.
Она пронзила времена
И все пределы.

От крови чёрною была
По всем законам.
Она сквозь многие тела
Прошла со стоном.

Звенела кронам и корням –
Какая сила!
Я к ней шагнул — она меня
Насквозь пронзила.

Теперь сокрытые пути
И тайны знаю.
О том поёт в моей груди
Дыра сквозная!

И с этой силою мне жить.
Но даже с Богом —
Лишь о немногом говорить,
...молчать о многом.

«СМЕРТНЫЙ ГРЕХ»

КУКЛА

Сидел как-то раз я за столиком летней кафешки, потягивал солнечное пиво, наблюдая за золотистыми лучами от граней кружки. Погода стояла отличная — повеял прохладный утренний ветерок, слегка охлаждая немногих посетителей. Их всего-то и было: два-три мужичка типа меня, занятых пивком, да две молоденьких подружки, только что подсевших, непрерывно тараторя, за соседний столик. Я невольно прислушался — одно-единственное слово их зацепило меня и увлекло.

— Теперь меня и калачом не заманишь в горничные, – каким-то магнитно-таинственным шёпотом промолвила одна. Потом оглянулась, будто за ней кто-то следит, и добавила: — Никогда и ни за что...

— Ну, смотря какой будет калач, – краснея от смеха, беспечно ответствовала подружка.

— Нет, ты послушай, — возразила первая, — я ведь уже поработала горничной.

— Я вся теперь одно большое ухо, — опять шутила собеседница, — слухаю внимательно.

— Так вот. После того, как я завалила своё поступление в институт, пришлось искать на время работёнку. Хотелось полегче да повыгодней... Ну, ещё, сама знаешь, чтобы и хозяин не приставал, и чтоб свободное время было. Как-то даже странно быстро повезло мне. Устроилась я горничной, ну, по-нашему – уборщицей, в одну интересную семейку. Вся она и состояла-то из двух молодых мужа и жены да огромной куклы почти в человеческий рост. Сейчас ведь у новорусских в моде большие игрушки: тигры, львы, пантеры, крокодилы, черепахи, и все в натуральную величину. Они становятся как бы составляющей всего внутреннего интерьера

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Падает снег на уставшую землю,
Видит земля опустевшая сны.
Тихо поля под снежинками дремлют,
Пусть отдыхают они до весны...

Падает грусть на уставшую душу.
Трудно бороться с ней, и ни к чему!
Спи-засыпай, твой покой не нарушу,
Песня моя лишь тебе одному!

Не потревожу твой сон поцелуем,
Пламя твоей не коснется души!
Имя твое не прошепчется всеу...
Спи... но меня забывать не спеши!

ВОПРОС О ПЛАЧЕ

А слёзы —
Мужская ли доля? —
Спросил я у Родины вдруг.
— Мужская... —
Ответило поле.
— Но более верная — плуг!

Мужская...
Задумалась воля.
Но если — разруха да сечь,
То мужа первейшая доля —
Доспехи и праведный меч!

Лишь матушка мудро молчала,
Дорожную ладя суму.
Мне это молчанье кричало,
Что плакать найдётся кому.

* * *

Что теперь от знамён и империй
Мне осталось?
Ветла да жнивье.
Да чашоба, да тропочка зверья,
Да кладбище, где всё родовье.

Огородик, изба да поскотина,
Неудобья, окраина...
Впредь
Это, люди, и есть моя Родина,
За которую мне умереть.

Умереть?..

Я возьму завтра в руки
 Всё наследство, да дедов топор,
 Да молитву у древней старухи.
 Да пойду на соседний угор.

И покуда в уме да во здравии,
 Да крещёный как есть человек,
 Заложу для остатков Державы я
 Небывалый доселе ковчег.

Всё возьму я.
 Но веру и славу
 Во главу я поставлю угла,
 Чтобы крепко стояла Держава
 И сияли её купола!

СЛУЧАЙ НА ПЕРЕГОНЕ

Горит у каждой станции фонарь.
 А где-то *между* поезд мой грохочет.
 И темнота. И словно кто хохочет,
 Качая вьюгу, поезд и фонарь.

Как будто всё скопившееся зло
 Обрушилось на поезд. Даже друга
 Не слышно. И куда нас занесло,
 Что впереди и сзади только вьюга?

Сквозь тамбуры угрюмый и зловещий
 Зашёл сквозняк, открыв за дверью дверь.
 И веет тем, что никогда теперь
 Не будет больше станции конечной...

* * *

Спасибо тебе за мечту и за боль,
 За то, что вблизи, и за то, что вдали,
 За редкое счастье быть рядом с тобой,
 Любя, окунаться в озера твои,

За тайну, которую сердце хранит,
 За радость улыбки и пламенный взгляд,
 За душ притяжение, как мощный магнит,
 За то, что безмолвно глаза говорят!..

* * *

Там, где море встречается с небом,
 На закате краснеет вода...
 Осмелеть и не маяться мне бы,
 А примчаться к тебе навсегда!

Сколько можно смиряться послушно,
 Провожать тебя взглядом опять?!
 Уподоблюсь поленьям бездушным,
 Если долго терпеть и молчать!

Я застыну одна на просторе,
 Взгляд вперяя задумчиво вдаль,
 Там, где с небом встречается море
 И в безбрежности тонет печаль...

* * *

Ты играешь блестящую роль.
Ты уверенный, смелый и ловкий...
Мне участвовать в фильме позволь,
В эпизоде хотя бы, в массовке!

У меня нет претензий на приз,
Шансов нет и на громкое имя,
Но позволь мне нелепый каприз:
Любоваться чертами твоими,

Быть всегда отголоском твоим
И дышать тем же воздухом сцены!..
Я хочу, чтоб ты знал: ты — любим,
А любовь, как известно, бесценна!

* * *

Ты – мое вдохновенье и злая напасть!
До свиданья, покой! И да здравствует боль!
Я мечтаю скорее в объятья упасть,
И тогда – хоть потоп, лишь бы
рядом с тобой!

Я жила чередой заученных дней,
Но внезапный восторг мою душу согрел...
Я уверена: то же с душою твоей!
Так чего же ты ждешь?
Почему так несмел?!

Напрасно в ночь сигналият машинисты.
Нет ни огня.
И мглою скрыт разъезд.
Исчезло всё – и небеса, и смыслы,
Исчезли все.
И поезд наш исчез.

Лишь где-то там – за тридевять земель
Динамик всем объявит безучастно:
— На перегоне сильная метель!
Не ждите больше, граждане, напрасно!

Но поезд мчит.
А как ему не мчать?!
В груди стальной живые, верю, кони!
А значит, мы уходим от погони
И сможем всех родных своих обнять!

Вон там — блеснуло!
Я к окну приник.
Огонь! Огонь!
Он так неподражаем!
...трясёт плечо похмельный проводник:
— Давай вставай! К конечной подъезжаем.

— Ах, милый мой!
За все твои грехи –
За жидкий чай и прочие услуги,
Я напишу такие, брат, стихи,
Что никогда не будет больше вьюги!

Сойду.
 Морозным воздухом дыша,
 Хрипит динамик, кашляя, качаясь:
 — Ошибка ночью вдруг произошла.
 Прошу прощенья, граждане!
 Встречайтесь!

... пусть вам не знать,
 Зверела и крутила
 Шальная сила.
 Близок был откос.
 Но есть над ней ещё сильнее сила!
 И поезд всех до станции довёз.

МАШКА, ТЕРЕНТИЙ И Я

Какая даль!
 Какие расстоянья!
 Леса дремучи, встали в полный рост.
 То в деревеньку въедем без названья,
 То вдоль дороги сгорбится погост.

Возница спит.
 Лошадка чуть не дремлет.
 Колёсный скрип...
 Летучий ветерок...
 Душа всему открыта, всё приемлет.
 Душа – Отчизну впитывает впрок.

– Ты ведь не виноват: ловелас, сердцеед...
 Ты уроки извлек?
 – Нет.

– Сердце напополам, слезы – словно вода...
 Ты доволен теперь?
 – Да.

– Душу гложет тоска, и я знаю ответ:
 Милый, любишь меня?
 – ...

* * *

Укради меня, счастье мое!
 Наша жизнь как мгновенье ока...
 Знаешь, как без тебя одиноко!
 Пусть навеки мы будем вдвоем!
 Укради меня, счастье мое!

Укради меня, радость моя,
 От мирской суеты, серых буден!
 Пусть навеки мы счастливы будем,
 Не скрывая любовь, не тая!
 Укради меня, радость моя!

Я не выдержу долго, поверь!
 Слишком много я видела горя!
 Я хочу, чтобы солнце и море,
 Рядом — ты!..
 Я умру от потерь!
 Я не выдержу долго, поверь!..

«УКРАДИ МЕНЯ!!!»

ПОЭТУ

Есть поэты, чьи простые лица
В душу западают без труда.
«Милая, мне скоро стукнет тридцать...»
Тридцать и осталось навсегда.

Сиротливо опадают клены,
И березы слезы льют весной...
Умер, в Русь, как в женщину, влюбленный,
Телом умер, а душой живой!

Есть поэты, чьи слова простые
Трогают и через сотню лет.
Их стихи как будто бы живые.
Вот таким и должен быть поэт!

* * *

Я уйду, все равно я уйду!
Навсегда. Безвозвратно. Не слышно.
Будут птицы трезвонить в саду,
И цветами покроются вишни...

Мир проснется для новой весны,
Для любви и мечты, новых песен.
Только мне, погружаемой в сны,
Этот мир будет неинтересен!

Теперь иные хлеб обидеть
Не чтут за грех или за зло.
И больно мне такое видеть,
Что горем поле заросло...

Спасибо и отцу, и маме,
Что я донине чту за честь,
Как та старушка в Божьем храме,
Шептать молитву «...даждь нам днесь...»

* * *

Диане Кан, Евгению Семичеву

*«...я скатаю родину в яйцо...»
Юрий Кузнецов*

Я скатаю Родину в яйцо,
Положу в заплечную котомку.
К Вам, Рубцов, Есенин, Кузнецов,
Понесу родимую сторонку.

Вытру ноги, прежде чем войти,
О лучей небесную солому.
Спросят:
— Ёмкин? Слышали, входи!
Что принёс хорошего из дому?

Вытряхну котомку всю как есть,
Раскатаю Родину обратно.
Кто-то плакать станет, кто — смотреть
Молча, кто креститься троекратно...

Отцелуют.
И в конце концов
От родимой оторвут колени.
И тревожно спросит Кузнецов:
— Как Диана? Семичев Евгений?

А затем, хмелея понемножку,
Про дожди да пристани во мгле
Запоёт рубцовская гармошка,
Как когда-то пела на земле.

Пётр Ключник выйдет на тальянку,
Светит крест с апостольской груди,
Скажет:
— Всё! Заканчивай свиданку!
Вот умрёшь, тогда и приходи!

ЛОШАДКА НЕБЕСНАЯ

С поклажей часто не везло.
Плелась, но всё же вывозила.
А ночью видело село –
Она о небо чешет гриву!

Ей вместо звёзд сулили хлеба,
Железом подрезали стать.
А ей всё хочется на небо!
Небесная...
Ни дать — ни взять.

Я его застал уставшим.
Часто в зеркало смотрел –
В отражении молодой
На него глядел пострел...
...Весь покрытой бородой.
Дед уж миром тяготился,
Но любил, какой он есть.
Уходя, перекрестился
И со мною он простился —
Помнил, что такое честь.

С МОЛИТВОЙ

Начинай с молитвы утро,
Чтоб прошел без горя день,
Неба чистый перламутр
Не закрыла злая тень.
Познавай себя в общенье,
Не щади свое в нем «Я»,
Ты ведь тоже отраженьё
Мира. Ну а мир – семья.
Дай ему свой лучик солнца,
Сил духовных не жалея,
Приоткрой души оконце,
Добротой своей согрей.
Заверши свой день в молитве,
Помощь Божью призови.
Если день прошёл как в битве,
Побеждать учись в любви.

Поднятая с колен, держава
Вновь обрела мир, покой.
Вернулась к ней былая слава,
И солнце встало над страной.
С веками зажили все раны,
Но помним год тот грозовой.
Вписались памятники, храмы
В ансамбли памяти людской.

НЕ ОТНЯТЬ У РОССИИ ГАРМОШКУ

Не отнять у России гармошку,
И частушки у ней не отнять.
С ними сердце отгадет немножко
И по-новому будет звучать.
Вместе с шутками песни взовьются
Необъятным простором полей,
Отголосками бодро прольются
Под березы и пух тополей.
С ними ветер становится тише
И дорога короче слегка.
Не случайно, что слышится свыше,
Никогда не забудут века.

ЕСТЬ У ЮНОСТИ НАЧАЛО...

Есть у юности начало,
Неизвестен ей конец,
Если жизнь идет к причалу –
Вспоминается венец.
Помню — первый мой учитель
Радовался встречам нашим,
От природы был мечтатель.

Смотрите!
Звёзды ей в глаза
Просыпались.
Какая сила
Её ведёт на небеса,
Что тучи смахивает гривой?

Родная!
Может, вышел срок
Плестись?
И ты рванёшь во славу
Не в сутемь хиленький возок,
А к звёздам русскую державу!

* * *

Ночь.
Январь.
Дорога.
Звёзды всё полней.
Не проси у Бога
О продленье дней.

Ты под звёздным светом
Лучше попроси
О душе бессмертной:
— Господи,
Спаси!

* * *

Ветер в город заходил ребёнком.
Ветер был хрустальным, как ручей.
А теперь помоечным котёнком
Бродит он по городу ничей.

Он с собою нёс земные смыслы.
Ничего не знал о городах!
И теперь куски его повисли
На антеннах, крышах, проводах.

Ветер грудью бился о заборы.
Он обратно вырваться спешил!
Он ошибся в городе, который
Всё, увы, по-своему решил.

Город вынул душу и основу,
Тягу к тихим русским берегам.
И вот-вот из города большого
Выйдет в поле чёрный ураган.

* * *

Вчера убили волка егеря.
Не просто так убили, а по праву.
За то, что самый дерзкий из зверья,
За то, что стаду он чинил траву.

Вчера волчица выла от тоски
Не на луну, а на свою потерю.
И тыкались в опавшие соски
Прозревшие едва четыре зверя.

ЕДИНСТВО НАРОДА

Поникла гордая держава,
Изменою отмечен путь,
В забвении былая слава,
Где сила, чтоб вернуть?
Ходила смута по России,
Ввергая в пропасть всю страну,
И жаждал люд простой Мессии,
Бояре грабили казну.
Стонала Русь под хищным ляхом,
Предательством Москва сдана.
И, наполняя души страхом,
Плел сети смерти сатана.
И бросил клич посадский Минин
С откосов Волги и Оки –
Поднять упавшие Святыни,
Собрать народные полки.
Несли и серебро, и золото
Селянин, горожанин – всяк,
Шли от рассвета до заката,
И засиял над войском стяг.
В безжалостной жестокой сече
Был опрокинут злобный враг,
В церквах святых горели свечи –
Победы славной верный знак.
Пожарский, полководец, воин,
Отчизны верный сын и князь,
Навеки славы удостоен,
Что смыл с Москвы позора грязь.
Склонились головы в поклоне,
Всходила новая заря,
Страна увидела на троне
От Бога юного царя.

Единство веками воспето,
 И нету покоя в душе,
 Осталось сознание согрето
 Порывом, свободным уже.
 Эпоха сменяет эпоху,
 Бессменно лишь солнце одно,
 Верните восторженно Богу
 Начальное слово Его.

ЗА ЧИСТОЕ НЕБО...

Березки-подружки с развилки
 За нашим старинным селом
 Дарили влюбленным улыбки,
 Служили им тайным постом.
 И я там встречался с любимой,
 И ночь была сладко темна,
 Подарком той встречи счастливой
 Навек становилась жена.
 Военных дорог лихолетье
 Под грохот солдатских сапог
 В сраженьях сумел одолеть я,
 Мне ясный твой образ помог.
 Ждала после долгой разлуки
 Любовь и жена у крыльца,
 И медленно нежные руки
 Смахнули слезинки с лица.
 Над нами вновь чистое небо,
 Березки у новых ворот,
 И запах ноздрястого хлеба,
 И стай долгожданных прилет.

Вчера убили волка егеря,
 Но овцы блеют в страхе от чего-то...
 И я подумал: зря убили, зря –
 Теперь волчица выйдет на охоту.

А от природы суке быть хитрей
 Назначено, чтоб выкормить породу.
 И нет надежды впредь на егерей,
 Когда волчица выйдет на охоту.

ЧЁРНОЕ СЛОВО

Слово камнем лежало в душе.
 Слово чёрные корни пустило.
 Слово телом себя возомнило.
 Слово землю шевелит уже!

Слово землю пронзило корнями –
 Горы вздрогнули с той стороны!
 И из космоса стали видны
 Прямо в солнце летящие камни.

Это всё не мерцающий бред!
 А явление тёмной основы –
 Зарождение чёрных планет
 Из обычного чёрного слова.

* * *

Посмотрите — краса какая!
Звёзды падают на дорогу!
Ну, скажите ещё, такая
Красота не угодна ль Богу?

Я сегодня – за всех не знаю.
Просто вышел я на дорогу.
То ли я по земле шагаю,
То ли ближе куда-то к Богу...

Полюбил я тебя, Январиче!
Словом радости не избыть.
...вот пришли бы ещё товарищи
Эту радость со мной делить.

ПРЕДЕЛ

Подходит жизнь к известному пределу.
И строже звёзды стали вдруг ко мне.
Я – строже сам к душе, желаньям, телу,
И только губы шепчут в тишине:

— Продли, Господь, с любимыми встречаться
И никого до срока не терять,
Не допусти заранее прощаться,
Благослови — заранее прощать...

Для Вышних Сил ну что я смертный значу?..
Но о своём последнем знаю дне:
Что, уходя, я всё-таки заплачу
О тех, кто не заплачет обо мне.

И в тот же миг случилось диво!
Умом и сердцем овладев,
Такое искреннее чтиво
В душе стихам дало распев.

ВЕРНИТЕ БОГУ...

(муз., исп. Владимир Воробьев)

Четвертый удел Богородицы,
Всевышним спасаемый край,
Звезде, под которой находишься,
Молитвой долги отдавай.
Эпоха сменяет эпоху,
Бессменно лишь солнце одно,
Верните восторженно Богу
Начальное слово Его.
В небесной лазури святые
Молились о грешной земле,
Остались бы люди простыми,
Себя узнавали во мгле.
Эпоха сменяет эпоху,
Бессменно лишь солнце одно,
Верните восторженно Богу
Начальное слово Его.
Великой молитвенной силой
Наполнен российский народ,
Любовью к Отчизне на диво
За Веру избравший поход.
Эпоха сменяет эпоху,
Бессменно лишь солнце одно,
Верните восторженно Богу
Начальное слово Его.

С ПЕРОМ В РУКЕ

Сумеешь ли, поэт России,
Во славу Божию писать,
Найдешь в себе такие силы –
С пером в руке за Веру пасть?
Пока стоял ты на распутье,
Исходный заняли рубеж.
К истокам предстоит вернуться
Ценой несбывшихся надежд.
Или воспрянуть сильным духом
Среди восторженных певцов,
И отзовется слово звуком,
Извечной памятью, венцом.

В «ДОМ С МЕЗОНИНОМ» Я ПРИШЁЛ...

Не раз ловил на мысли робко
Себя найти среди друзей,
Когда стихи чудесной тропкой
Манили радостью людей.
И с нетерпеньем жаждал Диво
Не упустить в душе своей,
И рифмами, порой игриво,
Всё звал его: «Приди, владей!»
Известный дом всем с мезонином
(Куда забрёл однажды днем)
Был долгожданным тем заливом,
Где стал я частым кораблем.
В союзе творческого братства
Как будто вновь себя познал,
И понял – нет для Музы рабства,
И смело стих свой бросил в зал.

ДИАЛОГ

– Не к добру тебя смутила,
не к добру ты мне явился,
Ниоткуда вышло солнце
и скатилось в никуда.
И когда с усмешкой лёгкой
рядом ты остановился,
Мне б уйти в луга глухие,
затаиться от стыда!

– Разве ты смогла б исчезнуть,
разве я бы смог иначе
В обездвиженном пространстве
жить, себя бы не виня?
Мне одно сегодня нужно –
чтобы в радости иль плаче
Никогда бы не сумела
ты отречься от меня!

– В небе сумрачном опасно,
и звезда летит на ощупь.
Бор полночный тих и страшен,
зги не видно, я одна!
Помню, как во тьме такой же
у погибшей в топи рощи
К нам обратной стороною
повернулась вдруг луна.

Это просто совпадение
 дня и ночи, тьмы и тени,
 Майской медленной метели
 среди сосен напролёт.
 Знаю, ласточкой замёрзшей,
 залетевшей утром в сени,
 Мне душа твоя явилась
 и во мне теперь живёт.

– Не держи её без воли,
 не нужна – отдай обратно,
 Мне в печали мёд не сладок,
 речка донная без дна!
 Ты прости меня, родная,
 я скажу тысячекратно,
 У меня была и будешь
 ты, печальная, одна...

В БОРУ

Шагнёшь в него – лишь зной
 и тишина.
 Шалфеем дышит день, грозой
 далёкой.
 И кажется, вот-вот грядёт
 она,
 Сверкнёт с небес молниеносным
 оком,
 Над речкой громыхнёт и стихнет
 враз,
 Уплыв за лес тяжёлой
 тучей-тенью...

* * *

Поставь рябиновую ветвь
 на стол в стакане,
 И в темноте дрожащий свет
 не перестанет
 Струиться от ее плодов,
 мерцать тревожно...
 О, как хотелось бы для слов
 того же!
 Чтоб мысль, родившая строку,
 хранила чувства
 И повторялась на веку
 тысячеустно.
 Пусть слово излучает свет,
 во тьму не канет...
 Поставь рябиновую ветвь
 на стол в стакане.

ПОДОРОЖНИК

Его толкли подошвы и копыта,
Колеса в грязь вминали у межи.
Но шинами – глядите! – не убит он,
И после каблуков остался жив.

Ему б, кажись, обидеться навечно,
Колочкой стать... А он все дни подряд
Чужие лечит раны и увечья,
Корнями помня, как они болят.

Чем тяжелее пыль и небо мгlistей,
Тем он упорней, цепче и сильней,
Его большие жилистые листья –
Как руки наших старых матерей.

И я гляжу все зорче, все тревожней,
Я все больней запоминаю впрок,
Как доброту пронесит подорожник
Вдоль всех людских тропинок и дорог.

* * *

Не спрашивай зимой, тепло ль на улице,
И больно ли, когда тебе разлюбится,
И страшно ли, когда ничто не сбудется...
Не спрашивай: об этом помолчим.
Не потому, что мы с тобой неискренни,
Не потому, что все это немислимо,
А потому, что так условна истина,
Что лучше мы об этом помолчим...

Цветы стоят, не закрывая
глаз,
Прислушиваясь к каждому
мгновенью,
Свистят стрижи и падают
в закат,
Что в сумраке горит
уже нездешнем.
О, с кем они там тихо
говорят
На птичьем
языке своём безгрешном?
И радостно друг друга
узнавать
По шёпоту травы, по гулу
грома,
И если здесь останусь
зимовать,
В сосновой зыбке буду я
как дома...

* * *

Не называй меня хорошей –
Заворожу дождём косым
И на ветру дрожащей рошей
Обеспокоенных осин.
А на свидании заплачу
И от смущенья нагрублю.
Я, не надеясь на удачу,
Свою печаль в тебе люблю.

Не называй меня красивой,
 В тяжёлом облаке волос
 Я окажусь плакучей ивой
 С корой, морщинистой от слёз,
 От обжигающего ветра,
 От ожидания звонка...
 Качнётся высохшая ветка,
 Вздохнёт усталая река.
 Не называй меня любимой,
 Своею женщиной из снов.
 Осеребрённую рябиной
 Я онемею на Покров.
 Тогда, горячий и влюблённый,
 Иную радость обретя,
 Меня ты вспомнишь удивлённо...
 Десятилетия спустя.

* * *

Перелесок, дорога, тишь,
 Голубая Полян-звезда.
 И не знаешь – живёшь?
 Летишь?
 Или падаешь в никуда?

Нет ни времени, ни границ,
 И лишь долго хранят небеса
 То ли ангелов, то ли птиц
 Осторожные голоса.

Любой Иван для них – Сусанин,
 Любой Иван им – в горле кость.
 Придут – кровавыми слезами
 Умоются, как повелось.

Ведь всходят (словно на опушке
 Грибы, едва пробрызнет дождь)
 Ивашки, Ванечки, Ванюшки,
 Ванятки, Вани – не сочтешь.

А им с пеленок, спозаранку
 Дает играть любая мать
 Игрушку-тезку, Ваньку-встаньку.
 Учись, мол, на Земле стоять.

Вглубь Родины пуская корни,
 Какая б ни пришлась беда,
 Родство свое Иваны помнят
 И не забудут никогда.

НИ ДЛЯ КОГО

Как человеком путь ни начат,
 Какою ни прошел тропой,
 Почти о каждом кто-то плачет,
 Когда он прорастет травой.

Но иногда – совсем иначе:
 Что был, что не было его...
 Как страшно ничего не значить
 Совсем-совсем ни для кого!

РУССКИЕ ИВАНЫ

Не знаю я, мне не ответить,
Кто клевету вложил в уста,
Что будто жил да был на свете
Иван, не помнящий родства.

Но, выставив его разиней,
Кой-кто, зная, сам забыл о том,
Что испокон Иван в России
Был и царем, и мужиком.

Он ставил избы, ладил прясла,
Был пахарь, пасечник, бурлак,
Он был царевич распрекрасный
И умница Иван-дурак.

И в честь его так солнцелико,
Его ж руками сотворен,
Возносится Иван Великий
Над белокаменным Кремлем.

Среди российских майских зарев
Встань на Ивановом лугу:
Там Иван-чай с Иван-да-Марьей
По ветру резвому бегут!

В любой земле Иванов знают
И, верно, не забудут впредь.
Всем, кто на русских посягает,
С Иванами дела иметь.

Для них, глядящих на Россию
Сквозь ненависть, как сквозь туман,
Иваны – вечной силы символ,
Любой из нас для них – Иван.

* * *

Стареет изыбшая яблоня –
Редеет рисунок веток.
А рядом стареет мама –
Всё тоньше веточки вен.

Все дальше и дальше яблоня,
Желтея, уходит в осень.
Всё дольше весною длится
Её неглубокий сон.

А рядом – белее облака –
Над маминым лбом усталым
Слабеет и тихо гаснет
Редеющий нимб волос.

* * *

Под медленный шелест летящего снега
Лицо запрокину. Что в звуке и знаке?
То землю объяла чудесная нега
Полнощной зимы, воссиявшей во мраке.
Нет звёзд драгоценней,
нет снега белее,
Чем в небе российском,
чем в рощах кленовых.
Под снегом цветы, что смиренней еля,
И ягоды сладкие веток терновых.
Забывчивы звёзды – уйдут с облаками,
И землю к рассвету морозы остудят.

Но сердце,
 но сердце дрожит под руками
 И помнит, и знает, что было и будет.
 Я миру покорна, мне Женщина – имя.
 Мне долго идти, но дорога к родному.
 Средь смуты и лжи,
 средь морозного дыма –
 По зыбкому снегу к желанному дому!

* * *

Та забава не унылому –
 Побегать в мороз большой
 Босиком по снегу стылому
 (Я ль не русская душой!)
 В банный дух с весенним привкусом
 Мята, клевера, свечи,
 Где горит весёлым искусом
 Пламя в щёлочке печи.
 Где нагой, простоволосою,
 Жарким сумраком дыша,
 Вспомнить – было лето с осами,
 С пылью звёздного Ковша,
 С рощей белою, берёзовой...
 Вот и стало тело розовым,
 И оттаяла душа.

Поля, остывшие уже,
 И черный лист на ветке голой –
 Во мне, в живой моей душе
 Все отзовется смутной болью.

* * *

Промотала осень золото.
 Осталось серебро.
 Утром встану, ахну: «Поле-то
 Белешенько-бело!»

Ах ты, свет ты мой серебряный,
 Прохлада на щеке!
 И деревья над деревнею
 В пушистом куржаке!

Я иду и чуть не вскрикиваю,
 Так и светится душа,
 И ботиночки поскрипывают,
 По тропиночке спеша.

И струится отовсюду
 Чистый-чистый ровный свет.
 Уж не бьет меня остуда,
 И тоски в помине нет.

Чуть горчит и сластит на губах
С терпким привкусом веток,
Спелой ягодой воздух пропах
Земляничного лета.

Под окном моим ходишь не ты,
А заря до рассвета.
Вот и всё: остывают следы
Земляничного лета.

* * *

В кувшинках озеро лесное,
Тропинка-ниточка к нему.
Клубника в бурном травостое
И даль в березовом дыму.

Гармошек пляс под вечер синий,
Улыбки вешние невест.
Наверно ты, моя Россия,
Отсюда родом, с этих мест.

ОСЕНЬ

Осенней родины простор,
Дымится иней на отаве,
И листья падают в костер,
И гаснут, искрами взлетая.

Земля становится родней,
Когда сырой осенней ранью
Омёты выкошенных дней
Плывут в оглохшие туманы.

* * *

*«Я в жизни только раз
сказал «люблю»...»
Ю. Кузнецов*

Он в жизни столько раз сказал «люблю»,
Он слово это вывесил среди поля.
Его трепали ветры, вёсны, воля!
Потом он встретил милую свою.
Рассёк, молниеносный, грудь её,
Где сердце обезумело тугое,
Ударил гром, и он забыл своё,
И солнце в небеса взошло другое.
Он ад найти осмелился в раю,
Он день прогнал обратно ночью пылкой!
И хочет он теперь сказать «люблю»,
А губы сводит жалкою ухмылкой...

* * *

Не октябрь, а одно пепелище,
Вместо облака – запах золы.
Опустело к обеду жилище,
Кто-то вымыл до блеска полы.
Бесполезна мольба – нет ответа
Потрясённой душе. И готов
За пределами жизни и света
Опуститься небесный покров.
Солнце встало в углу и не светит.
И не знают, не знают во мгле
Первый снег и пронзительный ветер,
Что тебя уже нет на земле...

ПЛАЧ

Шалью пуховой закроюсь до пят,
Ветры метельные в поле вопят.
Гляну в окошко – ни света, ни зги,
Мечутся в воздухе вихри пурги.
Нежитью белой дома замело,
Очи затмило и руки свело.

Все наши клятвы на майском крыльце
Спрятаны в памяти, словно в ларце.
Жизнь пролетела, как летняя ночь,
Кудри развились и выросла дочь.
В печке, смирясь, догорают дрова,
Дым восвоеси уносит слова.

Женское счастье что алый вьюнок.
Вспыхнет, вплетённый в венчальный венок,
Брошенный после неловкой рукой,
Вниз поплывет серебристой рекой.
В ряби речной изомнутся уста,
Белая роща до дрожи пуста...

ДЕКАБРЬ

Время кружит в пространстве
Над месяцем, в небе стоящем.
И мир не живёт в постоянстве,
И прошлого нет в настоящем.
Вся жизнь
Словно эта дорога
В скольжении белого дыма,
Где всё – от безумства и Бога
До странности необъяснимо.

Слышней пичуг скороговорочки,
Довольно жаться по застрехам!
И мчится детство с белой горочки
С веселым гомоном и смехом.

Ах, что за солнышко над сёлышком!
Ну, право слово, так и тянет
Макнуть блином горячим солнышко
В густую снежную сметану.

* * *

Ветер чуткий проснулся так рано,
Прибежал к талой речке скорей –
На воде из густого тумана
Стаю белых слепил лебедей.

А потом он совсем разыгрался:
Снег столкнул вдруг в глубокий овраг
И, как будто на длинных ходулях,
Через лужи шагнул в березняк.

ЗЕМЛЯНИЧНОЕ ЛЕТО

Лишь забрезжит зарница в окне,
Встану я до рассвета,
Потому что идет по земле
Земляничное лето.

Грозной тучей летят комары,
Как лесная примета.
Наконец мы дождались поры
Земляничного лета.

Ни травинки вокруг, ни побега,
 Но весною запахло уже.
 Горстка ягод в оправе из снега –
 Вот и праздник великий в душе.

МАСЛЕНИЦА

Откуда это столько ясности
 И распогодившейся сини?
 А это просто красна масленица
 Пошла гулять по всей России.

И снова в избах по-гусиному
 Шипят блины на сковородках,
 А небеса синее синего
 Перед весенним поворотом.

И я иду, теплом обласкана,
 Отрешена от дел обычных,
 Между качелями, салазками,
 И настроение отличное!

А мне навстречу чьи-то розвальни
 И чьи-то шубы, стелют кони!
 И хлещут искристыми звездами
 О передок шальные комья.

Девчонка в ярком полушалочке
 В расцвете юности своей:
 На щеках – маки, взгляд русалочки,
 Как обещанье вешних дней.

Любовь –
 Разве кто о ней знает?
 Придёт и уйдёт, словно небыль.
 А время опять улетает
 Навеки – в открытое небо.

* * *

Я именинница апреля.
 И ночами,
 Тайком от всех,
 Привыкла слышать за плечами
 Неясный смех,
 Смятенный шёпот,
 восклицанья,
 ропот вешний...

И сквозь ладонь
 Смотреть на солнечный,
 нездешний
 Скупой огонь.
 Он, вдохновенный, от всего,
 что сердце точит,
 От злобы дня,
 От всех возможных одиночеств
 Спасёт меня...

* * *

*Обильный край,
благословенный!
Хранилище земных
богатств!
Не вечно будешь ты
забвенный,
Служить для пастырей
и пасте!*

«Послание в деревню», С. Т. Аксаков, 1830 г.

Да, всё сбылось, поэт печальный
Был прав. И где она, любовь
К родному? С песнею прощальной
Летит ковылистая новь.

Глядит в отравленные воды
И негодует лик небес.
Так называемой свободы
Плоды выросли. И продан лес.

Степные сырты и увалы
Пусты. Такие времена!
Зверей испуганных изгнали
Чужие словно племена.

Крадётся всё без проволочек,
Точат иконы реки слёз.
И где тот аленький цветочек
Из дивных сказок, детских грёз?

Не дай, Господь, возненавидеть
Толпы безудержную власть,
Отчизны чёрный год увидеть,
В провалы времени упасть!

Всю жизнь среди томов и строчек,
Во тьме полуночных полей
Искать мне аленький цветочек,
Скорбеть над родиной своей...

«РУССКИЕ ИВАНЫ»

* * *

Метет, метет, лицо кусая,
Взбивая снежную постель,
Стремительная и косая,
Шальная русская метель.

* * *

В морозный вечер вновь из дома вышла я.
В лесу заснеженном брожу одна.
Мне светят звезды, и дорогу вышила
Из серебра и жемчуга луна.

Как кружева, висят узоры инея,
Туман морозный и ночная тишь.
Земля моя, ты, как загадка зимняя,
Источник скрытых сил в себе таишь.

На целом свете нет родней, красивее!
И сердце гордой радостью полно:
Как хорошо, что родилась в России я
И что мне жить в России суждено.

* * *

Я судьбою довольна отныне:
Мне увидеть в саду довелось
На окутанной снегом рябине
Уцелевшую алую гроздь.

В лесу пустынно, в поле – стынь;
Кусты – похожие на розги,
Обледенелая полынь,
И свищет ветер – злой, промозглый.

Темнеет рано. День прошел.
А снега нет... Снег выпал ночью.
И так спалось мне хорошо,
Как будто видел все воочью.

А утром встал – белым-бело!
Заря в полнеба разливалась,
И все печали замело,
И лишь в груди кольнуло малость:
В окне снежинка опускалась –
Как белой бабочки крыло.

* * *

Я присяду в лесу на пенек –
Рядом с речкой и с пашнею рядом.
В этот вешний, погожий денек
Ничего-то мне больше не надо.

Муравей побежит по руке,
Любопытен народ муравьиный.
Торопясь, отзвенит вдалеке
Запоздалый косяк журавлиный.

Буду слушать, как дятел стучит,
Как порхают, свистят крохотули...
Если есть к человеку ключи,
То, выходит, меня отомкнули.

«БЛАГОСЛОВЕНИЕ»

* * *

В доме родном всё как прежде,
Только никто не встретит.
Только тоска без надежды –
Мамы уже нет на свете.

Лишь бесприютно бродят
Детства далёкого тени,
И синих очей не сводит
Мамин кустик сирени.

Я, уезжая, не знаю,
Скоро ль смогу возвратиться,
Горькие слёзы глотаю –
И даже не с кем проститься...

И оттого нет силы
Преодолеть тревогу.
Мама благословила б
Точно меня в дорогу.

Как мама в линиялом платье,
Встала сирень у тына,
И приходилось пятиться,
Чтоб её видно было.

Гляжу – с любовью, без лести
Вслед мне сирень кивает,
Всеми своими крестиками
В путь благословляет.

* * *

Вечер в деревне от запахов пьян,
С горки на речку сползает туман.
На ночь насадкой притихло село.
Улицей стадо неспешно прошло.

Важно бурёнки дорогой брели,
Шутка ли – в вымени сила земли!
Тянет от речки ухой и дымком,
Залит весь берег парным молоком.

ПИСЬМО

Письмо – всего-то в пару строчек,
До запятой знакомый почерк.
Вот, в первозданной простоте,
Как твёрдый молоточек «т».
И, словно поворот в судьбе,
Ей вторят два изгиба «б».
Читаю я, душой скорбя,
Конец письма: «Люблю тебя!»
И лет накатывает шквал,
Твердил не раз, но не писал...
Сбегают слёзы по ресницам,
Как жаль, что это только снится...

В траве ли будешь шелестеть,
Или парить над облаками,
Или на дереве свистеть,
Свистеть-посвистывать стихами.

* * *

Картины бытия, минуты чувств
Привык я заносить в свою тетрадку.
В моих стихах и придорожный куст,
И горный кряж, где ставил я палатку.

Года летят... и времени река
Меня несет все ближе к океану.
Но видит Бог – рука еще крепка,
Сожму весло и к берегу пристану,

Где у костра – мальчишки-рыбаки,
И пахнет чай дымком и земляникой.
Я с ними заночую у реки,
Лесной реки страны моей великой.

Я у костра их сон постерегу,
И от прохлады куртку укрою,
И старый филин скажет мне: “Угу!..”
И я опять тетрадочку открою.

* * *

Декабрь. Бесснежье. Маята.
Тягучесть пасмурных рассветов.
В окне не видно ни черта!
Нет, мне не нравится всё это.

Никто меня по волосам,
Как прежде, не погладит,
Никто не скажет: “Думай сам,
Ума, надеюсь, хватит...”

А слезы все никак не шли,
Душа окаменела.
Лишь через сутки потекли,
Но разве в этом дело?..

* * *

Откуда-то живет во мне
Любовь к земле, любовь дремучая...
И повалиться на траве
Всегда не упускаю случая.

Люблю, как жаворонок, степь,
И лес люблю, как любят лоси,
Что отдыхать уходят в крепь,
Следы оставив на покосе.

Люблю, как цапля, берега
Реки, поросшие осокой,
И даже жизнь не дорога
Над этой заводью широкой.

Поскольку кажется, что жил
И будешь жить всегда и вечно.
Неважно – с крыльями, без крыл,
Но молодой и не увечный.

* * *

К 120-летию М. А. Булгакова

1

У тебя отцветают каштаны,
У меня зацветает сирень...
Май шагает весёлый и пьяный,
Сдвинув синий картуз набекрень.

Я немного завидую маю,
Бесшабашность мила мне его,
Но отчётливо понимаю:
Не вернуть нам уже ничего...

Не вернуть поцелуев, объятий,
Не вернуть ожидания весны...
Так зачем же опять и опять я
Вижу столь беспокойные сны?

Распахну я окно, и польётся
В дом сиреневый аромат,
И восторженно сердце забьётся,
Улыбаться начну невпопад.

Ты понятнее сразу и ближе;
Может, весел, а может, грустишь,
Где-то в Лондоне или в Париже
Под цветущим каштаном сидишь.

И увидеть в моей станет власти,
Как, твердя о бессмертной любви,
Лепестки, розовея от счастья,
На колени садятся твои.

От дождей вся сирень порыжела,
Облетает сиреневый цвет...
А любви нет до этого дела —
Ведь она не ржавеет, нет!

НА САЙТЕ

@@@

Придёт пообщаться охота,
Откроешь страничку свою,
Увидишь весёлое фото,
Где я на Арбате стою...

Почувствуешь: близко я, рядом,
Жар-птицею сказочной вьюсь,
Но, как за терпенье награда,
В ладони твои не даюсь.

Какая же это проруха,
Печаль, серый морок, напасть?
И сном, и дыханьем, и духом
Нам снова пришлось не совпасть...

И снимка не вычислить дату,
Прикинь, какого числа,
Ищи меня по Арбату,
Где я годом раньше прошла!

Но с каждой проволочкой
Заносит временем след...
Придётся банальной точкой
Закончить банальный сюжет.

Скорее к дому на горе!
А дом стоит обугленный,
Весь почернел, но не сгорел,
Еще прадедом рубленный.

Стоит отец, стоит родня...
— Куда ж вы мать запрятали?
Они взглянули на меня
И в голос вдруг заплакали.

И чашу горького вина
Мне брат мой наливает,
И говорит: “Испей сполна”,
Добавив: “Не твоя вина”,
Как будто что-то знает.

Я опустил на бревно,
Сдавив виски руками,
И вспомнил, что уже давно
Не вспоминал о маме.

И редко письма ей писал,
Все занятый делами,
И не успел вот, не сказал,
Не повинился маме.

И тяжесть страшная меня
Все ниже нагибала,
И осознал на склоне дня,
Что матери не стало.

Ну что ж, порезвись на приволье,
А я разложу костерок,
Посыплю горбушечку солью
И, может быть, несколько строк

О жизни, похожей на сказку,
В заветный впишу черновик.
Спасибо, мой друг, за подсказку,
За теплый, шершавый язык.

* * *

Памяти матери

Года прошли, как ледоход.
И на последней льдине
Могила матери плывет
Бесчувственной отныне.

А я, не зная ни о чем,
Из дальнего похода
В родной затон направил челн,
Где не был больше года.

А по-над Волгою рекой
Стоят деревни с селами,
И машет мама мне рукой,
Живая и веселая.

Скорее к берегу, скорей!
И вот уже над кручей я.
А вместо матери моей –
Там ивушка плакучая.

* * *

У слова «вечность» привкус мяты,
Между лопаток холодок,
В нем, как песчинки, тонут даты,
Немыслим и велик итог.
Без счёта имена и лица
На точных вечности весах,
Год – неприметная частица
В её натруженных руках.
Но я люблю другое слово,
Оно как мёртвая вода.
Оно как трезвости основа –
Простое слово «никогда».
Пред ним послушно отступают
Обиды, горечь и беда.
Не грезит, да и не мечтает,
А лечит слово «никогда».
Как праведный и добрый пастырь,
Как в воскресенье среда,
Врачует раны, словно пластырь,
Бесстрашьем слово «никогда»...

КОТ

Меня он каждый день встречал,
Мурлыкал, радостно урчал,
Навстречу с царской статью нёс
Кривые лапы, тощий хвост.
На землю плюхался спиной –
Так он здоровался со мной.

Не ел и молоко не пил,
 За ушком почесать просил.
 Был, как сорока, чёрно-бел,
 Но сердце покорить сумел.
 Без неказистого кота
 В душе сумбур и маята.
 Уже десятый день идёт,
 Как он пропал – бездомный кот.
 Быть может, он в семью попал,
 А может, просто загулял...
 Окрестным кошкам я шепчу:
 — Скажите — я его ишу!
 Как будто счастье жизни всей —
 Кот по прозванию Моисей.

ГРУСТНИКА

*«Грустничный кустик ты нагни,
 я сорву с него слезинки».
 «Грустничное». Галина Дядина*

Где речка согнулась в подкову,
 Ветвями касаясь небес,
 На всякие шутки готовый,
 Стоит зачарованный лес.

Не кажет здесь солнышко лика,
 У елей нахмуренный вид.
 Растёт у пенёчка грустника,
 Растёт и тихонько грустит.

Здесь света и радости мало,
 И птицы совсем не поют.
 Грустника от грусти устала,
 Ей что-то невесело тут.

И ничего поделат не могу,
 Чтоб разные ненужные детали,
 Как эти вот буренки на лугу,
 От мысли основной не отвлекали.

И ласточки стремительный полет
 Опять уносит в сторону от темы,
 Опять она без напряженья рвет
 Любую нить логической системы.

Прощайте, философские стихи
 И краткие, как вспышки, афоризмы.
 В моих стихах цветные петухи
 Затмили размышления о жизни.

С годами мы становимся умней,
 Но почему-то хочется с годами
 Не размышлять, а любоваться ей
 И славить жизнь, проснувшись с петухами.

* * *

Как быстро проносятся годы,
 Как много дорог позади.
 Сижу в окруженье природы
 И пса прижимаю к груди.

А пес молодой и горячий,
 И вырваться хочет из рук,
 И вот уже, вырвавшись, скачет,
 И носится вихрем вокруг.

И так всегда. И представляешь:
Невзрачный, в общем-то, петух,
А запоет – и забываешь,
И аж захватывает дух!

И вся семья, и даже куры
Своим гордятся петухом.
А говорят, что куры – дуры,
Но эти, видимо, с умом.

И я при случае удобном
В стихи вставляю петуха –
С его талантом бесподобным –
Для задушевного стиха.

А если стих не приглянулся,
То не его, моя вина:
Он не совсем еще проснулся,
И не настроилась струна –

На тот особенный, высокий,
Тот чистый, задушевный лад...
И гаснут звезды на востоке,
И куры в клюв ему глядят.

* * *

Пишу с годами длинные стихи.
А раньше мне хватало восьмистиший.
Теперь в стихах горланят петухи
И воробышки лакомятся вишней.

Тут мрачные ухают совы,
Болото раззявило пасть,
А злые гадюки готовы
Помочь вам навеки пропасть.

Грустника вкусна. Отовсюду
Обжоры улитки ползут.
И с робкой надеждой на чудо
Грустника роняет слезу.

Усыпанной хвоей дорожкой
Мы в самую чашу придём
И полное с верхом лукошко
Грустники с тобой наберём.

В румяный и ласковый вечер
В избушку её принесём,
На лавку поставим у печи,
Беседой от грусти спасём.

От счастья она покраснеет,
А может, от бликов огня.
И радостью сразу повеет
На ягоды и на меня.

Весь ужас совиного крика
Сумеет она позабыть.
И станет брусникой грустника,
И больше не будет грустить!

* * *

Июнь. Я иду переулком недлинным,
В лицо мне летит лёгкий пух тополиный.
Деревья цветут, только люди не рады,
Клянут тополиные снегопады.
Мол, цвет этот вызовет зуд и першение
И спровоцирует моли кишенье.
От пуха на улицах мерзко и грязно...
Ну, словом, противно всё, безобразно.
А я обывателей бред презираю
И звёзды дневные в ладонь собираю.
Как Млечным путём переулок расцвечен,
Как будто Вселенная мчится навстречу!

Сил для жизни набираясь,
Для делишек кой-каких,
Под березой у сарая
На часок-другой притих.

И ему с его березы
Молодые сны слетят:
Будто он пришел с обозом,
А жена и дети спят.

Полушубок он снимает
И на цыпочках идет,
Всех детей пересчитает,
И приляжет, и заснет.

А в избе – пером Жар-Птицы –
Посередочки стола
Так и светятся гостинцы,
Что Лиса ему дала.

ПЕТУХ

Погасли звезды за окошком,
Петух спросонок прохрипел,
Сконфузился, пождал немножко,
Вконец проснулся – и запел!

Потом петух перекликался
То с тем, то с дальним петухом...
И победителем остался:
Концерт закончился на нем.

СТАРИК

После оттепели снова
Наступают холода.
Это, в сущности, не ново,
Эдак, в сущности, всегда.

Но в природе сущность эта –
До апреля, до весны.
В крайнем случае, до лета,
До цветения сосны.

А за ней цветет и липа,
Жаркий полдень настаёт,
И старик от недосыпа
В холодочек спать идет.

Не брюзжит и не стенает,
Ко всему давно привык.
Полушубок расстилает
Замечательный старик.

Полушубок тот не новый,
Но заштопанный женой.
Так что наш старик не вдовый
И, как видите, живой.

Полушубочек расстелет
И старухе подмигнет:
Помирать, так не в постели, –
И спокойненько заснет.

«ТРИ СВЯТЫНИ»

* * *

Жизнь моя — то счастье, то беда,
То мольба под сводом колоколен,
То в ладонях павшая звезда,
То метель, то радуга над полем...
Суть её — крутые берега,
Водокрут поверх песка и ила.
И у этой сути три врага —
Вещсума, неволя и могила...
Но! Сказать по правде, без вранья,
Сколько перед правдой ни форси я,
Три святыни в сердце у меня:
Мама, Отче и моя Россия.

* * *

Мы на лодочке катались
И летали в облаках,
А в кустах таилась зависть
С пеной злобы на губах.
Пересуды, наговоры
Начались наперебой.
И воткнулся клин раздора
Между мною и тобой.
Было целым наше счастье,
Словно яблоко в Раю.
Расколосось на две части —
На твою и на мою.

Часть твоя — сладка, румяна,
 Как порезанный арбуз,
 Ни малейшего изъяна —
 Ни на цвет и ни на вкус.
 Часть моя — из червоточин,
 Гниль внутри и прелость сплошь.
 Что сказать? Диагноз точен:
 В консервацию — не гожд.
 Нет! Мне снова не вернуться
 К нашей речке голубой...
 Но сумею улыбнуться,
 Если встретимся с тобой.

НАЙТИ СЕБЯ

Для всех живых — я где-то потерялся.
 Для многих — умер и из сердца — вон!
 Сначала — плакал, позже — удивлялся:
 Как можно так: в прошедшем — о живом?!
 Ещё живу я, веря и надеясь —
 Вернуться вновь в родимые места,
 Где отогреюсь, и помолодею,
 И поклонюсь родительским крестам.
 Я постараюсь горько не заплакать
 И не упасть в коренья деревьям,
 Но улыбаться не смогу, однако,
 Ладонь прижав к обветренным губам.
 Едва ли встречу у калиток древних —
 Кого любил и просто уважал,
 Ведь, по большому счёту, из деревни
 Когда-то я, выходит, убежал...
 Я не сторонник грёз и обольщений.

* * *

Вспоминаю берег узкий,
 Скалы, море при луне...
 Тот пейзаж совсем не русский,
 Но космический вполне.

Был я молод, был беспечен,
 Но чего-то понял вдруг.
 И войдя в залив по плечи,
 Я услышал сердца стук.

Передать минуту эту
 У меня не хватит сил,
 Я не землю, а планету
 Под ногами ощутил.

И плыла моя планета
 Вместе с морем и со мной,
 Мне казалось, в центре где-то
 Всей галактики самой.

В тишине луна светила,
 Ни моторки, ни весла...
 И неведомая сила
 Нас по космосу несла!

И путник из далекой стороны
 Мне за вином заветное откроет,
 Потом возьмет гитару со стены
 И вольной песней сердце успокоит.

* * *

Девушки! С любовью не шутите:
 Сатана не дремлет за плечом,
 И того, кого приворожите,
 Он пронзает огненным мечом.

Но любовь – не наше с вами счастье –
 Не боится этого меча.
 Чем и отличается от страсти,
 Как бы ни была та горяча.

* * *

Когда колодец вычерпан до дна,
 Когда бадья пустой к тебе вернется,
 Как ни мудри – причина тут одна:
 Ты исчерпал возможности колодца.

И как бы губы ни коробил зной –
 Сомкни и жди, покуда не нальется...
 Такое есть и летом и зимой
 И творческими муками зовется.

Могу грешить, могу и не грешить.
 И что лукавить, ведь до возвращения
 Мне предстоит немало пережить.
 Ну а пока пусть снятся мне ночами
 Тот паренёк, и кони на лугу,
 И та речушка с рыбными местами,
 И отчий дом, и сад на берегу...
 От суммы лет реально не убавить —
 Ни дня, ни часа, как уж ни крути...
 ...Найти себя. И правильно поставить —
 Во что бы то ни стало – на пути!

К ЖИВЫМ ЧЕРЕЗ ПОГОСТ

С товарняка в сугроб глубокий спрыгну,
 Приду к погосту за родным селом.
 Сумею ли сдержаться, чтоб не вскрикнуть,
 Впервой творя родителям поклон?..
 Детей всегда родители прощают —
 Уверен в этом, так как сам отец.
 Плохой отец я — краски не сгущаю.
 И ждёт меня такой же и конец.
 Чужой венок на холмике поправлю
 И в душу водку из горла вплесну,
 стакан и хлеб меж датами поставлю,
 Крутой слезой на выбритом блесну...
 Потом уйду, похрустывая снегом,
 Между крестов на лай и на огни.
 Каким бы грубым ни был человеком,
 Я всё же сын... Господь меня возьми!
 Да, я умру. Туда мне и дорога.
 Ну а пока — мой путь к живым лежит.

Поговорим — за Жизнь, за Русь, за Бога —
 На свете всё Ему принадлежит.
 Он всё простит, но и не всё забудет —
 Плохие и хорошие дела.
 Мы все в одном и том же месте будем —
 Я, ты, они... такие, брат, дела!..
 И лично я не всем на свете нравлюсь,
 А большинству — совсем наоборот.
 Какую память на земле оставлю?
 Крест, обелиск и памятник — не в счёт!
 Мы все живём — пучком и кто как может.
 И нет назад — ни тропок, ни путей...
 Мы все уйдём, а хочется — попозже,
 Но раньше — лет на двести бы – детей...

* * *

Дай, дружище, прикурить —
 Будем пить проклятую!
 И друг другу говорить
 Чушь невероятную!
 В жизни надо всё уметь —
 Отрицать и складывать,
 Отрицая горе-смерть,
 Счастье предугадывать.
 Не умеем мы грешить,
 Часто были битыми.
 Пусть же дети будут жить
 Нашими молитвами.
 Если плакать и грустить
 Сразу не получится,—
 Значит, надо полюбить!
 Вот тогда — научатся!

* * *

Этим липам, считай, полвека.
 А ведь кажется, будто вчера
 Они были в рост человека...
 А ему умирать пора.

Вот как быстро жизнь пролетела!
 Пролетят и последние дни,
 И душа отлетит от тела
 Под языческий плач родни.

Но не зря он сажал эти липы:
 И они зашумят на ветру,
 Заглушая стенанья и всхлипы,
 Зашумят!.. И затихнут к утру...

* * *

Когда душа тоскует о былом,
 А за окном – во тьме и непогоде
 Кусты калины ходят ходуном,
 Уже как бы не нужные природе;

И ветер, налегая на стекло,
 Расплющивает капли ледяные,
 И жалко тех, кому не повезло,
 Кто бедствует, как раньше ездовые;

И эта мысль, банальная вполне,
 Меня в ночи все больше занимает,
 И так и ждешь: что вот сейчас в окне
 Возникнет тень, и следом пес залает.

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

Если жито посеешь –
быть зимой с калачом.

Если жить не робеешь –
то и смерть нипочем.

Если друга не выдал –
есть кому помянуть.

Если жил не для выгод –
ты, брат, дольше побудь.

* * *

Может быть, и не надо бояться,
Ведь любой опрометчивый шаг –
Лишь бы живу-здорову подняться –
Все же учит ходить как-никак.

И, наверно, не надо сердиться:
Эту палку в колесах судьбы
Обстругай – и она пригодится
Косогором шагать по грибы.

* * *

Покопался в себе – и хватит,
Продолжай каждодневный труд.
Если почву всё время лопатить –
Семена никогда не взойдут.

«РОССИЯ НАПРАВЛЯЕТ ВЗОР»

ПУТЬ

Как надоел ваш суетливый бунт.
Россия – путь, а не конечный пункт.
Чтобы идти, куда глядят глаза,
А здесь они глядят на небеса.

Иная цель не стоит и труда.
Иную снег погубит и вода.
Ради иной зачем слезать с печи?
Да ешьте сами ваши калачи!

Не выдумайте строить здесь дворец.
Дороге нашей будет он конец.
Полнеба он закроет, полпути.
И станет некуда и незачем идти.

Рассыпался асфальт, прогнил настил.
Ни фонаря, ни урны, ни перил.
Смотреть под ноги – значит умереть.
Смотри наверх, раз не на что смотреть.

Россия верно направляет взор –
Замысловатый свой плетет узор
Среди простора, срама, бардака...
Выводит дурака из тупика.

Россия – путь. И если подрывник
Его сотрет с лица земли, то вмиг
Не станет лучшей в мире из дорог,
Которую к себе построил Бог.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Смутная стихия
На руку кому-то,
Пасынки лихие,
Дети-баламуты!

Сколько шуму-гаму –
Только бы подраться!
Пожалейте маму.
Дайте отоспаться.

Мама воевала,
Строила, пахала,
Сказочки слагала –
Как все успевала?

Вам, глухим тетерям,
Надо бы послушать!
Нажила вам терем –
Вам такой не сдюжить.

Вы подобны Хаму.
Опустите вилы!
Не будите маму.
Мама копит силы.

* * *

А надо, чтобы слово, как ракета,
Стремилось строго вертикально вверх.
И след вернувшегося в небо света
Не мерк.

* * *

Мне тоже нравится, не скрою,
В мой адрес лестные слова.
От них кружится голова!..
Но я в речах ценю другое:
Что задевает за живое.

Что перед сном и после сна
Не раз, не два в уме прокрутишь
И подытожишь: нет, брат, шутишь,
Еще не вся во мне весна!

* * *

На окошке верба распустилась,
Хижина уют приобрела –
Словно светом вербным озарилась,
Словно бы прибавилось тепла.

Темной ночью одиноко станет –
Чиркну спичкой, вербу погляжу,
И душа от нежности растает,
И курить на волю выхожу.

* * *

Помни, друг мой, о высоком!
Что уж душу принижать.
Научись пред грозным оком
Вольно голову держать.

И тогда судьба-индейка
Будет бегать по пятам,
Ну а то, что жизнь – копейка,
Это, брат, оставь рабам.
У тебя другие взгляды,
И свободно дышит грудь,
И живет твоя отрада
В терему, не где-нибудь.

* * *

Все, что мешает творчеству – прекрасно!
Весенним утром – лично для меня –
Дверь распахну – и абсолютно ясно:
Дай Бог хоть строчку на исходе дня.

А чем чернее, безотрадней тучи,
Тем расторопней (чтоб ему!) Пегас.
И мы домчим до славы неминучей...
Любимая, исчезни с наших глаз!

«ИСТИНА В ДУХЕ...»

ДЕРЖАВНАЯ

И пепел в бокалы высыпят...
Жгли Государя – а жар не гас.

А на дворе же – пока снега.
Да скоро ли соловьи споют?

Да на траве не роса ещё.
И прыток в песне жаворонок.

А Матерь Бога – Державная,
Русь мою воскресающая!

Царствуй, Царица Небесная
да Матерь Господа нашего!

А нам – вериги донашивать.
О родине печься любезно.

Истина в Духе откроется.
Наши грехи к лицу палачам...

Сущую Богородицу
Тя величаем!

СЫНУ

Молитовка не в устах черства,
но дух у неё мирской...

От старосты и до Старчества –
Христовой подать Рукой.

Научишься оправданием
Всемиловитой слезы.

И с ближним, далёкий в недавнем,
спасения свяжешь азы.

Терпением подпоясанный,
в усердии подвяжись.

О Господе, сокол мой ясный,
ревнуй с испытанием жизнь.

РУССКАЯ ТРОИЦА

Этап умаления пройден.
Не милостыню моли.

Душа вопиет о народе
Господней моей земли,

земли моего Иисуса,
подножия Рождшей Христа.

Ты рылом, безбожник, не суйся!
Не корчись, антихрист, в уста.

Нет Бабы-Яги и Аллаха.
Есть мерзкие кучи бесов.

Пожрёт «Материнская» плаха
создателя Microsoft.

Халдейское сучье вымя
висит у гортани овцы...

Но русская Троица вынет
смердящие гноем сосцы.

Можно верить народным приметам,
Можно песни застольные петь,
Если сани готовятся летом,
Можно за зиму много успеть.

И в конце – принимая, как надобно,
Завершенье земного пути, –
Когда близкие выйдут ненадолго,
Можно спрятать цветок на груди.

* * *

Ах, черт возьми, какая жалость!
Здесь дуб стоял в расцвете лет,
И вот что от него осталось:
Один обугленный скелет.

Корявый, черный, исполинский,
Прожженный молнией дотла.
Какой, должно быть, сатанинский
Огонь взметнулся! Ну дела!..

За что разгневался, Создатель?
Я не пойму, какой в том прок?
А может, загулял некстати
Твой подданный – Илья Пророк?

И без разбору – с колесницы
Стрелу каленую пустил...
Чтоб я ходил сюда молиться:
О Боже крепкий, дай мне сил!

Он был цыган. Ни хаты, ни кола.
Гитара да за пазухой уздечка.
Их ночь свела, и ночь их развела,
И не успел он подарить колечко.

Но здесь не все. Вы не снимайте шапки,
Конца любви здесь не было и нет:
Тот пот над бровью – пот моей прабабки,
А без очков – я вылитый прадед.

* * *

Я знаю жизнь. Я знаю цену.
А все бесценное – со мной.
Ответственность пришла на смену
Любви, теперь уже земной.

А что там дальше, как там будет,
Какая видится судьба?
Я только-только вышел в люди,
Я утираю пот со лба.

* * *

Чудно все-таки жить на свете!
Все же здорово повезло.
Можно запах вдохнуть соцветий
И чихнуть – всем смертям назло.

Можно с милой вбежать под ливень,
Можно ночью костер запалить,
За бесценок, за несколько гривен,
Можно книгу о жизни купить.

«ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ»

* * *

Расстилается даль голубая,
Серебрится под солнцем река.
Синь небес да просторы без края,
Да дорога в полях далека...

Да березка раскинула ветки,
Расточая безбрежную грусть...
Свежесть крепкого, резвого ветра.
Седина в волосах. Ну и пусть!

Даль открыта усталому взгляду.
Дело к вечеру жизни и дня.
Улыбаюсь природе и рада,
Что никто не увидел меня.

СЫНУ

Кто в России рожден, тот обласкан
Звездой Рождества,
Неземному высокому свету душою причастен.
Здесь Спаситель, Христос, Божий Сын
не пустые слова,
Без молитвы душе невозможно приблизиться
к счастью.

Погляди, как сияет звездой небесная высь!
Покаянные слезы рождаются в муках сердечных.
Мы однажды в России с тобою, сынок, родились,
Мы душою и сердцем останемся русскими
вечно...

МОЛЕБЕН ТРОИЦЕ

Красивым слогом да былинной речью
 Да как поведать горе человечье?
 Молебен Троице. Молебен Троице...
 Лицо усталое водой омоется,
 Морщины скроются – все, как завещано,
 А над иконочкой склонилась женщина
 И часто крестится – дрожит рука:
 — Я при живом-то муже одинешенька.
 Сам хлещет горькую с утра до вечера,
 Есть в доме нечего, а деток – четверо.
 Хоть в церкви душенька да успокоится.
 Вот и пришла служить молебен Троице.
 — А ты, молодушка, что тут стоишь?
 — Да не молодушка, уж третий выкидыш.
 Вот и хожу сюда, чтоб снять проклятие...
 Молебен Троице, да с водосвятием!
 — Что пригорюнилась, бабуля, милая?
 — Да я сама себе стою постылая,
 А жизнь все тянется, как сквозь туман.
 Была дочь пьяница, внук – наркоман.
 Молебен Троице, что свет во тьме.
 — А дочь?
 — На кладбище.
 — А... внук?
 — В тюрьме...
 А ей идти куда,
 Помимо Господа?
 А и сказать кому –
 Да только Богу Самому...

* * *

Коней не покупают. Их крадут.
 Иначе не цыган ты – баба.
 Смотрите все: по улице ведут
 Избитого дрючками конокрада.

Мужик – он душу вынет за коня:
 В хозяйстве конь – первейшая подмога.
 А эти ночью и при свете дня
 Крадут коней и не боятся Бога.

И вот ведут. Так водят потаскух
 На бабий суд расхристанные жены,
 А на пути стоял большой петух
 И похвалялся глоткою луженой!

И шел цыган. Он знал, куда идет,
 Но знал и то, что избежал расправы,
 И будет жить, и всех переживет,
 Хотя избит был больше чем исправно.

А у колодца, губы искусов
 И в коромысло пальчики впечатав,
 Как истукан, воды не расплескав,
 Она стояла. А вокруг – девчата.

Она не вскрикнет: ей нельзя кричать.
 Лишь капля пота выступит над бровью.
 И он смолчит, и будет вдаль шагать –
 Вовек хранимый тайною любовью.

* * *

Я редко брался за перо:
 Я был, друзья, в плену у страсти,
 Но не к вину и не к зеро,
 А к лошадям не черной масти.

Я с ними рядом ел и спал –
 Под небом гор, в краю далеком.
 И аметистовый кристалл
 Сверкал мне лошадиным оком.

Мы кочевали по горам,
 Язык природы изучая.
 Сегодня здесь, а завтра – там,
 Куда вела тропа крутая.

С тех пор прошло немало лет.
 И вот сижу, стихи кропаю
 О том, как я коней купаю,
 А тех коней давно уж нет.

Но все хорошее во мне
 По-настоящему – оттуда,
 Где молодость, где жизнь как чудо,
 Где я был вправду – на коне!

— А ты что, девица, притихла мышкою?
 — Да я иконочку намедни вышила,
 Болгарским крестиком – как ваше мнение?
 А скоро кончится? Жду освящения.
 — Ну ты, с бидонами, давай не шибко там!..
 И кто-то с кольцами, и кто-то с вышивкой...
 А кто – с хоругвями,
 А кто – с иконою,
 И освящается вода студеная!
 Как той водицею да мне умыться бы?
 Как мне умыться бы да успокоиться...
 Вот и окончился молебен Троице.
 Ой, треба верная! Да просьбы сложные...
 Вот только знать нельзя, что нам положено.
 А судьбы горькие, а люди – разные...
 Слезой омоется, что было грязного.

СВЯТОЙ ИСТОЧНИК

Льётся чистая вода,
 Пробивающая камень,
 Омывающая душу,
 Холодящая, как лёд.

Льётся чистая вода,
 Усмиряющая пламень
 Страсти, что рассудок глушит —
 Наливай, честной народ!

Льётся чистая вода,
 Осушающая слёзы,
 Наделяющая силой,
 Молодящая слегка.

Льётся чистая вода —
И склоняются берёзы,
И стоят в тиши могилы...
И глаза у старика,

Что пришёл испить водицы,
Словно небо, голубы.
Знает он, что уклониться
Невозможно от Судьбы.

И хрустальная струя,
Благодатная, как небо,
Рассыпающая щедро
Счастье, жизнь, добро, любовь,

Средь земного бытия
Нам дарует на потребу
Воду, что пробилла недра,
Воду, что вошла нам в кровь.

В КАФЕ. ВАРИАЦИИ

1

Вечер выдался хоть куда,
И в кафе царит полумрак.
Мало денег? Но то — не беда,
Посидим вдвоем просто так.
Ты налей мне фужер вина —
Посмотрю, как оно горит,
А потом осушу до дна...

«СПРЯТАТЬ ЦВЕТОК НА ГРУДИ»

Родился в 1947 году в семье лесничего. Детство и школьные годы прошли в поселке Ковернино Горьковской области. Окончил Ленинградский университет, географический факультет, по специальности — геоморфолог. Много лет работал в Киргизии, на Тянь-Шане, в экспедициях. В настоящее время работает корреспондентом заводской газеты "Кировец" в городе Кулебаки.

В молодые годы печатался в ленинградской газете "Смена", журнале "Аврора", альманахе "Молодой Ленинград". В 1981 году в издательстве "Советский писатель" вышла книжка его стихов "Горный воздух", в 2001 году при содействии Кулебакской администрации и литобъединения "Лира" вышла вторая книжка "Жизнь начинается с любви".

«Пишу мало, с перерывами, но все же пишу. Моя покойная мама однажды сказала мне: "Не бросай стихи, пиши, с ними жить интересней..." Вот я и не бросаю».

* * *

Люблю гитары перезвон,
Негромкий голос без надрыва,
Когда рассказывает он
О том, что есть, о том, что было.

И пламя вольного костра,
Друзей задумчивые лица,
И эту грусть, что до утра
Все б пил и пил — и не напиться.

Над деревней Бог хлопочет,
Льет серебряный покой
В душу каждому, кто хочет
Жизни чистой и простой.

* * *

Лист ладонью ярко-красной
К моему окну приник,
За стеклом, на зорьке ясной,
Вижу строгий Божий лик.

Смотрит Боженька с тоскою
На осенние поля,
На туманы над рекою...
Спит уставшая земля.

Смотрит Боженька на тучи,
На полупрозрачный лес,
На созревших листьев кучи
Под зонтом сырых небес.

В доме холодно. Спросонья
Утро кажется концом.
Я к стеклу прижмусь ладонью,
Поздоровуюсь с Творцом.

Сигареты дымок парит,
Разливает музыка грусть,
Хрипловат голосок певца...
Я в глаза твои окунусь,
Засмотрюсь на черты лица.
Дорога твоя седина,
И морщины у рта близки,
А в глазах стоит глубина
И сдавили пальцы виски.
Ну, налей мне еще! Пора!
Влажен взгляд, а губы сухи...
Будем пить вино до утра,
Пить вино. И читать стихи.

2

Не будем спорить. Оба правы.
Здесь есть кафе «Колонный зал».
Мой столик, как войдешь, направо.
Ты так давно не отдыхал!

Пойдем, закажем по салату,
По рюмке «Кабернэ» возьмем,
Как в прежние года когда-то
Поговорим о том, о сем.

Здесь в полумраке так уютно,
Учтиво примут, угостят.
И расставаться сразу трудно.
Давай еще «по пятьдесят».

Куда спешить? Уже все было.
Ты лишь судьбу благодари,
Что все сама за нас решила,
Да так удачно! Посмотри –

Все отболело, уложилось,
И дети выросли вполне...
О чем и не мечтал, все сбылось.
Я рада за тебя вдвойне.

По-своему мы оба правы.
Давай увидимся опять!
Не забывай – мой столик справа.
Так приходи. Я буду ждать.

3

Стакан янтарного напитка,
Три розы в вазе из стекла.
Сегодня времени с избытком,
Сегодня нас судьба свела

За столиком кафе пустого,
Где в зале тишь и полумрак.
И на губах трепещет слово,
И взгляда близится зигзаг.

Глаза вместили отраженье
Всего, чем полнится душа.
И вне основ стихосложения
Происходящее. Верша

БОГ В БЫТУ

Две туфли в углу, словно лодки у пирса.
Стакан на молу подлокотника. Скисла
Капуста, заквашенная для зимы,
Дожившая в рамках до ранней весны.
Классический стиль тепловой батареи,
Под шпоном дубовым сосновые двери,
Бесплодный лимон – никуда не привит,
Объевшийся кот под газетами спит,
Какой-то чудак зазывает с экрана,
Напомнила снова забытая рана,
В окно синевую автобусный смог...
И дышит за всем перечисленным Бог.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Цвета нет, деревья плоски,
Красит серебром луна
Две бегущие полосы
От платформы полотна.

Звуков нет, лишь лай собачий
Будит тишину окрест,
Голову в сиянье прячет
Разметавший руки крест.

Звезды смотрят друг на друга
В неба черной глубине.
Борозда ночного плуга –
Млечный путь в упругом сне.

Я поднимался на горный хребет,
Встречая холодный, утренний свет.
Груз перехода тянул вниз,
Но я шел вперед, вверх, на карниз.

Я парусом правил, бризы лова,
Я землю искал, но исчезла земля.
Брызги солили мое лицо,
Руки теряли штурвала кольцо.

Я мерз на торосах, под снегом спал,
Мне северный ветер в грудь хлестал,
Далекие звезды не слали тепла,
Сознание ковала холодная мгла.

Я падал без сил, но силы искал.
В ущелья, срываясь с коварных скал,
Я в клочья одежды свои изодрал,
По несколько суток я голодал.

Я полз, когда не мог идти,
Я шел, чтобы Тебя найти.
Бред лихорадки меня жег...
Но все ж найти Тебя я смог!

Когда же горячим лбом своим
Я приложился к коленям Твоим,
Тихо, сквозь губы, сказал про себя:
«Я даром получил Тебя!»

Остатки дел текущих суток,
Ты обрываешь суету,
И не тревожит бег минуток.
Не торопись. Я не уйду.

4

В нашем старом кафе темно,
Лишь в витрине горит вино,
Да искрится барменши взгляд –
Нам продаст она все подряд.
Мы присядем с тобой в углу,
Да попросим вина к столу,
Да горячего... Хлеб да соль!
Посмотреть на тебя позволь,
Посидеть с тобой в тишине,
Растворить грусть-печаль в вине.
А глаза твои так близки...
Почитай мне свои стихи –
Про Россию, про плат небес,
Про дремучий сказочный лес,
Про высокие стены гор,
Про бескрайний морской простор.
Я в лицо твое загляжусь,
Я в глазах твоих отражусь...
Ну, давай,
Наливай по край
За родимую нашу Русь!..

«К ВОРОТАМ НООСФЕРЫ»

МЕСТО ЛОБНОЕ

Площадь Красная да место Лобное.
 Три утра.
 Неурядицы междоусобные
 Да игра
 В царь-девицу с лебединым обликом
 На крыльце
 Средь сапожников, портных... Ни отклика
 На лице
 Царь-героя мне не вызвать лирикой.
 Каждый жест
 Изучая, говорит: валькирия
 Вражбых мест!
 По-над речкой коромыслом каменным
 Справят мост.
 За Василием взметнётся пламенем
 Солнце в рост.
 И готовятся звонить к заутрене
 Бубенцы,
 И стремится криком голос внутренний
 Сквозь зубцы,
 Сквозь зазубрины кремлёвских башенок
 В терема.
 Место Лобное да место страшное.
 Кровь да тьма.
 И, вонзаясь, режут колья острые
 Накрест грудь.
 Между плахой и монашьим постригом –
 Царский путь.

Христос сидел, измученный, голодный.
 Как после боя. Раненый копьем.
 Висел над куполами грай вороний,
 Все этим черным птицам нипочем.

Святыню восстанавливали люди,
 Разрушенную красной саранчой.
 На бронзовеющем небесном блюде
 Сверкал восток негаснущей свечой.

Христос устал, Он был уже не молод,
 Он спать хотел, но было не до сна.
 Сквозь человеческий, равнодушный холод
 Светила в души Вечная весна.

ЦЕНА ТРУДОВ

Я шел по пустыне, через пески,
 Солнце нещадно жгло виски,
 Под треснувшими губами
 Я молча скрипел зубами.

Я плыл через реку, на пороги,
 Холод воды сковывал ноги,
 Волны захлестывали с головой,
 Теченьем сбивало с пути по прямой.

Я пробирался сквозь дебри тайги,
 Ночью, когда не видать ни зги.
 Колкие ели били в глаза,
 Над головою гремела гроза.

Вплоть до обеда... Чем себя занять?
 Ни промысла, ни проблеска, ни строчки...
 Иду на воздух, время шагом мять,
 Стремясь над всеми і поставить точки.

И нахожу... значение и смысл,
 Дня уходящего, скользящего к пределу.
 Вновь разум ловит призрачную мысль,
 Желание растет вернуться к делу,

Которому служу не первый год,
 Которое поэзией зовется.
 Бывают дни, когда тоска гнетет,
 Но не сгибает – снова вижу солнце...

И снова «пляшут» рифмы на устах,
 Сплетаются слова и образа.
 И снова вижу Господа Христа,
 В упор глядящего в мои глаза.

ХРИСТОС У ХРАМА

Христос сидел на паперти у храма,
 Невидимый, неслышимый... Один.
 Визжала за оградой пилорама,
 Под купою краснеющих рябин.

Сновали суетливые трудяги,
 Над колокольной строили леса.
 Церковные под ветром бились стяги
 И радовались стройке небеса.

Не пристало мне кидаться под ноги,
 Умолять.
 Приложу к губам креста холодного
 Рукоять.
 Никого с собой в края загробные
 Не возьму.
 Оглянусь назад – а место Лобное
 Всё в дыму.

* * *

Цветёт ли лозой Алазани долина,
 Твердеет ли глиной орнамент Метехи,
 Поёт ли ларчеми – но присно и ныне
 Лишь мысль о тебе остаётся утехой.
 Зовёт ли к застолью хинкальный Тбилиси,
 Прельщают ли бани Ростова прохладой,
 Но я повторяю: мне ныне и присно
 Лишь мысль о тебе остаётся усладой.
 Кура и Арагва сплетают двуречье,
 Рождаются Мцхета ребром человека,
 Смываются клятвы, теряются речи,
 А мысль о тебе остаётся навеки.

* * *

Мне бы в юность возвратиться,
 Чтобы всё начать по новой:
 Целый день с отцом трудиться
 На строительстве церковном,
 А потом, в карманах пряча
 Благодатные мозоли,
 Отправляться в путь бродячий
 И шагать бок о бок с колли
 В сарафане ярко-красном,
 Приспустив платок на плечи,
 По дороге ненапрасной,
 Не вокруг судьбы – навстречу!
 Мимо школы, мимо дома,
 Нефтяного института,
 Чтоб с тобою стать знакомой
 Снова там – в конце маршрута.
 А потом – тайком венчаться.
 Воля – камень, сердце – глина.
 Стать женой твоей в семнадцать.
 И родить. И снова – сына.

Нет, мой Господь, подобного Тебе!
 Израиль Ты избрал Себе
 Своим народом на земле вовек.
 Что может пред Тобою человек?

Ты из Египта Свой народ избавил,
 Чтоб он Тебя по всей земле прославил.
 Прогнал народы от лица народа Твоего,
 Чтоб Богом стать его.

И да пребудет Твоё имя на века!
 В Твоей руке моя смиренная рука!
 В Твоих глазах мои открытые глаза...
 Благодарением Тебе — моя слеза.

Дерзнул Тебе молиться верный раб.
 Я пред Тобой всегда и наг, и слаб.
 Изрек Ты благо обо мне, в любви
 Благослови меня, Господь...
 Благослови.

БЫВАЮТ ДНИ, КОГДА ТОСКА ГНЕТЕТ...

Бывают дни, когда тоска гнетет,
 С утра стреляет колко в поясище.
 И кажется, что время вспять идет,
 И хочется без повода напиться.

В такие дни я будто бы в чужом
 Непонятном и непонятном мире.
 Он суетно резвится за окном...
 Потерянно «гуляю» по квартире

Когда словам от Бога чутко внемлю
И ими подвигаюсь на дела,
Ни в чем невинную я покидаю землю,
Мирское жестко жгу в себе дотла.

Пустую сущность, чистую дощечку –
Себя – я в руки Бога предаю.
Ветрами снова задувает свечку.
Не реагирую... и Господа молю

Меня – пустого – Божеским заполнить.
Любовью вечной, духом Воскресения...
Его глагол я буду долго помнить
И ближних выводить на путь Спасения.

МОЛИТВА ДАВИДА

*“И пришел царь Давид,
и стал пред лицом Господним,
и сказал...” (1 Пар. 17.16)*

Кто я, возвышенный Тобой, Господь?
Перед Твоим лицом моя трепещет плоть.
Что дом мой, о котором возвещаешь?
Ты на меня как на великого зриаешь...

И это малым кажется в Твоих очах.
Молитва каждый день в моих устах.
О Господи, Ты обо мне сказал!
Мой дом во славе миру показал...

Что я могу прибавить пред Тобой?
Я раб, готовый жертвовать собой,
Тебя величить пред Твоим народом...
Ты знаешь, царь Давид откуда родом.

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Еве Валери

1

Выставка в стиле Банкси
На многолюдной стрит.
Падают в дилижансы
Яблоки Гесперид
С плодоносящих веток
Ветхозаветных крон.
Град золотых ранеток.
Еве земной поклон.
Слева – эмблема Apple,
Технодизайн витрин.
Яблочный срез и слепок,
Косточки сердцевин.
Зреет зелёный глобус,
И на его оси –
Надпись «Одной особе».
Яблочко откуси –
И оживут из праха
Мёртвые: стар и млад,
Гектор и Андромаха,
Трои великий град.

2

У мирового древа
Яблоку негде пасть.
Примет потомков Евы
Суши шестая часть.
И набирает силу
Колокол каждый час.
А в городах России –
Яблочный нынче Спас.

* * *

В какое Зазеркалье ни лети,
 в какие ни вторгайся ноосферы,
 вопросы веры –
 главные в пути.
 Как ни дави самсоновым плечом
 в портал сторожевой портокулисы,
 стеклу Алисы
 штурмы нипочём.
 В нём тайный изумрудный городок
 и улиц винтовая паутинка.
 Ключ-невидимка
 делает виток.
 Но створки так тесны, что не пройти
 ничтожной пешкой в царские ворота.
 Законы Лота –
 главные в пути.
 В час отворенья не смотри назад,
 чтоб не застыть солёным монументом.
 И ждёт момента
 зеркала квадрат,
 чтоб раскупорить ёмкость ноосфер,
 где звёзды, как послания в бутылках,
 уходят в ссылку:
 с облака – в карьер.
 А ты склоняйся, делай реверанс
 И подбирай их даже под забором.
 И залп Авроры
 как последний шанс,
 чтоб штурмом взять судьбу и перейти
 в геройский эпос или к эшафоту.
 Законы Лота –
 главные в пути.

Когда утихнет звон вечерних блюд
 И сон захватит тёмные кварталы,
 Мастеровитый, просвещённый люд
 Пройдет через священные порталы.

И заработают искусные станки,
 Закрутятся бесшрипные колеса.
 И под бодрящие сигнальные звонки
 Раскурится поэтом папироса.

Разбуженные медные шмели
 Расставят звезды по небесной ткани,
 Чтоб освещались в мастерских земли
 Дела ночные до рассветной рани.

Когда ж призывы утреннего рога
 Разбудят снова помыслы дневные
 И выйдут на проспекты постовые,
 Мир обновлённый будет славить Бога.

* * *

Я только в Бога верую негромко,
 Ему лишь каюсь в нажитых грехах.
 Я русским каликой с заплечною котомкой
 Жду Бога на пронзающих ветрах.

Я только с Ним бываю откровенным,
 Лишь с Ним всерьез о жизни говорю,
 Ему я остаюсь годами верным,
 Его за все, что есть, благодарю.

Его не знал никто
Из живших рядом с ним..
Он не носил пальто
И Богом был любим...

Прозрачен, невесом
Воздушный пешеход.
Он вновь среди лесов,
Полей, небес и вод.

ВЕЧЕРНИЙ РОГ

Когда над миром протрубит вечерний рог
И люд уставший, отложив свои заботы,
«Чехлит стволы», спешит домой с работы,
За миром зорко смотрит Бог.

Он видит все! Умы людей насквозь
Просвечивает, на престоле сидя.
Прозрачную водой просачиваясь сквозь
Ткань душ... Его никто не видит.

Он знает чистые сердца, готовые принять
Его всё побеждающие светлы,
Подвижников, умеющих понять
Его слова и христианские заветы.

Таких Он бережет от неудач,
На «узкий путь» выводит постепенно.
Таковыми круг решается задач
Глобальных. Эволюции Вселенной.

И ты идёшь – одет, обут, отпет –
к воротам изумрудной ноосферы,
к вопросам веры
выдумав ответ.

* * *

Туннели Ленинградки. Самолёт.
У девочки-гитары взвизгнут струны.
Какие над Парижем нынче луны?
Какая кровь по улицам течёт?
Лазурная?
И стонет в лазарете
Та девочка, с которой никогда
И ни за что на этом белом свете
Гранитные не строить города.
Поскольку заселять их будет некем.
И вечным попаданьем в переплёт
На горизонт наматывает реки
Нескладный оловянный самолёт.
В нём девочка на тоненьком запястье
Выстругивает кровное тавро.
А продавец несбывшегося счастья
Другим толкает сказку о Пьеро.
И серебрятся струны-монологи
По линии отрыва от вины.
Какие у Парижа нынче боги?
И каковы истоки глубины
У песен?
И прольётся на брусчатку
Невинно-капиллярная лоза.
Взлёт запрещен.
И взвизгнут тормоза,
Опомнившись в туннелях Ленинградки.

* * *

Встречи впредь не состоятся –
 Анна масло разлила.
 У трамваев зазвонятся
 Купола.
 Как ни щурься в небо птичье
 Сквозь мольбу бездонных лип,
 В каждой встрече – безразличья
 Логотип.
 Сеет пуговицу платье
 С корнем вырванным ключом.
 Нам теперь рукопожатья –
 Нипочём.
 Нипочём игра навывлет –
 Рельсы смазаны всерьёз.
 Вжих! – и кто-то в чернобыльник
 Под откос.
 Погоди, подай мне руку.
 Продублируем финал.
 Анна масло...
 Стойте!
 Ну-ка,
 Стоп-сигнал!

Бог не трогает дрожащих,
 Совершает чудеса,
 Избирает настоящих.
 И ведет на Небеса.

АНГЕЛ

Прозрачен, невесом,
 Воздушный пешеход
 Бродил среди лесов,
 Среди зеркальных вод.

Взлетая над землей,
 Мечом блистал в руке,
 Свет пропускал собой.
 Порою был в тоске...

В холодных облаках
 Давал покой крылам,
 Натруженным в веках...
 Спускался в Божий храм,

Уняв у Царских врат
 Свой деятельный нрав,
 Молился Богу... Свят,
 Был Ангел свят. И прав!

Из храма вылетал
 Смиранный и простой.
 И часто день встречал
 Над главкой золотой.

Его лучи меня касались,
Мне Божий свет был маяком.
Я шел по небу, мне казалось,
Что с небом я давно знаком.

Дорога поднималась в гору,
Похожая на Млечный путь.
Я на горе увидел город,
Где мог, устав, передохнуть.

Ворота, скрипнув, отворились,
За мной над тихой мостовой
Туманы юности клубились
Под стройный колотушек бой.

ДЕЛО

Ходит Бог по бездорожью,
Правит души не спеша.
После правки мелкой дрожью
День охвачена душа.

Из темниц души уходят
Хвори, страсти, маета.
Злые помыслы исходят.
Ложь, притворство, суета.

Волей Бога заполняет
Душу благостный покой.
Вера в Бога исцеляет,
Очищает,
Освежает,
Душу делает живой.

* * *

Скошенной пахнет травой и незрелой пшеницей,
Донником, мятой, гречихой – как будто по ним
Память могла бы разыгрывать действие в лицах
И возвращать меня девочкой в прежние дни:
Переворачивать вилами колкое сено,
Переливать молоко через марлю в бидон,
В спутанных косах выскивать шарик репейный,
Прятаться в стог, собирать облепиху в подол.
Снова катиться с горы в трехколёсной повозке,
Плакать навзрыд, ударяясь о щебень плечом.
Вёрткой скакалкой раскручивать в воздухе мостик,
Прыгать в резинки и салить упругим мячом.
Шахматных кукол возить в доминошной коробке,
Воображая автобуса будний маршрут,
И провожать причитанием божью коровку –
Детки-конфетки тебя, мол, пропащую, ждут...
Время летит... Созревают ирга и калина...
Семечко ржи прорастает тяжёлым зерном...
Боже, Ты знаешь, живу я не хлебом единым –
Дай мне ребёнком вернуться в родительский дом.

«Я ШЁЛ ПО НЕБУ...»

* * *

Земля была безвидна, земля была пуста,
Висела тьма над бездной...
Как с чистого листа
Весь мир писался Богом,
Творился для того,
Чтоб человек из глины
Не признавал Его?

* * *

На небе Бог-Отец скорбел...
Над Богом-Сыном люди издевались.
Он через твердь небесную смотрел
На то, как люди криво ухмылялись,
Глядя на унижение Христа,
На раны, кровь, Его венец терновый...
Сжал Бог-Отец безмолвные уста,
Надеясь не увидеть пытки новой.

Но люди, обезумев без любви,
Плевали на Христа и били тростью.
Дышали духом спекшейся крови,
Слепою были одержимы злостью.

Мог Бог-Отец расправу прекратить,
Движеньем пальца разогнать людей,
Обидчиков огнем испепелить...
Но был Он терпеливей и добрей.

Любого доброго на грешнице-земле.
Он знал, что Сын всё вытерпит до смерти.
Горел огонь на Божьем алтаре,
Его не видели земные люди-черти.

Безумная, бездушная толпа
Сполна вкусила ненависти страстной,
Наверх ведущая последняя тропа
От крови Бога-Сына стала красной.

Но и тогда скорбящий Бог-Отец
Лишь наблюдал... Не скинул с плеч креста.
Он ждал решимости от праведных сердец
Вступить за безгрешного Христа.
Но не вступился ни один... Дождем
Умылся Божий Сын, небесный свет встречая.
Любого Бог-Отец Христа прямым путем
Теперь мог провести... к воротам Рая.

ПРОГУЛКА

Я шел по небу, под ногами
Метался мелкий, звездный сор.
За тонкими луны рогами
Я слышал тайный разговор.

Небесный воздух чист и нежен,
Я надышаться им не мог.
Покой небесный был безбрежен.
Я знал – его хранитель Бог.